

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ»
Юридический институт
Кафедра международного права

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ АФРИКИ

**Материалы круглого стола
XII ежегодной Международной
научно-практической конференции
«Актуальные проблемы современного
международного права»,
посвященной памяти профессора И.П. Блищенко**

Москва, 11 апреля 2014 г.

Москва
Российский университет дружбы народов
2014

УДК 341(6)(063)
ББК 67.91(6)
М43

Круглый стол проводился в рамках реализации гранта РГНФ
«Региональные и субрегиональные межправительственные
организации Африки» (проект № 12-33-01428)

М43 **Международно-правовые проблемы Африки** : материалы круглого стола XII ежегодной Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы современного международного права», посвященной памяти профессора И.П. Блищенко. Москва, 11 апреля 2014 г. / отв. ред. А. Х. Абашидзе, Е. В. Киселева, А. М. Солнцев. – Москва : РУДН, 2015. – 187 с.

ISBN 978-5-209-06215-8

Издание представляет собой сборник докладов и выступлений участников круглого стола «Актуальные вопросы международного права в Африке», проведенного в РУДН 11 апреля 2014 г. в рамках XII ежегодной международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора И.П. Блищенко.

Материалы научного форума отражают актуальные международно-правовые аспекты, затрагиваемые в исследованиях известных, а также молодых ученых-правоведов, и будут полезны как для преподавателей, научных сотрудников, аспирантов и студентов юридических факультетов вузов, практических работников, так и всех интересующихся актуальными проблемами современного международного права и международных отношений.

УДК 341(6)(063)
ББК 67.91(6)

ISBN 978-5-209-06215-8

© Коллектив авторов.
Отв. ред. А.Х. Абашидзе,
Е.В. Киселева, А.М. Солнцев, 2015
© Российский университет дружбы народов,
Издательство, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Введение (<i>Абашидзе А.Х.</i>)	5
<i>Kurgat P.K., Kurgat A.J.</i> The Role of Kenya’s Diplomacy in Resolving Challenges and Threats in the Horn of Africa	9
<i>Arkhangelskaya A.A.</i> International Mediation in the Global South	16
<i>Adu Yao Nicasie.</i> Current Issues of Human Rights Protection in Africa	24
<i>Ekpobodo Ovwigho Raymond.</i> Protection of Human Rights in Nigeria	30
<i>Gugunskiy D.</i> The Influence of International Legal Standards for Space Activities on Legislation and Practice in South Africa	34
<i>Keburia K.</i> Right to a Remedy and Reparation in African System of the Protection of Human Rights	50
<i>Simpe Sasu Baffour-Awuah.</i> Geo-Politics, a Root Cause of Africa’s Under-Development	66
<i>Sunday Gozie Ogbodo.</i> The Principle of Sustainable Development – an African Perspective	81
<i>Tsipris M.S.</i> International Legal Conservation Measures for the West African Populations of the African Elephant (<i>Loxodonta Africana</i>)	82
<i>Диоманде Дро Хиасинте.</i> Экологическая компетенция Восточноафриканского сообщества (ВАС)	90
<i>Кажяева О.С.</i> Приоритетные направления глобального подхода к миграции в отношении Африки и Средиземноморья	98

Киселева Е.В. Протокол о защите и помощи лицам, перемещенным внутри страны, к Пакту о безопасности, стабильности и развитии в районе Великих озер 2006 г. ...	104
Круглов Д.А. Сотрудничество государств в области уменьшения опасности стихийных бедствий: африканская специфика	108
Клюня А.Ю. Потенциал Африканского союза в поддержании международного мира и безопасности на Африканском континенте	114
Ручка О.А. Обеспечение основных социальных прав человека африканской общерегиональной правозащитной системой	121
Конева А.Е. Вклад 24-го совещания председателей договорных органов по правам человека в развитие сотрудничества универсальных и африканских механизмов по правам человека	133
Самаке А. Подневольный брак – нарушение прав женщин в Африке	143
Солнцев А.М., Воробьев Д.В. Международно-правовые аспекты сохранения традиционных знаний, генетических ресурсов и фольклора в Африке	164
Ндженга Лили Нджери. Группа-77: прошлое, настоящее, будущее	184

ВВЕДЕНИЕ

За постколониальный период в Африке были решены важные аспекты государственного строительства и региональной интеграции государств. Институционально-интеграционные механизмы получили разветвлённый характер. Масштабы интеграции привели к преобразованию ОАЕ в Африканский союз в начале XXI в. Ныне основы региональной интеграции твердо опираются на международные соглашения политического, экономического и гуманитарного характера. В целом африканские государства активно участвуют в международном сотрудничестве на универсальном, региональном и субрегиональном уровнях.

Однако усилия африканских государств в сферах социально-экономических отношений пока не дают желаемых результатов. Причина этого по-прежнему заключается в сложившейся несправедливой мировой экономической и финансовой политике. Экономически развитые западные государства, среди которых бывшие метрополии, не поддержали реализацию *Нового международного экономического порядка*, учрежденного в начале 70-х гг. прошлого века¹. Как результат, подавляющее большинство этих государств не смогли выполнить установки Целей развития тысячелетия (ЦРТ)², которые были им посильны. Вместе с тем без существенного улучшения социально-экономического положения населения Африки будет ухудшаться политическая ситуация на континенте, которая чревата негативными последствиями не только для африканских государств, но и для всего международного сообщества. Явные признаки этого уже наблюдаются в

¹ Декларация об установлении нового международного экономического порядка была принята Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 3201 (S-VI) от 1 мая 1974 г.

² См.: <http://www.un.org/ru/millenniumgoals>.

виде совершения массовых убийств на этнической почве, гуманитарной катастрофы в отдельных субрегионах Африки, межгосударственных войнах, дальнейшего разделения государств в результате гражданской войны и т.д.

К этим негативным событиям добавляется неправомерное вмешательство извне в виде так называемой «арабской весны» или вооруженного вторжения в Ливию. Стремительное распространение эболы стало доказательством бессилия регионального потенциала и беспомощности всего мирового сообщества в борьбе с пандемией.

На наш взгляд, Африку следует рассматривать как отражение состояния мирового сообщества со своими плюсами и минусами.

Несмотря на наличие множества проблем и неуклонное увеличение числа новых вызовов стабильности на африканском континенте, есть уверенность в том, что совместными усилиями африканских государств в сотрудничестве с другими государствами – членами ООН эти трудности также будут преодолены на основе современного международного права.

В прогрессе африканских народов и обществ все аспекты жизни являются ключевыми, среди которых сфера образования выступает и как условие, и как средство всестороннего развития индивидов, общества и самого государства. В условиях отсутствия достаточных внутренних ресурсов в этой сфере большое значение имеет внешняя помощь. В списке главных внешних игроков достойное место занимает РУДН (ранее именовавшийся как Университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы), а в его рамках – кафедра международного права. Выпускники этой кафедры успешно трудятся во всех африканских государствах, а многие из них представляют африканские страны в ООН и других международных организациях. За последние 20 лет выходцами из Африки на кафедре было подготовлено и защищено более 30 кандидатских диссертаций по международному праву. Из

последних защит можно отметить работу Диалло Сираба из Мали «Африканская система защиты прав человека и народов»³. На данный момент на кафедре в аспирантуре обучаются 7 соискателей из Африки (Мали, Камеруна, Кении, Кот-д'Ивуара, Бенина).

В настоящее время на кафедре международного права восстанавливаются традиции, заложенные профессором И.П. Блищенко, включая фундаментальные международно-правовые исследования африканских проблем. В частности, три года назад при кафедре международного права РУДН был создан Центр African Studies. Данный Центр активно взаимодействует с Институтом Африки РАН и другими научными центрами в России и за рубежом. Так, например, в 2014 г. более 20 преподавателей, аспирантов и студентов кафедры приняли участие в XIII конференции африканистов «Общество и политика в Африке: неизменное, меняющееся, новое» (Москва, 27–30 мая 2014 г.) и XIII Всероссийской конференции молодых африканистов «Страны Африки в глобальной политике XXI века» (Санкт-Петербург, 7–8 ноября 2014 г.). В рамках Центра на постоянной основе проводятся круглые столы, ежегодные секции в рамках Блищенковских чтений и публикуются соответствующие материалы по международно-правовой проблематике Африки. Центр за короткий период стал узнаваемым, доказал свою состоятельность.

На базе кафедры международного права РУДН открыта магистерская программа по международной защите прав человека на английском языке, где обучаются также студенты из Африки, получившие степень бакалавра на родине. В рамках этой магистерской программы преподается полный

³ Диалло Сираба. Африканская система защиты прав человека и народов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: РУДН, 2013. URL: <http://www.intlaw-rudn.com/postgraduate/abstracts/afrikanskaya-sistema-zaschity-prav-cheloveka-i-narodov> (дата обращения: 01.09.2014).

курс защиты прав человека и народов на региональном уровне Африки, где значительная роль отводится изучению «*case law*» судебных и квазисудебных органов регионального и субрегионального характера. Упомянутая магистерская программа получила пятилетнюю европейскую аккредитацию.

На кафедре международного права реализуется программа аспирантуры на английском языке. Среди соискателей есть и дипломаты из Африки. Заметным успехом коллектива кафедры международного права РУДН в деле исследования международно-правовой проблематики Африки является победа в конкурсе и получение гранта РГНФ по изучению региональных и субрегиональных организаций Африки. Настоящее издание является результатом одного из этапов исследовательской деятельности коллектива кафедры международного права РУДН в рамках темы гранта РГНФ.

*А.Х. Абашидзе,
заведующий кафедрой международного права
Российского университета дружбы народов
доктор юридических наук, профессор,
член Комитета ООН по экономическим, социальным
и культурным правам, председатель
Комиссии международного права
Российской ассоциации содействия ООН*

THE ROLE OF KENYA'S DIPLOMACY IN RESOLVING CHALLENGES AND THREATS IN THE HORN OF AFRICA¹

Dr. Paul K. Kurgat,

*PhD, Department of History, Political Science and Public
Administration, Moi University, Kenya*

Dr. Alice J. Kurgat,

*PhD, Department of Development Studies,
Moi University, Kenya*

Kenya's diplomacy is based on her foreign policy principles that include: respect for sovereignty and territorial integrity of other states and preservation of national security; good neighborliness; war against colonialism and racial discrimination; Pan-Africanism and national integration. In resolving challenges and threats in the Horn of Africa, Kenya bases its actions on its constitution, UN / AU / IGAD charters, protocols and agreements.

UN and Regional Arrangements in the Maintenance of International Peace and Security.

The Architects of the United Nations accorded a prominent place for regional arrangements. Chapter VIII of the Charter is devoted to peace and security roles of regional arrangements while Chapter VI Article 33(1) speaks of "resort to regional agencies as an option for parties to a dispute," and Chapter VII, Article 47 (4) notes that the military staff committee "after consultation with regional agencies." The responsibility of the International Community, through the United Nations is underscored to use appropriate diplomatic, humanitarian and other peaceful means.

Chapter VIII, Article 52(2), requires settlement of local disputes through regional arrangements before referring them to

¹ The views expressed in this article are purely those of the authors. For the purpose of this article, the Horn of Africa articulating regional issues on their profession capacities as researchers and scholars.

the Security Council. However, Article 53(1) cautions that, “no enforcement action shall be taken without the authorization of the Security Council.” Article 54 states that Security Council shall be fully informed of undertaken or contemplated activities. The provisions of Chapter VII require working relationships among global, regional and sub-regional organizations for prevention and protection purposes. While decision-making at each level reinforces the political legitimacy development of regional and sub-regional arrangements differ in terms of their space, capacity, authority, interests and experiences². There are three strategic pillars in realizing the responsibility of protection as follows: protection responsibilities of the state; International assistance and capacity-building; timely and decisive response. The states are supposed to institutionalize and societies internalize the principles of protection in a purposeful and sustainable manner. These are reflected in the legislation, policies, attitudes and institutional capacities. In partnership are academia, private sector, media, legislature, clerics and NGO’s. The academia is expected to contribute new ideas and knowledge. On the other hand the UN/International community provide capacity-building, development of norms, standards, support institutions that promote tolerance, transparency, accountability and management of diversity³. The same structures are reflected in other continental organizations like African Union.

African Union’s Peace and Security Architecture.

The African Union Security architecture is based on the parameters of UN Charter and other UNGA resolutions to establish several security organs. These organs include: Regional Economic Communities (RECs), Regional mechanisms in the operationalization of the African Peace and Security Council (PSC), the Continental Early Warning System (CEWs), the African

² Charter of the United Nations. URL: <http://www.un.org/en/documents/charter/chapter1.shtml> 03-Apr-14

³ Jean Ping H.E. Africa Peace and Security Architect (APSA) 2010 Assessment study, Zanzibar, Tanzania, 4–10 November, 2010.

Stand-by Force (ASF), the panel of the wise and peaceful fund. The buildup of all these institutions has made progress in operational readiness⁴. The AU Peace and Security Council (PSC) acts as a collective security and early warning instrument for timely and efficient response to both existing and emerging conflict and crisis situations in Africa. This arrangement is in line with the UN declaration on the maintenance of international peace and security and its guideline on regional and sub-regional authority in the Horn of Africa following in the guidelines and footsteps of the UN and AU have also developed and implemented regional security regime⁵

Kenya's Diplomacy and Resolution of Challenges and Threats.

Kenya is the founding member of IGAD in 1986, and signed an amendment to its charter from an authority dealing with draught IGADD to a broader IGAD which deals with issues of security, multilateral relations and development on 21/3/1996. Kenya is a supporter of Somali peace process and the Transitional Federal Government (TFG) through African Union Mission to Somali (AMISOM). Kenya is a member to the Assembly of Heads of State and governments the supreme policy making organ that determines the objectives, guidelines and programmes.

IGAD approaches the Horn of Africa as a regional security complex with intertwined and interdependent security concerns⁶. In these countries the patterns of friendship and antagon-

⁴ Charter of the United Nations

⁵ Declaration on the Enhancement of Cooperation between the United Nations and Regional Arrangements or Agencies in the Maintenance of International peace and security-UNGA A/RES/49/57, 9 December, 1994. See also UN General Assembly Security Council, The role of regional and sub-regional arrangements in implementing responsibility to protect. A/65/877-5/2011/393 of 27 June, 2011.

⁶ Healy Sally, Lost opportunities in the Horn of Africa. How can conflicts connect and peace Agreements unravel, A Horn of Africa Group Report, Chatham House, Royal Institute of International Affairs, 2008. P. 42.

ism are shaped by multiplicity of factors that include: ideological orientation, suspension & fear, cross-border ethnic distribution, territorial disputes, expectations, trade, population, literacy levels of development and disintegration of nation state⁷. It was against this background that in 1996, Kenya, Djibouti, Eritrea, Ethiopia, Somalia, Sudan and Uganda established IGAD formed IGADD.

In 2003 IGAD Heads of state and government entrusted the secretariat the task to draw a regional peace and security. Kenya's diplomatic role in resolving challenges and threats in the Horn of Africa is traced from here.

In July 2007, Kenya organized an IGAD conference in Mombasa city in which thematic issues were identified for research, mediation support and facilitation of IGAD peace and security division⁸. From the thematic issues also emerged three strategic action priorities categorized as: Protocol on conflict prevention, management and resolution; Protocol on demobilization and disarmament; Protocol on Non-Aggression.

Mediation Support Unit (MSU) and framework track II / preventive diplomacy.

IGAD – Parliamentary Union (IGAD-IPU).

Establishment of institutional frameworks to combat-terrorism, money laundering, trafficking in humans, drugs, small arms, piracy, cyber-crime and intellectual property related crimes and promotion of security sector reforms (SSR).

Development and promotion of institutions, infrastructure and capacity for disaster prevention, protocol on shared water resources, transit corridors and ratification of AU conventions⁹. However, there are several challenges to peace and security in the Horn of Africa that include: instability in some member states,

⁷ Barry Buzan and Ole Waever, *Regions and Powers: The Structure of International Security*, Cambridge, Cambridge University press, 2003. P. 230–243.

⁸ IGAD Conference, Mombasa, Kenya, 2007.

⁹ Kritian Coates Ulrichsen, *The Geopolitics of Insecurity in the Horn of Africa and the Arabian Peninsula*, Middle East policy council, volume XVIII, number 2, 2011.

intrastate conflicts spilling over across borders, dependency on donor funding and harmonization of state policies on security & foreign policy and the development of IGAD common security and foreign policy.

Kenya hosted the Somali peace talks the 15th Somali National Reconciliation Conference (SNRC) in Nairobi, September 2003. This process was endorsed by IGAD, AU, the Arab League and United Nations. The transnational federal government charter was also adapted. On the 9th – 29th January 2004, in Nairobi Kenya TFG signed declaration on the Harmonization of various issues proposed by the Somali delegates. The declaration called for the establishment of TFG institutions and elections. It also granted the Prime Minister a vote of confidence. Kenya's diplomacy mid-wifed the birth of South Sudanese nation in July 2011. Kenya therefore has a moral obligation to promote peace and stability in the 2013-2014 conflict and thus dispatched peace mediators to Juba to try and bring the warring factions to a roundtable agreement. Further Kenya has pioneered humanitarian assistance to support civilians trapped in several flash points. To further stabilize the Horn of Africa, Kenya hosted in Nairobi Ethiopian government and National Liberation Front (ONLF) Ogaden rebel group. It also appointed a special envoy Ambassador Ali Bunow Korane to mediate peace.¹⁰

Kenya shares the notion of the International Community that sub-regional conflicts constitute an unstable zone of cross-border insecurity that link security complexes in the Horn of Africa and Arabian Peninsula. The growth of shadow business extending to the Gulf of Aden complicates the counter terrorism and counter piracy strategies. In focusing her regional diplomacy, Kenya is aware of the cross-cutting economic themes, including the impact of localized conflict, drought, difficulties in accessing the sea and trading routes, interstate tension over the Nile waters.

¹⁰ Peter Woodward, *Horn of Africa: Politics and International Relations*, London: I.B. Tauris, 2003. P. 132–133.

The diplomacy of Kenya and that of the entire membership has developed to an extent that it can convene at a very short notice. In 2011 IGAD had the capacity to hold 12 head of states meetings, and executive council meetings. Their decisions are reached by consensus¹¹.

Kenya partner states in East Africa Community have committed themselves to jointly be involved in multi-sectoral agencies engaged in peace support and rescue, counter-terrorism, transnational and cross-border crimes and any other operations which may be mutually determined by the partner states¹².

Kenya carried out an aggressive diplomatic approach to end the Sudanese conflict between the North and South, 2002 – 2005. These culminated into the comprehensive peace agreement signed in Naivasha, Kenya on 9th January 2011, 98.83% of the population voted for independence¹³. Kenya used its good offices to facilitate peaceful negotiations and co-existence when fighting erupted in South Sudan, Kenya and her partner states of East Africa dominated diplomatic chess-board. This diplomacy displayed its business and security interests in the region.

Maritime piracy is another conflict that Kenya continues to fight by articulation of her diplomacy. Kenya rises awareness of the fact that piracy directly threatens seascapes that transport 80 percent of world trade. The direct and indirect effects of piracy cost the world US\$ 7 billion in 2011. Piracy has devastating effect on regional economics. The close vicinity of the piracy precinct to Kenya 's borders existing of pirate networks inside the

¹¹ Mahboub Maalim, IGAD's Role in Stability and Diplomacy in the Horn of Africa, The Open University, 9th May 2013.

¹² EAC protocol on peace and security, Dar-es-salaam, Tanzania, 15th February, 2013.

¹³ Sudan's comprehensive peace agreement: Beyond the crisis. URL: [http://www.crisisgroup.org/home/index.cfm?id=5329&l=\(\)](http://www.crisisgroup.org/home/index.cfm?id=5329&l=()), International Crisis Group, 13 March, 2008.

country, poses various economic and security challenges to Kenya's foreign policy¹⁴.

Diplomacy is the most powerful tool at the disposal of every country in resolving challenges and threats in a regional security arrangement. The task of building a system of preventive diplomacy in the Horn of Africa should begin and include confidence-building security dialogue at governmental and Track-II levels, early warnings and concrete humanitarian measures. Collaboration between IGAD and UN and has been crucial in developing a system of preventive diplomacy. Resources and expertise of the UN and partner states have helped in formulating crisis-time responses. None of the six IGAD states are dominated by an obvious internal hegemon, as they all seek to guard against this possibility by designing decision-making structures based on consensus.

¹⁴ The articulation of maritime piracy in Kenya's foreign policy. URL: [http://www.Saiia.org.za/opinion-analysis/the articulation of maritim...](http://www.Saiia.org.za/opinion-analysis/the_articulation_of_maritim...)13 April 14

INTERNATIONAL MEDIATION IN THE GLOBAL SOUTH

*Dr. Alexandra A. Arkhangelskaya,
Researcher, Institute for African Studies,
Russian Academy of Sciences, 30/1, Spiridonovka str.,
Moscow, Russia, 123001; aarkhangelskaya@gmail.com*

Nations of Africa, Central and Latin America, and most of Asia – collectively known as the Global South – face great challenges and at the same time offer great opportunities. Political, social, and economic upheaval are prevalent in many of these nations; at the same time, the populations of the global South and their emerging markets offer immense hopes for economic growth, investment, and cultural contribution.

Concurrently and since the beginning of the XXI century, the world economy has gone to a new step of globalization, one in which is the existence of new leaders in economic growth. Nowadays, basically all parties agree that the unipolar global architecture is gone. The world is modifying to a new qualitative level. The changes and challenges in some sectors that were ignored now are needed to be examined and are knocking at the door. This is shown firstly by the on going global financial crisis having implications on the foundation of the whole system of global governance. The United Nations, unfortunately, lost its effectiveness and power to regulate effectively the situation. Objectively, the emerging polycentric world scheme, in which the country is free from ideology, is led by national interests and a joint understanding of common interests. This is the fundament for a new, self-regulating world order, which can be made by the common efforts of all the countries and the rule of international law.

In recent years, philosophers and political theorists have been busy addressing the normative implications of our globalizing world. A lively debate about the possibility of achieving justice at the global level now pits representatives of cosmopolitan-

ism against communitarianism. Globalization poses a fundamental challenge to many traditional assumptions. The global governance system based on the United Nations has been pushed for transformation since the 1990s. However the system, built in the aftermath of World War II, has remained rigid. This has owed largely to the opposition by the most influential states and those, particularly Western actors, that find themselves in a disproportionate power position in international organizations that does not match their waning global influence after World War II. At the same time, the emerging powers have been most vocal in demands about introducing change. Today they are not a force to be ignored. The need for change in global governance is increasingly apparent.

Over the past two decades, a fundamental transformation has taken place in the global economy caused by the impressive economic growth of developing countries like China, India, Brazil, and South Africa. The economic center of gravity is inexorably moving toward the developing South. The remarkable upsurge in cooperation between developing countries, characterized as South-South cooperation, must be understood as part of this larger story.

The global South includes nearly 157 of a total of 194 recognized states in the world, and many have less developed or severely limited resources. Unfortunately, the people of these nations also bear the brunt of some of the greatest challenges facing the international community: poverty, environmental degradation, human and civil rights abuses, ethnic and regional conflicts, mass displacements of refugees, hunger, and disease.

It is important to remember that conflicts and wars produce the worst violations of human rights worldwide and are the greatest impediment to human development. Most of the more than 50 major armed conflicts since the Cold War have been internal clashes over religion, national or ethnic identity, and/or access to natural resources or wealth.

In spite of the great strides made by developing countries as a group, it is important to recognize the remarkable diversity that prevails between individual countries in terms of their levels of growth. Such heterogeneity is underpinned by the proximity of their historical, cultural, and developmental experiences, lending to South – South partnerships their distinctive quality of solidarity and voluntariness. It offers a model of development cooperation that is typically demand-driven allowing for greater policy space for the partnering country unburdened by stringent conditionalities and accompanied by lower transaction costs.

Finding and implementing solutions will require unprecedented levels of international cooperation, mediation and other conflict resolution techniques.

International Mediation is the art of conflict resolution and one of the most popular ways of resolving disputes in the world. Statistical analysis of mediation efforts in developed countries shows that 83–85 % of mediation procedures have a successful outcome. In the remaining 5–10 % of the procedures, the parties come to a complete or partial agreement shortly after the mediation is over. Mediation is a newly emerging field in the Global South. Today, it is impossible to imagine everyday conflict management without mediation. Mediation is a procedure of choice for resolution of different types of conflicts all over the world. Countries of Global South are not an exception– mediation, as a form of conflict resolution with an intermediary, has attracted a lot of attention to itself in recent years. The main reason mediation is gaining momentum is a raising demand for mediation services. Legislation mandating the use of mediation has outpaced the development of both theory and practice, and this project is aimed in part to fill that gap, cultivating understanding and practical templates in this developing and important arena.

The term “mediation” has its roots in Latin “mediare” – to be an intermediary. Mediation is an alternative way of conflict resolution in the presence of a neutral impartial third party – a mediator (an intermediary). Mediator seeks to develop a shared

understanding of all the circumstances so that the positions, feelings, desires, interests and needs of the parties behind the circumstances are formulated, voiced, heard and understood by all. During the procedure, mediator supports both parties in development of their mutual decision – a way out of the conflict situation that will satisfy both parties. Mediation is one of the ways of coming to a consensus.

«Mediation» broadly refers to any instance in which a third party helps others reach agreement. More specifically, mediation has a structure, timetable and dynamics that «ordinary» negotiation lacks. The process is private and confidential, possibly enforced by law. Participation is typically voluntary. The mediator acts as a neutral third party and facilitates rather than directs the process. Mediators use various techniques to open, or improve, dialogue and empathy between disputants, aiming to help the parties reach an agreement.

Violent conflicts and human atrocities are a threat to survival of our society and environment. The conflicts cause fear and suffering. Strong emotions, animosity, stand-offs, differences in principles and positions – there can be many obstacles to constructive negotiations between people, groups of people and even nations. In majority of cases, they cannot come to an agreement without outside help. Competent conflict management allows minimizing destructive consequences of a conflict. When mediation is used, the conflict does not cause extensive damage to individuals or communities and does not destroy relationships between them or within the community. The energy of a conflict can be used in a constructive, not destructive, way.

Conflict resolution, is conceptualized as the methods and processes involved in facilitating the peaceful ending of conflict and retribution. Often, committed group members attempt to resolve group conflicts by actively communicating information about their conflicting motives or ideologies to the rest of the group (e.g., intentions; reasons for holding certain beliefs), and by engaging in collective negotiation.

The term conflict resolution may also be used interchangeably with dispute resolution, where arbitration and litigation processes are critically involved. Furthermore, the concept of conflict resolution can be thought to encompass the use of non-violent resistance measures by conflicted parties in an attempt to promote effective resolution. For examples of large-scale civil resistance campaigns, see *Civil Resistance and Power Politics: The Experience of Non-violent Action from Gandhi to the Present*. Conflict resolution as an academic field is relatively new.

Conflict resolution as both a professional practice and academic field is highly sensitive to culture. In Western cultural contexts, such as United States, successful conflict resolution usually involves fostering communication among disputants, problem solving, and drafting agreements that meet their underlying needs. In these situations, conflict resolvers often talk about finding the win-win solution, or mutually satisfying scenario, for everyone involved. In many non-Western cultural contexts, such as Afghanistan, Vietnam, and China, it is also important to find "win-win" solutions; however, getting there can be very different. In these contexts, direct communication between disputants that explicitly addresses the issues at stake in the conflict can be perceived as very rude, making the conflict worse and delaying resolution. Rather, it can make sense to involve religious, tribal or community leaders, communicate difficult truths indirectly through a third party, and make suggestions through stories. Intercultural conflicts are often the most difficult to resolve because the expectations of the disputants can be very different, and there is much occasion for misunderstanding.

Mediation, as used in law, is a form of alternative dispute resolution (ADR), a way of resolving disputes between two or more parties with concrete effects. Typically, a third party, the mediator, assists the parties to negotiate a settlement. Disputants may mediate disputes in a variety of domains, such as commercial, legal, diplomatic, workplace, community and family matters.

For instance, since the early 1980s a number of institutions have championed mediation. The Independent Mediation Service of South Africa (IMSSA) was established in 1984. It trained mediators who then worked through Local Dispute Resolution Committees set up as part of the National Peace Accord. Initial training was undertaken by the UK's ACAS. IMSSA covers mediation within unionised environments. The more recently created Commission for Conciliation, Mediation and Arbitration (CCMA) was formed as result of the Labour Relation Act No 66 1995, and replaced the Industrial Courts in handling large areas of employment disputes. Informal processes that engage a community in more holistic solution-finding are growing. After 1995, the country established a legal right to take an employment dispute to conciliation/mediation. Mediation agreements are binding in law. The process has grown from generally covering collective agreements such as for wages or terms and conditions, to encompass more individual matters including dismissal. Nevertheless, mediation was not always successful.

In contrast to litigation, mediation is a confidential, non-official process, based on autonomy of the parties. This process takes into consideration personal beliefs and subjective interests; the differences and points of view of the parties are respected so that a mutually acceptable solution can be achieved. This is a way to a conscious recognition of one's own weaknesses and weaknesses of others, to acceptance of the fact, that to resolve the conflict, a third party must be involved. Flexible approach allows for creation of a unique model that ideally fits each case. Conflicts differ, and mediators need to have good imagination and be able to work out creative approaches to every situation. This leads to a «win-win» strategy.

And that is a very important feature in understanding the future and the unique way of the development of Global South that formulates itself not as a replica of the existent concepts and practices of predominantly dominating North but as an indepen-

dent and different approach to transformation of global governance by empowering South.

This paper envisions facilitation of understanding of International mediation by looking into the example of South Africa. Today mediation is gaining momentum across the globe and is considered a process, that is based on reaching consensus and promoting collaboration. Thus this study will try to analyze the experience of South Africa as a unique example of a country from the Global South that championed international mediation.

Mediation is not a new concept in South Africa with its rich heritage of the African humanist philosophy known as Ubuntu. Many will argue that mediation helped persuade the apartheid government to make peace with the ANC. It is when disputants realize that winning is not the best and only option for them, that they apply their minds to negotiating a settlement. In South Africa the white minority realized that their concerns and fears could best be addressed in a bill of rights in a constitutional democracy, and the black majority realized that winning, after an all-out civil war, was not best or only option. Judge Colin Lamont expanded recently: “Ubuntu is recognized as being an important source of law within the context of strained or broken relationships amongst individuals or communities and as an aid for providing remedies, which contribute towards more mutually acceptable remedies for the parties in such cases. Ubuntu is a concept which, inter alia dictates a shift from (legal) confrontation to mediation and conciliation”. In keeping with Ubuntu the new South African parliament has passed 40 statutes containing mediation provisions. Mediation service providers in South Africa have taken the first step towards professionalizing mediation, by forming the Dispute Settlement Accreditation Council (DiSAC), which has been tasked with developing Uniform Accreditation Standards for the profession.

During the transition in South Africa, which started in 1989/90 violence has been endemic and hence the challenge was how to manage conflict in such a manner that it is conducive for

the transition. Mediation at different levels and by a multitude of agents was imperative for the success of democratization. Apartheid was a recognized crime against humanity, apart from SA involvement in Angola and Mozambique, hence mediation also involved an international dimension. The Independent Mediation Service of South Africa (IMSSA) was established in 1984. It trained mediators who then worked through Local Dispute Resolution Committees set up as part of the National Peace Accord.

Another dimension of SA unique role in International mediation is that it has done much in the 20 years since the fall of apartheid to establish its leadership on the continent. It has been a constant architect of Africa's new peace and security architecture and an advocate of new diplomatic norms. Its gains and failures in that sphere are an important source for understanding the Global South perspectives in international mediation of state, cultural and ethnic disputes.

Thus, the legacy of Nelson Mandela and what he saw possible for South Africa as a genuine Rainbow Nation aligns with a culture that recognizes mediation, rather than litigation, as the norm for dispute resolution and imposes great responsibility upon a country as a protagonist of international mediation not only in Africa but in the Global South context.

CURRENT ISSUES OF HUMAN RIGHTS PROTECTION IN AFRICA

Adu Yao Nicasie,

*Candidate of legal sciences, Associate Professor,
Department of International Law of the Faculty of Law
at Peoples' Friendship University of Russia.*

117198 Moscow, Mikluko-Maklaya str. 6, adou2000@mail.ru

Many elements are essential when talking about human rights protection, but some of them are vitals, such instruments and mechanisms. The role of different mechanisms for implementation of different instruments in the ground of human rights seems primordial. In this way the Panafrican and some Subregional organizations like international organizations such United Nations, European Council and Organization of American states are creating mechanisms to implement different instruments at last decades in the field of human rights.

From the last decades, in spite of many human rights violation in Africa due to humanitarian situation: many armed and social conflicts, a lot of progresses have been achieved in establishment of mechanisms for human rights protection¹.

The topic is essentially based on the current existed inter-governmental systems of human rights protection in Africa that have been developed at last decades.

The concept of system of human rights protection: all systems mean the interconnected actions of different mechanisms. So talking about systems of human rights protection in Africa, that means the existence of several mechanisms in Africa in the ground of human rights protection. These systems can be divided in 2 main groups:

- within African Union;
- within subregional Organizations.

¹ See, e.g.: Сираба Диалло. Основные факторы и обстоятельства, способствовавшие принятию Африканской хартии прав человека и народов // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2013. № 1.

1. Within the African Union

The most important bodies within the African Union which directly implicated into human rights protection are the African Commission on Peoples' and Human rights and the African Court on human and peoples' rights (African Court of justice and human rights).

The African commission on human and peoples' rights established by the African Charter on human and peoples' rights of 1981 is the first mechanism that was established to strengthen the provisions of the Charter².

The Part II of the Charter provides safeguard measures where the Chapter I establishes and organizes the functions of the African Commission on Human and Peoples' Rights³. According to the Chapter II of the Part II, the Article 45 related to the mandate of the Commission. It shall be:

1. To promote Human and Peoples' Rights and in particular:

(a) To collect documents, undertake studies and researches on African problems in the field of human and peoples' rights, organize seminars, symposia and conferences, disseminate information, encourage national and local institutions concerned with human and peoples' rights, and should the case arise, give its views or make recommendations to Governments.

(b) To formulate and lay down, principles and rules aimed at solving legal problems relating to human and peoples' rights and fundamental freedoms upon which African Governments may base their legislations.

² Абашидзе А.Х., Солнцев А.М. Юбилей африканской системы по правам человека и народов // Евразийский юридический журнал. 2012. № 2 (45). С. 22–25.

³ http://www.au.int/en/sites/default/files/banjul_charter.pdf

(c) Co-operate with other African and international institutions concerned with the promotion and protection of human and peoples' rights.

2. Ensure the protection of human and peoples' rights under conditions laid down by the Charter.

3. Interpret all the provisions of the Charter at the request of a State party, an institution of the OAU or an African Organization recognized by the OAU.

4. Perform any other tasks which may be entrusted to it by the Assembly of Heads of State and Government.

The Commission is also mandated to consider another communication filed from individuals and others entities (art. 55). Actually many cases have been considered by the Commission and it has lay down many principles and practices on the human rights issues. That made a Commission one of the most famous bodies for human rights protection in Africa.

The second element of the system within African Union is the African Court on human and people rights now recognize as African court of justice and human rights established by 2 protocols to the Charter: the Protocol of Ouagadougou (Burkina Faso) of 1998⁴ and the Protocol of Charm el Check (Egypt) of 2008⁵.

The Court as the Commission also has competence to receive and consider complains filed by the State members as by the individuals or other entities.

In spite of that the Court in comparison with the Commission does not involve the whole aspects of its work. But its existence may be seen as good signal for the development of human rights protection in the closer future.

⁴ <http://www.au.int/en/content/protocol-african-charter-human-and-peoples-rights-establishment-african-court-human-and-peop>

⁵ <http://www.au.int/en/content/protocol-statute-african-court-justice-and-human-rights>

2. At Subregional levels

For the last decades the human rights protection within the African Subregional Organization seriously has been increased even than all over part of the world. Usually the International human rights protection includes two levels. That means the International level which imply the United Nations system of human rights protection and the Regional systems such European Council, Inter-American system and the African system.

But now by this time the system of African human rights protection does not mean only within the African Union. That also involve roughly the work of the all subregional organizations whatever their main purposes were at the beginning exclusively economic aims.

These Organizations refer to the Economic Community of West African States (ECOWAS), Southern African Development Community (SADC), East African Community and etc.

Protection of human rights within the ECOWAS was initiated by the Revised Treaty of 1993⁶ that modified the Agreement of 1975 establishing ECOWAS.

The Treaty has modified the structure and the functions of the bodies including the work and the competences of the Court, and the aims of the ECOWAS.

The Article 4 (g) of the revised treaty stipulates the recognition, promotion and protection of human and peoples' rights in accordance with the provisions of the African Charter on Human and Peoples' Rights.

The Optional Protocol to the Treaty empowers the Courts to consider complains filed by individuals as other entities⁷. According to the Article 3 (4) of the aforesaid Protocol, the Court has competence to adjudicate any case of violation of human rights that occur in any member State.

⁶ <http://www.comm.ecowas.int/sec/index.php?id=treaty&lang=en>

⁷ http://www.courtecowas.org/site2012/pdf_files/supplementary_protocol.pdf

Currently the ECOWAS Court is one of the most important systems in frame of human rights protection that has reached good achievements in human rights protection in Africa.

Another Subregional Organization that carries out human rights protection in Africa is the Sothern African Development Community (SADC).

The protection of human rights within the SADC was the full prerogative of the Tribunal which was established by the Protocol⁸ to the Treaty of SADC⁹.

The Protocol in its provision provided individuals and other entities the rights to bring the case to the Tribunal after they exhausted the all national instances or if they could not able to proceed under such jurisdictions¹⁰.

Unfortunately the Tribunal was shot down after having pronounced sentences against Zimbabwe in many cases about the land deals. Now many efforts are deployed to bring back the Tribunal activities in the ground of promotion and protection of human rights. The discordance between Politics and Tribunal shows that the human rights issues in Southern part of the Africa must be out of any political interference.

A part from aforesaid mechanisms that are dealing with human rights issues in Africa, it exist such Organization such East African Community that also protects and promotes human rights. The EAC was created by the Agreement of 1999 between its state members and the Treaty has been revised in 2006 and 2007¹¹. The Article 3 (b) and 6 (d) of the EAC treaty refer to the protection of human rights as one of the main principles of the Organization.

⁸ <http://www.sadc-tribunal.org/?instruments=tribunal-and-rules-of-procedure>

⁹ http://www.sadc.int/files/9113/5292/9434/SADC_Treaty.pdf

¹⁰ Конева А.Е., Солнцев А.М. Трибунал САДК: вчера, сегодня, завтра // Азия и Африка сегодня. М.: Российская академия наук. 2014. № 2. С. 42–46.

¹¹ <http://www.eac.int/treaty/>

Under the article 9 of the Treaty was established the Court of justice of the Community which is also able to deal with human rights issues. Also the article 27 (2) provides that the Court shall have such other original, appellate, human rights and other jurisdiction.

African continent is being becoming the most popular continent in terms of mechanisms on human rights protection in spite of many humanitarian crisis the continent is faced. Many cases have been considered and principles and rules have been laid down by different mechanisms in Africa. But comparing with the existing human rights systems within European Council and Organization of American States, the African systems of human rights protection are young and so need time in order to be performed.

PROTECTION OF HUMAN RIGHTS IN NIGERIA

Ekpobodo Ovwigho Raymond

(Master's Student),

Peoples' Friendship University of Russia,

Department of International Law, Raygho2000@yahoo.com

The concept and practice of human rights protection in contemporary world are as winding as the air we breathe to survive and Nigeria as a part of the human family is not exempted or left alone from this meandering growth of human rights protection. This broader consensus of protection and promotion of human rights become a way forward for human beings to enjoy their human dignity. Counting on this, the world community has engaged and pays attention to the issue of human rights protection.¹ Historically many Nigerians have suffered from violation of human rights and fundamental freedoms before and pre-colonial masters'. The position of Nigeria in the United Nations Human Rights Commission is guided by specific mandates of legal framework. The Nigeria government is committed to the seven principals of human rights instruments with the Universal Declaration of Human Rights set up by the United Nations. This includes: International Covenant on Civil and Political Rights (ICCPR) and its two Optional Protocols; International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights (ICESCR); International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination (CERD); Convention against Torture and Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CAT); Convention on

¹ See the Universal Declaration of Human Rights, G.A. Res. 217A, pmbL, U.N. GAOR, 3d Sess., 1st plen. mtg., U.N. Doc A/810 (Dec. 12, 1948) [hereinafter Universal Declaration of Human Rights]; U.N. Charter pmbL. The preambles of both the UDHR and the U.N. Charter recognize human rights as inherent in man. Paragraph 2 of the U.N. Charter, for instance, "reaffirm[s] faith in fundamental human rights, in the dignity and worth of the human person, in the equal rights of men and women and of nations large and small".

the Elimination of Discrimination against Women (CEDAW) and its Optional Protocol; Convention on the Rights of the Child (CRC) and its two Optional Protocols and International Convention on the Protection of the Rights of All Migrant Workers and Members of Their Families.² With the collaboration of Nigeria legal framework and the United Nations human rights Commission, it controlled the situations of human rights violations in Nigeria. And this has brought the issue of human rights protection broader than it was. Despite the involvement of international human rights instruments engaged by Nigeria government, there are still serious insurgents killing by set of religious group called Boko Haram, which has leads to violation of human rights occurring frequently every day in the country. It is this unlawful act that contributed to the complexity contemporary situation regard to issue affecting human rights protection in Nigeria apparently. Recurring on the theme of all religions such as the texts of the Bible, King James Version (KJV), first John 4:21 quoted: And this commandment have we from him, that he who loveth God love his brother also.³ Koran, Buddhist and Hindu are at least partly human rights documents which agitates respect for human dignity, finds expression in emphasis on love, solidarity with others and tolerance.

The 1999 Federal Constitution of Nigeria is the supreme law of the land. And it has shown a great concerns and implementations on both treaties and international legal instruments for human rights protection in Chapter I section 12 to carefully examine the provisions that are relevant in securing safeguard landing for all human beings. The Chapter I section 12 assert that no treaty between the Federation Government of Nigeria and any other country shall have force of law, except to extent to which any such treaty has been enacted into law by the National Assembly. And the National Assembly may make laws for the Fed-

² These documents are available on OHCHR's web site at www.ohchr.org.

³ King James Version (KJV) 1 John 4:20-21.

eration Government of Nigeria or any part thereof with respect to matters not included in the Exclusive Legislative List for the purpose of implementing a treaty.⁴ However, the African Charter on Human and Peoples' Rights has also help to affirmed effectiveness in both national and regional level to subjugate active human rights protection.

Moreover, the National Human Rights Commission that was established through the National Human Rights Commission (NHRC) Act, 1995, which further amended by the NHRC Act in 2010 under the resolution of the United Nations General Assembly No. 48/134 of 20 December 1993, which enclosed or permitted all member States to establish national human rights institution for the promotion and protection of human rights.⁵ This commission serves as the state extra-judicial mechanisms for promotion and protection of human rights. It enable every individuals to have full enjoyment of human rights protection. Its establishment is aimed at creating an enabling environment for the promotion and protection and enforcement of human rights at large. It also provides avenues for public enlightenment, research and dialogue in order to raise awareness on human rights issues. It further provides equal rights protection for both women and men without any gender discrimination.

In addition, the most favorable enjoyment protection and promotion of human rights in Nigeria is situated in the various constitutional limitations and qualifications granted on these rights. In Sections 45(1) of the 1999 Constitution, the 1979 Constitution⁶ provides fundamental rights which may be justified in term of law. This section provides inter-alia that: Nothing in sections 37, 38, 39, 40 and 41 of this constitution shall invalidate any law that is reasonably justifiable in a democratic society. For the

⁴ Constitution of the Federal Republic of Nigeria 1999. Chapter I section 12.

⁵ National Human Rights Commission <http://www.nigeriarights.gov.ng/>

⁶ See, CONSTITUTION, Art. 41(1) (1979) (Nigeria).

purpose of protecting the rights and freedom of other person.⁷ The African Charter further provides some important provision for derogation clauses for protection of human rights in *Article 6* which quoted: “no one may be deprived of his freedom except for reasons and conditions previously laid down by law” while *Article 11*, in limiting the right to assemble freely, allows “necessary restrictions provided for the law.” Furthermore, Article 4(g) of the ECOWAS treaty guarantees member states: “the recognition, promotion and protection of human and people’s rights in accordance with the provisions of the African Charter on Human and People Rights. More also, the Commission, the Committee and the Community Court of Justice of the ECOWAS pear review of the situation of children are mechanisms for protection of human rights.

It is obvious that human rights are universal, hence, the concept and practice of human rights protection has gained remarkable appeal and significance in the world today. The rapid increase of population of Nigeria has contributed to the raise of human rights violations. Human rights are interrelated with development. The National Human Rights Commission needs more to do, to improve human rights protection. The situation of human rights violations can only be reduced when individuals are allowed to lodge applications with the African Court of Human Rights.

⁷ Section 45(1), 1999 Constitution of the Federal Republic of Nigeria.

THE INFLUENCE OF INTERNATIONAL LEGAL STANDARDS FOR SPACE ACTIVITIES ON LEGISLATION AND PRACTICE IN SOUTH AFRICA¹

Gugunskiy Denis,

*PhD student, Department of International Law,
Peoples' Friendship University of Russia, 6 Miklukho-Maklaya str.,
Moscow 117198 Russia, gugunskiy_da@pfur.ru*

States, being members of the international community had to recognize during the cold war era the risk of allowing outer space to be another terrain of arms race. Consequently, efforts that were directed at preserving space for peaceful purposes prevailed as mankind through the United Nations adopted a number of resolutions such as, Resolution 1884 (XV111) of 1963², which called upon States to refrain from placing in orbit around the Earth any objects carrying nuclear weapons or any other kinds of weapons of mass destruction or from installing such weapons on celestial bodies³. The first milestone Convention that was adopted to specifically regulate outer space activities is the Outer Space Treaty⁴.

South Africa is a participant in international measures and bodies that are meant to promote peaceful use of outer space and international cooperation. It is a Party to the Outer Space Treaty and Rescue Agreement. It is a signatory to the Liability Convention⁵.

¹ Статья публикуется в рамках гранта РГНФ (проект № 12-33-01428).

² Resolution 1884 (XV111) of 1963.

³ Гугунский Д.А. Некоторые проблемы реализации космического права и политики в африканских государствах // Таджикистанский ежегодник международного публичного и частного права. 2014. С. 89–98.

⁴ Treaty on Principles Governing the Activities of States in the Exploration and Use of Outer Space, including the Moon and Other celestial Bodies of 1967 herein after referred to as the Outer Space Treaty.

⁵ Convention on International Liability for Damage Caused by Space Objects of 1972.

Although South Africa indicated to COPUOS that it had embarked on a process of becoming a Party to the remaining treaties it is noted that the process had taken rather a relatively lengthy period⁶.

It is, however, important to note that South Africa also evokes Article 111 of the Outer Space Treaty when interacting with, for example, other States that are Parties to the Liability and Registration Conventions. Article 111 of the Outer Space Treaty states that, “States Parties to the Treaty shall carry on activities in the exploration and use of outer space, including the Moon and other celestial bodies, in accordance with international law, including the charter of the United Nations...”.

Global cooperation in environmental monitoring is on the increase and the international space community is continually investing in EO/RS space assets and enacting enhancing laws and policies. The legal provisions however depend on whether these countries own the RS satellites or are consumers of the RS products and services. The international legal framework related to RS has been driven by the United Nations space Laws passed by the UNCOUOS and other international agreements. The Outer Space Treaty⁷ has granted mankind, the freedom of space exploration. States and other entities can legally substantiate the launching of remote sensing satellites under the treaty’s provision⁸. The Outer Space Treaty and other instruments such as the Moon Agreement⁹ also takes care of the needs of the States that

⁶ Международное космическое право: учебник / под ред. Г.П. Жукова, А.Х. Абашидзе. М.: РУДН, 2014.

⁷ Article 1 Treaty on Principles Governing the Activities of States in the Exploration and Use of Outer Space, including the Moon and Other Celestial Bodies of 19 December 1966, 610 UNTS 205 (Outer Space Treaty).

⁸ Other relevant provisions of the Outer Space treaty are Article VI Stipulating authorisation and supervision of space operations and Article VIII OST on applicability of national jurisdiction.

⁹ Agreement Governing the Activities of States on the Moon and Other Celestial Bodies of 5 September 1979, 1363 UNTS 3.

do not have the capacity of launching the primary RS equipment by stipulating that the space activities shall be for the benefit and in the interests of all countries¹⁰. Most of the countries including the ones in Africa rely on this provision to enjoy products and services of space exploration in particular EO and RS. The Outer Space Treaty is only *lex generalis* from which special legal principles for RS were developed. The 1986 United Nations Principles Relating to Remote Sensing of the Earth from Outer Space (UNPRS)¹¹ were passed to ensure the RS data are be used for improvement of national resources management, environment protection and natural disaster prevention¹². The UNPRS also governs the relationship between the RS satellite owners (sensing States) and States that are observed the (sensed States) who are entitled to enjoy the derivatives RS satellites data under certain conditions (without discrimination and at a reasonable cost) also stipulated in the UNPRS¹³. Under this justification, African States as sensed States are able to access RS data¹⁴. Although the UNPRS is of universal character and its legal status is that of UN Resolution, it has no legal force. It has been criticized for not being comprehensive enough as it contains gaps in definition and provisions. It also concerns mainly States and does not include the activities of private players. As a result of the foregoing, it has faced lot of challenges in implementation. Other relevant EO/RS

¹⁰ Principle II UNPRS.

¹¹ UN RES 41/65 of 3/12/86.

¹² UNPRS Principle I, X and Principle XI respectively.

¹³ Principle II and XII, UNPRS respectively.

¹⁴ Principle XIII, UNPRS.

international agreements including the 2000 Disaster Charter¹⁵ that promotes cooperation and data exchange during disasters¹⁶.

Some of these activities were performed in an unregulated environment as there were no rules governing space activities in the country. It is important to note that these capabilities were developed during the long period of economic isolation and was intended to serve the nation's military functions. Due to the dualistic nature of the space technologies, it became necessary to impose measures to protect the interests of South Africa by controlling and restricting "dual-purpose capabilities. These include capabilities, which can contribute to the proliferation of weapons of mass destruction, but which can also be used for other purposes such as commercial and military.

In this regard in 1993, the primary legislation that governs space activities, the Space Affairs Act (Act No. 84 of 1993), was enacted. This Act was enacted in order to meet South Africa's international agreements and commitments in respect of the peaceful utilisation of Outer Space; and to control and restrict the development and transfer of dual purpose technologies in terms of various international agreements.

One of the key International Agreements that serves as the foundation for the South African legislation is the Outer Space Treaty, also referred to as the Magna Carta of outer space¹⁷. This

¹⁵ Charter On Cooperation To Achieve The Coordinated Use Of Space Facilities In The Event Of Natural Or Technological Disasters Rev. 3 (25/4/2000).2. See. URL: <http://www.disasterscharter.org/web/charter/charter> accessed 14.09.2011.

¹⁶ Круглов Д.А. Предоставление гуманитарной помощи жертвам стихийных бедствий: международно-правовые аспекты // Актуальные проблемы современного международного права: материалы XI ежегодной международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора И.П. Блищенко: в 2 ч. / отв. ред. А.Х. Абашидзе. М.: РУДН, 2014. Ч. I. С. 595–603.

¹⁷ The Treaty on the Principles Governing the Activities of States in the Exploration and Use of Outer Space, including the Moon and Other Celestial Bodies ("the Outer Space Treaty").

Treaty sets out the core principles that all States must adhere to in the conduct of their space activities. The provisions of the Outer Space Treaty were incorporated in SA Act. South Africa is a Party to this Treaty.

In order to strengthen the provisions of the Space Affairs Act and to honour the international obligations, a complementary legislation, the Non Proliferation of Weapons of Mass Destruction Act No.87 of 1993 was also enacted to focus on control of the dual use technol. The provisions of the MTCR were incorporated in the NPWMD Act.

After both these legal instruments were enacted, the government's priorities were to focus on the socio-economic imperatives. This influenced the development and manufacturing of the space technology in the country. This also impacted on the existing programmes such as the GreenSat programme, which was discontinued in 1994¹⁸. It also became imperative for South Africa to honour the international Treaties by focusing on the being "the responsible user of the space environment"

Following these two anchor legal instruments, a number of other legal instruments have been developed over the years which have an impact on the space activities. These include the Independent Communications Authority of South Africa Act 13 of 2000¹⁹, the Space Agency Act No 36 of 2008²⁰ and the Spatial Data Infrastructure Act No. 54. of 2003²¹. All these various legal instruments cover different activities and for the purposes of this paper, a particular attention will be drawn to those rules governing the launching, operation of a satellite and applications by private actors and the relevance of those rules in the development of space activities in South Africa.

¹⁸ GreanSat Programme.

¹⁹ www.internet.org.za/icasa-act.html.

²⁰ [www.dst.gov.za/publications.../National%20Space%20Agency %20Act](http://www.dst.gov.za/publications.../National%20Space%20Agency%20Act) , This Act establishes an Agency which is responsible for the implementation and coordination of the South African pace programme.

²¹ www.dwaf.gov.za/bi/.../Docs/Englishversion SDIActDec 20031.doc.

In terms of the OST “States bear responsibility for all their space activities, whether those Activities are carried on by governmental agencies or non-governmental entities falling within their jurisdiction”²². This entails that the government of South Africa is responsible for all its space activities including those of its private actors. Since the State has to carry this risk, it is important to put measures in place to minimize such risk.

In order for the government to ensure that its international obligations are carried out, the South African Council for Space Affairs (SACSA) was established under the authority of the Minister of the Department of Trade and Industry “to manage and control certain space activities in the Republic”. This body is established in terms of the founding legislation, the Space Affairs Act, No. 84 of 1993. SACSA is responsible for the licensing and registration of space activities in South Africa and to take care of the interests, responsibilities and obligations of South Africa regarding its space and space-related activities in compliance with international conventions, treaties and agreements entered into or ratified by the Government of the Republic”.

In implementing its international obligations SACSA has recently established a National Space Registry for the current objects Launched into outer Space , which was launched by the Minister of Trade and Industry on 29 July 2011. This Registry currently has two entries, for SunSat and SumbandilaSat.

The South African Council for the Non Proliferation of Weapons of Mass Destruction Council

The Other responsible Authority is the South African Council for the Non Proliferation of Weapons of Mass Destruction Council, which is established in terms of the NPC Act above. The NPC is responsible for the regulation of controlled activities and goods of a chemical, nuclear dual-use, missile delivery or biological nature that could contribute to development and proli-

²² Outer Space Treaty.

feration of weapons of mass destruction. This Authority also resides with the Department of Trade and industry.

The Other responsible Authority is the Independent Communications Authority of South Africa (ICASA), which is established in terms of the ICASA Act No 13 of 2000. This Authority regulates the communications activities in South Africa by issuing licenses regarding the frequency and spectrum allocation. The Authority also works closely with the International Telecommunications Union.

Legal rules elaborate rights and responsibilities in a variety of ways. The foundation for the legal rules governing space activities is the International treaties, principles and declarations. International space law includes, such new rules, whether of customary or treaty law, that have evolved since the beginning of the space age or that may be developed specifically to regulate the activities of states and their nationals in space or actions in relation to such activities.

South Africa has developed and launched two satellites, (ZA-001) SunSat launched in the US in 1999 and (ZAA-002), widely known as SumbandilaSat in 2009, in Russia. Both these Satellites had to get a license for launching and operation and the details will be outlined below.

Generally, launching a spacecraft, without a license issued by SACSA, is prohibited according to Section 11 of the Space Affairs Act. There are 4 categories of activities that are prohibited without a license issued by SACSA. The Minister is also empowered to prohibit more activities as he deems fit and proper to do so.

Firstly, the prohibition applies to all launching activities that take place from the South African territory regardless of whether the owner is a South African registered entity/company or not²³.

²³ (Space Affairs Act, No. 84 of 1993), Section 11 (1) (a).

According to this legislation, launching means “the placing or attempted placing of any spacecraft into a sub-orbital trajectory or into outer space or the testing of a launch vehicle or spacecraft in which it is foreseen that the launch vehicle will lift from the earth's surface”. The first part of the definition is not clear in terms of interpretation as it includes the placing and attempted placing of the spacecraft in to sub orbital or outer space. However the second part of the definition raises a lot of concerns as it is ambiguous. This means that the canSats, rockets and other experimental space related objects, would require the license of SACSA.

Secondly, the legislation further prohibits any launching outside the South African borders as long as the launching is on behalf of a juristic person registered or incorporated in South Africa. Even though the two South African Satellites were launched in the US and Russia respectively, they still needed to comply with the requirements of the Space Affairs Act regarding launching outside the republic. Operation of a spacecraft is also prohibited without a license according to the Space Affairs Act²⁴. Even though the legislation does not clearly refer to the operation of a spacecraft, however, all space activities covered by the Act are defined as “the activities directly contributing to the launching of spacecraft and the operation of such craft in outer space”²⁵.

For the purposes of this paper a particular focus on the SumbandilaSat will be made since the satellite was launched recently in 2009 and the license is still in force.

SumbandilaSat was licensed on 20 June 2009, by SACSA to procure services comprising the launch, deployment of the spacecraft into the designated orbit (LEO) and to operate the spacecraft²⁶. SACSA followed a rigorous procedure determined

²⁴ Section 11, Space Affairs Act, 1993.

²⁵ (Space Affairs Act, No. 84 of 1993), definitions.

²⁶ SACSA Website publication.

by the Council for this particular license²⁷. Even though the Council does not have regulations regarding the license process it had to follow the requirements of the Space Affairs Act.

The conditions set for this license included the provision by the licensee of the Technical, economic and financial qualifications. This includes compliance statement by the applicant with regard to the South African Laws and International laws. The licensee had to take into account the security regulations and procedures as well ITU laws, UN Space Treaties and other relevant Treaties. This also included proofs or Certificates of the facility and the equipment used. The other most important factor is the financial health of the applicant and the project including the insurance for possible damages to third parties according to the degree of risk where appropriate. Other specific requirements included the calculated payload fairing impact points; and the basic orbital parameters, including nodal period, inclination, apogee and perigee of the spacecraft.

Thirdly, the legislation prohibits the operation of a launch facility²⁸.

Fourthly, the legislation prohibits participation by any entity in the space activities without a license and as long as these activities entail the obligations to the State in terms of international convention, which may affect national interests. The legislation is ambiguous in this instance as it does not even provide the meaning of “national interests”.

Lastly, the legislation further prohibits any other space or space-related activities as prescribed by the Minister.

The South African Legislation does not cover remote sensing activities and this part is left for policies and its unregulated. It is also not clear whether this will be incorporated in a formal legislation in the future. There is however an opportunity

²⁷ A license shall be issued subject to such conditions as the Council may determine for that particular license”... S11 (2) of the Space Affairs Act.

²⁸ Section 11(1)(c) of the Space Affairs Act , No 84 of 1993.

to add this area of the law in the current legislative context or create a new legislation.

The Space Affairs Act is in the process of being reviewed in order to assess the relevance and impact on the current activities. This is a good opportunity to clarify the areas that are ambiguous.

Since South Africa has ratified the two Conventions, it is important that provisions of these two Conventions be included in the legislation. Most importantly because South Africa has a dual system of law, in that it has to first incorporate the provisions of international law to its domestic law before they are enforceable.

The critical issues that necessitate legal regulation of space related activities include promotion and implementation, in good faith, of the principle of peaceful use of outer space. Another key matter relates to the obligation to promote and implement the principle that exploration and use of outer space should be carried on for the benefit of all nations regardless of their stage of economic development.

The international cooperation that is envisaged in the space treaty law is a condition that could enable most developing countries to benefit from space related activities.

Space Affairs Act No. 36 of 1993. The principal legislative instrument that regulates the space affairs environment and space related activities in South Africa is the Space Affairs Act. This submission is expressly supported by the declaration made by the government when it announced in the National Space Policy document that, “The Space Affairs Act regulates all space activities in South Africa. The National Space Programme and any space activities undertaken by the public and private sector entities are thus subject to the Space affairs Act.⁴ As indicated in the Introduction enacted the statute was to terminate the military inclined space programme and embark instead on space activities that promote peaceful use of outer space.

Sec 2) of the Act stipulates that when the national space policy is determined the intention should be to: (a) meet all the

international obligations of the Republic of South Africa and (b) control and restrict the development and proliferation dual purpose technologies in terms of international conventions applicable to RSA.

Sec 5 (2) mandates the South African Council for Space Affairs, hereinafter referred to as SACSA, to take care of the interests and obligations of the State concerning matters related to space and space related activities in order for the State to be comply with its treaty law obligations.

According to Sec 5(3) c) SACSA may supervise and implement matters arising from international agreements entered into or ratified by the government of the Republic of South Africa.

Sec 5 (3) (g) further provides that the Council may further matters leading to the orderly and responsible participation by any person or authority in space affairs.

Sec 11 (1) (a) and (b) states that specific space activities may not be realised or conducted without a licensing issued by SACSA. In this regard the Act compels the parties involved in space activities to acquire authorisation from the State and the latter carries international responsibility for the space activities of its nationals. Article VI of the Outer Space Treaty states that, “Parties to the Treaty shall bear international responsibility for national activities in outer space... The activities of non-governmental entities shall require authorisation”.

Sec 11 (d) prohibits involvement by juristic persons without authorisation in space activities that entail international obligations to the State in terms of applicable conventions.

Sec 11 (2) c) provides that SACSA may impose licence conditions taking into account relevant international obligations of the State.

In terms of Sec 11 (4) SACSA is obliged to gather, maintain and disseminate information regarding licences thus fulfilling provisions of applicable international agreements to which South Africa is a Party.

Such conditions may according to Sec 14 (1) (b) pertain to the liability of the licensee resulting from international conventions applicable to South Africa, for example, the licensee to provide security to settle demands or compensation that may be required in case of damages inflicted to other persons or interests.

In Sec 14 (1) (a) which deals with liabilities the term “damage” is not defined in the Act but the term is defined in the Liability Treaty.

Giving significance to the role that is played by international agreements, the Space Affairs Act expressly provides in Sec 24 (1) that the State President may, by proclamation, add to the Act any Schedule containing provisions of an international agreement entered into or ratified by the government of the Republic of South Africa.

The contribution made by the Act relates to the provision of definitions to some of concepts used in space affairs. It is a fact that the definitions of some of the terms and related substantive issues are still being debated in such fora as COPUOS, for example, the issue of delimitation of airspace and outer space, “launching”, “launching state” and so on. There is an argument that current space developments seem to necessitate an amendment of the definition of, for example, “launching state” which is contained in Article 1 of the Convention on International Liability for damage Caused by Space Objects.

This issue of delimitation of airspace and outer space was for a number of years an item that was in the agenda of the sessions of COPUOS and its sub committees. The Space Affairs Act defines “outer space” as “the space above the surface of the earth from a height at which it is in practice possible to operate an object in an orbit around the earth”.

It further defines ‘suborbital trajectory as “the trajectory of any object which leaves the surface of the earth due to a launch, but returns to the surface of the earth without completing an orbit around the earth. The significance of the definition of suborbital trajectory in the Act lies in the fact that it is intended to

address, for example, incidents of failed launches or suborbital test launches.

It is however submitted that if the intention of launching an object is not necessarily to operate it in an orbit then its location in outer in a place other than an orbit should not make the activity not be regarded as a space activity.

The definition of outer space that is provided in the Space Affairs Act is relatively more acceptable because it does not provide a definite line of demarcation that may not take into account technological developments but instead relies on the functionality factor, that is, the possibility to operate an object in an orbit around the earth.

It is noteworthy that there is no international agreement in force that provides a definition of outer space. For example, the Outer Space Treaty and other main conventions regulating space affairs only make reference to “outer space including the Moon and other celestial bodies”.

The main feature used in the definition found in the Space Affairs Act is the “orbit around the earth”. However, the Outer Space Treaty prohibits in Article 1V the possibility of placing weapons in orbit around the earth and also goes further to preclude stationing of weapons in outer space “in any other manner”. Therefore, it is submitted that activities taking place in outer space may not necessarily be confined to the orbits. There are launched objects whose trajectory may by design be suborbital or as the Outer Space Treaty indicates activities such as weaponisation may take place “in any other manner” other than in orbit around the earth²⁹.

It is worth noting that the Space Affairs Act also regards an activity in the sub orbital trajectory as a space related activity, for example, what it refers to as “attempted launching”.

²⁹ Солнцев А.М., Ключня А.Ю. Применение противоспутникового оружия: международно-правовые проблемы // Обозреватель – Observer. М.: РАУ-Университет, 2013. № 3. С. 57–73.

Another concept defined in the Act is “launching” which refers to “placing or attempted placing of any spacecraft into a sub orbital trajectory or outer space, or the testing of a launch vehicle or spacecraft in which it is foreseen that the launch vehicle will lift from the earth’s surface”.

It is also noted that according to Article 1 of the Liability Convention the term “launching” includes attempted launching”. Therefore, the Convention does not define “launching” but simply states that the term launching includes attempted launching. Furthermore, Article 6 of the Rescue Agreement introduces for its purposes the term “launching authority” which is intended to refer to the State responsible for launching or where an international intergovernmental organization is responsible for launching, that organization if the latter accepts the terms of the Agreement.

The National Space Policy also states that, “the domestic regulatory environment shall be intended to promote predictable and orderly participation by the private and public sectors in the domestic and global space arena. It shall enforce compliance with regulatory provisions and applicable international obligations, while ensuring transparent and timely processing of licence and import/export applications”.

South Africa consists of various legislations, which impact on the development of its space programme. The current legislation is not sufficient as it does not include the provisions of the Liability and the Registration Convention that South Africa has ratified. The legislation is also not extensive as all the conditions have to be outlined the secondary legislation and not in the primary legislation which delays the implementation of the legislation.

There is indeed a need for adoption of specific legal and policy frameworks to support the progress and high demand of EO/RS data and information within the African continent. The RS policies will facilitate the understanding of significant role of RS applications and the assurance that the African countries are integrated into the global RS community. While launching an ex-

pert committee programme on global geospatial information management under the UN Economic and Social Council on 27th July 2011, the UN Secretary General Mr. Ban Ki Moon concluded the thoughts of the authors by stating that “many developing countries have a "serious lack of institutional capacity to harness the enormous potential of geospatial information technologies and to build a sustainable national infrastructure". The report of the Secretary-General also confirmed the authors thought by reiterating that “geospatial data is increasingly owned by multinational corporations, which sell software and platforms to developing countries that may not have the capacity to know what the best products are or how best to use them.”. The expert committee will be the cartilage between the corporations and the developing countries and its task is to advise the developing countries on how to effectively consume the available geospatial data. While this is happening at a high level cadres, it is up to the African governments to live up to the challenge by ensuring that the geospatial information, EO/RS data and information are available to its citizens after establishing effective legal and policy frameworks to support innovation of the satellite downstream services.

South African space policy is slowly but steadily taking institutional shape. Its drivers and constraints are the same that are familiar to other countries.

The most serious constraints are limited human and budgetary resources, bureaucratic politics, and institutional turf defense.

The drivers are:

First, it aims at industrial innovation for hi-tech materials and sub-systems, to increase capabilities to win contracts for manufacturing and software.

Second, South Africa seeks to boost its R&D. The DST is mandated to issue contracts for a further seven microsats over a decade.

Third, national prestige, and continental African pride, benefit from the halo effect of cutting-edge astronomy mega-

projects such as SALT and the SKA. This, seen as puncturing stereotypes of Africa and Africans as “backward”, provides much of the political will³⁰.

Fourth, space policy has exciting synergy with foreign policy, with the AU and IBSA prominently in mind.

Fifth, is increasing civil society support. This is currently small but enthusiastic, and growing. The necessity for a developing country to encourage more youth into S&T careers requires a major commitment of resources to popularize Astronautics and Astronomy, so as to build up future high-level human capital.

³⁰ Гугунский Д.А. Международно-правовые основы реализации космической политики Марокко // Український часопис міжнародного права. 2013. № 4. С. 158–162.

RIGHT TO A REMEDY AND REPARATION IN AFRICAN SYSTEM OF THE PROTECTION OF HUMAN RIGHTS¹

Kristina Keburia,

*PhD Student, Department of International Law,
Peoples` Friendship University of Russia (PFUR)*

International human rights law guarantees the individual human rights of every person, but also obliges States to provide, ensure and secure the effective enjoyment of the human rights. Thus, all victims of the violations of the human rights have the widely recognized right to an effective remedy and reparation. This provision is confirmed in various human rights treaties and in international jurisprudence, that makes it a part of customary international law.

The States` obligation to guarantee human rights means, *inter alia*, to adopt appropriate legislative and other measures, including, the efforts to prevent or to investigate violations, to protect every human being from the potential danger for their human rights coming from the act or omission of the state and its actors. Either explicitly or implicitly, human rights treaties and other mechanisms call for States parties to give legal effect to remedies and reparation under national law.

All human rights have a procedural aspect providing the duty for States to ensure adequate remedies and procedures to establish reparations the victims of the human rights violations. An effective remedy gives the opportunity to protect and to restore one`s right before the independent body and to have the guaranties to recognize the violation and also to cease the continuing violation, as well as to specify the adequate reparation.

It is important to note that there is some misunderstanding in the terminology. The English term ‘remedy’ is regarded both a

¹ Статья публикуется в рамках гранта РГНФ (проект № 12-33-01428).

procedural remedy as well as reparation. In French, for example, this term means only a procedural remedy.

Though the terminology and interpretation of the right to a remedy and reparation is quite different in legal systems, the obvious direction in understanding set in the Basic Principles and Guidelines on the Right to a Remedy and Reparation for Victims of Gross Violations of International Human Rights Law and Serious Violations of International Humanitarian Law adopted by the Commission on Human Rights (the UN Basic Principles and Guidelines) at its 61st session in April 2005. The UN General Assembly has adopted the UN Principles on Remedy and Reparations at its 60st session, by the Resolution 60/147 of 16 December 2005².

It is declared that the remedy as a key component of a right must be effective to provide victims with the process by which they can defend their rights and seek reparation for the violation of their rights. The UN Basic Principles and Guidelines establish the duty to respect and implement international human rights law and international humanitarian law as a basis to an obligation, among other issues, to ensure remedies that include the right to equal and effective access to justice; adequate, effective and prompt reparation for harm suffered; and access to relevant information concerning violations and reparation mechanisms.

In accordance with the UN Basic Principles and Guidelines procedural remedy requires States to afford effective access to fair processes in which disputable claims can be defined. The effective remedy should be prompt, accessible and capable of obtaining a reasonable decision. International instruments, standards and human rights mechanism practice confirm the necessity to examine the quality of victims' access to the justice processes. First of all, victims should have the possibility to receive the co-

² See: Resolution 60/147 of 16 December 2005. URL: http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/60/147 (last viewed 29 March 2014).

herent information and then to be assisted to access justice. Undoubtedly, victims must be treated with humanity and respect to their dignity, including their physical and psychological privacy and safety.

Remedies and reparations must be available to all persons, without any kind of discrimination, within the jurisdiction of the State, which has been considered to include State's effective control over an its national territory. A remedy could not be effective without leading to adequate measures of reparation guaranteed to victims. The conception of reparation centers the victim's needs and interests at the heart of the process and directs at restoring the insulted dignity of the victim.

This article is devoted to the analysis of the theoretical basis and practical implementation of the right to a remedy and reparation in the jurisprudence of the African Commission on Human and Peoples' Rights (the African Commission) and African Court on Human and Peoples' Rights (the African Court). These are the main mechanisms in the African Union system of the human rights' protection³.

In the African system of the human rights' protection the right to a remedy and the right to reparation are procedurally provided in different provisions. The African Charter on Human and Peoples' Rights 1981 (the African Charter) does not contain a specific provision on the States obligation to grant remedy and reparation in the event of a breach of the rights fixed in the African Charter⁴. Nevertheless, it is not correct to state that victims'

³ Диалло С. Основные факторы и обстоятельства, способствовавшие принятию Африканской хартии прав человека и народов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2013. № 1. С. 144–153.

⁴ Абашидзе А.Х., Солнцев А.М. Юбилей африканской системы права человека и народов // Евразийский юридический журнал. 2012. № 2 (45). С. 22–25.

right to reparation is not declared in the African Charter⁵. Article 1 of the African Charter obliges State parties to *'recognize the rights, duties and freedoms enshrined in this Chapter and shall undertake to adopt legislative or other measures to give effect to them'*. Article 7 (1) (a) provides that every individual shall have the right to have his cause heard, including *'a right to an appeal to competent national organs against acts of violating his fundamental rights as recognised and guaranteed by convictions, laws, regulations and customs in force'*. The African Commission has interpreted Article 7 (1) to include victims' right to a remedy, noting that the protection granted by Article 7 is not limited to the protection of the rights of arrested and detained persons but encompasses the rights of every individual to access the relevant judicial bodies competent to have their causes heard and be granted adequate relief.

Aforesaid explains that the absence of a strict article within the African Charter establishing specifically the right to reparation for victims of the human rights violations does not prevent the African Commission and African Court in their interpretation of the African Charter. The African Commission, one of the two core mechanisms in the African system of the protection of the human rights is at this time the main regional forum for victims of violations of the African Charter to seek justice in cases when the national domestic justice is not available or effective. The African Charter provides the African Commission on with a broad mandate to *'promote human and peoples' rights and ensure their protection in Africa'*.

Thus, as the African Charter does not include concrete provision on the right to reparation for victims of violations of the human rights fixed in the African Charter, the African Commis-

⁵ Ручка О.А. Понимание и обеспечение социальных прав Африканской комиссией по правам человека и народов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2014. № 3. С. 250–261.

sion's early jurisprudence was occasional in this issue. The jurisprudence of the African Commission so far continues to be unstable, dependent on whether plaintiff specifically request reparation. To date the African Commission has no standard practice to demand or encourage claimants to specifically request to include reparation as component of the recommendations of the case, nor to present proofs or linked to the measures of reparation. As a result, victims or their representatives often do not even include claims of reparation in their submissions, which can lead to inefficient and inadequate, rulings on reparation.

There are still some omissions between African Commissions practice and international norms as reflected in the UN Basic Principles and Guidelines, the Nairobi Principles on Women's and Girls' Right to a Remedy and Reparation of 2007, and the Committee against Torture's General Comment No.3: Implementation of Article 14 by State Parties adopted in December 2012.

One of the first rulings of African Commission on a case in April 1994, which considered the abduction, arrest, ill-treatment and trial in Malawi of several opposition activists, the African Commission declared that the State breached Articles 4, 5 and 7 of the African Charter. In spite of the African Commission's recommendations highlighted that the State was '*responsible for the reparation of these abuses*' it did not identify the measures the State should take to secure victims with compensation. Moreover, the African Court, which to date had received 27 cases, has an exact mandate to award reparation if it finds a State in violation of the provision of the African Charter. Consequently, the African Court has a particularly significant position in cases brought before it by the African Commission or cases filed by or on behalf of individuals. Taking into account its well determined mandate in the area of reparation, the African Court's effectiveness will also be related to its capacity to award adequate reparation to victims of violations of the African Charter.

The effectiveness of both the African Commission and the African Court, is determined, first of all, by the practical outcome

of the cases, including practical steps to prevent and cease the violations and measures providing by the States to seek and secure justice to the victims.

The duty to empower victims of human rights violations to access justice enforces States to guarantee victims an effective remedy within their national legal system. Victims are therefore usually demanded to ‘exhaust remedies’ domestically, before addressing to international human rights mechanism. In accordance to the African Commission, the exhaustion of local remedies rule is a principle under international law of permitting States to solve their domestic troubles under their own constitutional process before international mechanisms can be involved. State is enabled to have an opportunity to redress the violation by its own legal order. A victim, in turn, could address to the relevant regional or international instrument when State fails to redress the violation within its own legal order. Human rights procedures can be regarded as the last hope for victims to receive justice. Cases before human rights mechanisms such as the African Commission provide a core opportunity for the African Commission to guide States on the best apply the law in accordance with international obligations. In the end it has the one and most significant aim – to make human rights protection effective in practice. The more determined the standards for States, obviously, the understandable it is for the State to submit the African Commission’s outcomes and to guarantee that its national law and jurisprudence does not contradict with its duties under the African Charter.

According to the international human rights law, the qualification of ‘*victim*’ provides gives specific rights, as follows the right to a remedy and reparation. This provision, as it has already been mentioned includes the right to bring a claim and to obtain procedural rights. Back to the UN Basic Principles and Guidelines principle 8 contains the norm explaining the victims are persons who individually or collectively suffered harm, including physical or mental injury, emotional suffering, economic loss or substantial impairment of their fundamental rights, through acts

or omissions that constitute gross violations of international human rights law, or serious violations of international humanitarian law. The notion of the term 'victim' also includes, 'where appropriate', relatives and dependents of the direct victim and persons who have suffered harm in intervening to direct victims. The necessity for including 'indirect victims' as victims of a violation but in their own right rises from recognition of their moral or material suffer, and by reason of their close relationship with a direct victim of a violation. That kind of recognition is important in the identification of potential beneficiaries of remedy and reparation. The African Commission's practice to date has not explained criteria on how indirect victims can prove their link to the direct victim in order to receive from the African Commission the reparation awards.

It should not go unnoticed the right to reparation for a group of victims which is grounds on the notion of collective or group harm, relevant in cases of serious, gross and massive violations which have an effect on a specific group of people or even entire communities. In cases of the group or collective harm, international and regional human rights mechanisms have awarded procedures of collective reparation, which could be provided only or in addition to reparation to individual members of the group. Human rights mechanisms constructed a range of criteria to identify the collective entitled to remedy and reparation. The African Commission has explained its understanding the recognition as peoples for a collective of individuals referring the *'linkages between peoples, their land and a culture that such a group expresses its desire to be identified as a people, or have the consciousness that they are a people'*⁶. If the group of persons is identified as a beneficiaries of collective reparation, that does not

⁶ See: African Commission, Endorois case, Centre for Minority Rights Development (Kenya) and Minority Rights Group (on behalf of Endorois Welfare Council) v Kenya, paras. 150–151. URL: <http://www.achpr.org/communications/decision/276.03/> (last viewed 30 March 2014).

exclude the individual victims' right to reparation for individual harm.

The African Commission's Fair Trial and Legal Assistance Guidelines provide several principles that grant a '*victim sensitive approach*' when providing reparation, including the provision by which victims should be treated with respect for their human dignity and have access to sufficient redress⁷. The African Charter permits the African Commission to conduct '*on-site investigations*' within the scope of Article 46 of the African Charter. It provides that '*the Commission may resort to any appropriate method of investigation*'. Article 58 states that the African Commission, after the request from the Assembly of Heads of State and Government, could conduct an '*in-depth study*' in cases with serious, gross or massive human rights violations and prepare a '*factual report accompanied by its findings and recommendations*'.

The UN Basic Principles and Guidelines declare that awards of reparation must be made without any kind of discrimination. In accordance with the provisions of the African Charter, the African Commission should take into consideration that the victims must be treated equally and award reparation towards the specific circumstances. Though, the African Commission does not always identify individual victims, it could decide whether an alleged violation was committed in a discriminatory way in violation of Article 2 or 18(3) of the African Charter.

The UN Basic Principles and Guidelines list five forms of reparation, adding that these are not exhaustive:

- restitution;
- compensation;
- rehabilitation;
- satisfaction;
- guarantees of non-repetition.

⁷ See: African Commission, Principles and Guidelines on the Right to a Fair Trial and Legal Assistance in Africa. URL: <http://www.achpr.org/instruments/fair-trial/>, Section N (a) (last viewed 28 March 2014).

The following part of the article aims to give main aspects of the above mentioned forms of reparation. An award of reparation can include one or several of forms of reparation. The UN Basic Principles and Guidelines identify *restitution* as a form of reparation directed at restoring the victim to the original situation he/she would have been in before the violation happened, and it can also include *'restoration of liberty, enjoyment of human rights, identity, family life and citizenship, return to one's place of residence, restoration of employment and return of property'*⁸. The African Commission has recognised the significance of restitution, and declared that a State in violation of rights enshrined in the African Charter must *'take measures to ensure that the victims of human rights abuses are given effective remedies, including restitution and compensation'*⁹. An award of restitution pre-cises what victim rights` must be restored and put the victim in the situation before the violation occurred, but if it is possible. Under the UN Basic Principles and Guidelines and according to the jurisprudence of international and regional human rights systems, including the African system of the protection of human rights, restitution has some specific: *restoration of right to a fair trial; restoration of liberty; restoration of citizenship and safe return to one's place of residence; restoration of property.*

Another kind of reparation is *compensation*, which in the context of the UN Basic Principles and Guidelines, should be awarded for *'any economically assessable damage, as appropriate and proportional to the gravity of the violation and the circumstances of each case... such as: (i) physical or mental harm; (ii) lost opportunities such as employment, education or social benefits; (iii) material damages including loss of earning poten-*

⁸ See: UN Basic Principles and Guidelines, Principle 19.

⁹ See: African Commission, Sudan Human Rights Organisation & Centre on Housing Rights and Evictions (COHRE) v Sudan, dispositif (para.229 (d)), URL: <http://www.achpr.org/communications/decision/279.03-296.05/> (last viewed 27 March 2014).

tial; (iv) moral damage; and (v) any costs incurred for legal assistance, medical services, and psychological and social services'. The African Charter obliges the States to adequately compensate '*dispossessed people*' in the case of spoliation. The practice of the international and regional human rights mechanisms has confirmed that a right to compensation, which is implied in the right to reparation, exists in relation with the other Articles enshrined in the relevant instrument.

Compensation is the most common used and well-known form of reparation awarded as well as the most sophisticated and challenging to determine. The African Commission has mentioned in different cases involving violations of Article 5 of the African Charter, that the State has a duty to pay '*adequate compensation to the Victim for the torture and trauma suffered*'¹⁰, to '*adequately compensate the victims in line with international standards*'¹¹, to take appropriate measures to ensure compensation of the victims or to ensure payment of a compensatory benefit. The meaning of adequate and appropriate depends on the circumstances of the specific case, the kind of violation and the harm suffered by the victim.

Though, the African Commission recognises a victim's right to compensation, yet it has neither explained the so-called '*appropriate steps*' for compensation nor identify the factors States should take into account in their assessment of the compensation. The African Commission to date itself does not evaluate the harm suffered by the victims.

Compensation is provided for '*economically assessable harm*' coming from the human rights violation, including '*material damages*'. Such damages, in their turn, can include, for exam-

¹⁰ See: African Commission, Gabriel Shumba v Zimbabwe, Communication 288/04. URL: http://www.redress.org/downloads/Submission_Shumba_ACmHPR.pdf. (last viewed 30 March 2014).

¹¹ See: African Commission, Egyptian Initiative for Personal Rights and Interights v Egypt, Communication 334/06. URL: <http://www.achpr.org/communications/decision/334.06/> (last viewed 29 March 2014).

ple, loss of personal property; loss of earnings/income, as well as loss of future income; costs arising from legal assistance, as well as from medical and psychological assistance. The UN Basic Principles and Guidelines state that compensation should cover lost opportunities, including employment, education and social benefits.

International and regional bodies have awarded compensation for *loss of property* as a result of human rights breaches, in instance compensation for loss of a house and household property ruined by security forces, costs of alternative accommodation, loss of land and or livestock¹². Although, the burden of proof of the loss of property rests in the first place on the claimant, international jurisprudence submits that this standard should be used flexibly and in regarding with the peculiarity of a specific case. The ICJ, in a case filed by Guinea on behalf of its citizen Ahmadou Sadio Diallo for '*serious violations of international law upon the person of a Guinean national*'¹³, examined that the general rule imposing the burden of proof on the petitioner is used flexibly in rulings with the other party, namely State, is in a better position to set determined facts. The African Commission refers to a flexible rule of proof as well as the principle of equity while awarding compensation and recall the State to practice these standards in the fulfillment of the award. Rules of evidence used in domestic grounds for the award of compensation must not prevent an enforcement of the African Commission's ruling.

It is also rule in the practice of different human rights bodies to award compensation to victims of human rights violations for lost earnings, subject to the presence of a '*causal connection*'

¹² See: African Commission, The Social and Economic Rights Action Center and the Center for Economic and Social Rights v Nigeria, Communication 155/96. URL: <http://www.achpr.org/communications/decision/155.96/> (last viewed 30 March 2014).

¹³ See: ICJ, Ahmadou Saïdo Diallo (Republic of Guinea v Democratic Republic of The Congo), Judgment of 30 November 2010. URL: <http://www.icj-cij.org/docket/files/103/16244.pdf>. (last viewed 30 March 2014).

between the lost earnings, and the violation of the relevant instrument. The UN Basic Principles and Guidelines also ensure that compensation should grasp '*lost opportunities, including employment, education and social benefits*'.

In accordance with the provisions of the UN Basic Principles and Guidelines provide that compensation should also comprise moral damages or non-material loss as a result of the human rights violation. Moral damages are regarded to compensate for harm, pain and suffering, including mental hurt, humiliation and a sense of injustice. One of the main aims of compensation in cases of gross human rights violations is to secure redress for harm to the physical and mental well-being of a person, in cases, where *restitutio in integrum* is not possible for such damage. Non-material damage takes numerous forms, for example, mental suffering, injury to feelings, humiliation, shame, degradation, loss of social position or injury to the victim's trust or to his/her reputation. The right to compensation for moral damages is recognized in the practice of human rights bodies, including mechanisms that do not indicate the amount of compensation. The African Commission also has recommended States to award compensation for '*trauma suffered*' after a discovering of torture in violation of Article 5 of the African Charter. In view of a presumption of moral harm in occasions such as torture, enforced disappearances or extra-judicial killings, guidance to States for compensation of victims should consequently include a link to compensation also for moral harm.

The African Commission has recommended States breached the African Charter to pay compensation to direct '*physical and psychological trauma*', but it does not seem to have fully covered the notion of holistic *rehabilitation*. Though the African Commission has adopted a variety of recommendations to States addressing the rehabilitation of victims, it could do more to specifically emphasise the steps to make the rehabilitation to be effective.

The UN Basic Principles and Guidelines and the UN Committee on Economic, Social and Cultural Rights (CESCR) General Comment No. 3¹⁴ provide a list of steps that States can take to ensure ‘satisfaction’ to victims of human rights violations, including core aspects of justice for victims such as public acknowledgment of wrongdoing, truth and accountability. The African Commission’s practice contains a variety of standards of satisfaction regulated following the discovery of a violation of the African Charter.

Acknowledgment of and acceptance of responsibility for human rights violations are also significant measures of satisfaction. The African Commission, discovering a violation of Article 5 of the Charter, has proposed States to:

- conduct effective official investigations into the abuses...and to take steps to prosecute those responsible for the human rights violations¹⁵;

- carry out an inquiry and investigation *‘to bring those who perpetrated the violations to justice’*¹⁶;

- put an end to these violations in order to abide by its obligations under the African Charter;

- establish a Commission of Inquiry to investigate the circumstances under which the victims were expelled and to allow representatives of the African Commission, relevant international organisations, ICRC, NGOs, concerned consulates and others

¹⁴ UN Committee on Economic, Social and Cultural Rights (CESCR), General Comment No. 3: The Nature of States Parties' Obligations (Art. 2, Para. 1, of the Covenant), 14 December 1990, E/1991/23. URL: <http://www.refworld.org/docid/4538838e10.html>. (last viewed 29 March 2014).

¹⁵ See: African Commission, Sudan Human Rights Organisation & Centre on Housing Rights and Evictions (COHRE) v Sudan. URL: <http://www.achpr.org/communications/decision/279.03-296.05/> (last viewed 26 March 2014).

¹⁶ See: Egyptian Initiative for Personal Rights and Interights v Egypt, Communication 323/06. URL: <http://www.achpr.org/communications/decision/323.06/> (last viewed 26 March 2014).

access to detainees and places of detention, including to those where non-nationals are held;

– establish a Commission of Inquiry to investigate the causes of the violence and bring those responsible for the violations to justice, and identify victims of the violence in order to provide them with just and adequate compensation¹⁷.

In light of the procedures of satisfaction, the African Commission centers on the necessity for investigations of the violations and penalty through the prosecution of those responsible. Nevertheless, the details of the specific measures which States should implement are quite vague: for example, to address violations such as enforced disappearances or extra-judicial killings. At the present time the public acknowledgment of human rights violations is not involved as a noted component in the African Commission's practice. Public acknowledgment is significant for victims because it can assist to overpower stigmatisation and restore credit and legality of the justice system.

It is important to mention other significant measures of satisfaction '*commemorations and tributes to the victims*', for example, as museums, monuments and memorials, streets naming after victims, ceremonies and educational resources. These kinds do not yet used in the African Commission's practice, but such measures of satisfaction have been a prominent part, for example of the government of Rwanda which commemorated and paid tribute to the victims and as well as survivors of the 1994 Genocide. The practice of commemorative reparation steps is relevant in the view of mass and gross violations, including a great number of victims, or in events that happened a long time in the past.

The right of victims to be *guaranteed non-repetition* of the acts or omissions they harmed is a core part of redress. International and regional human rights bodies have appealed States to

¹⁷ See: African Commission, Zimbabwe Human Rights NGO Forum v Zimbabwe, Communication 245/02. URL: <http://www.achpr.org/communications/decision/245.02/> (last viewed 29 March 2014).

adopt standards to guarantee non-repetition of the human rights' violations. The significant role of steps of non-repetition is set in the African Commission's reparation ruling. Though, the African Commission's jurisprudence, in general, suffers from impermanence. It is also not a common exercise of the African Commission, for example, to recommend '*regular supervision or monitoring of places of detention by qualified and/or experienced persons or organisations*' in events where it found numerous violations of Article 6 or to address to States to '*take measures to ensure that its law enforcement organs respect the rights of suspects detained in line with Article 5 of the Charter*' in the cases of violation of Article 5. The recent jurisprudence offers the African Commission to some extent of the requested by the petitioners. In cases when plaintiffs do not involve vast range of measures of reparation, the African Commission cannot make any recommendations or take these too widely.

Gross and massive violations could be differed from other violations by their essence, scope and effect on a great number of victims and groups of victims. The African Court and the Commission have an exceptional and advanced mandate for the presentation of *actio popularis* plea on behalf of collective victims. This provision supplemented by the African Charter's norms for peoples' rights, which are ensured to '*peoples*' in Articles 19–24. Furthermore, the African Charter confirms the exceptional nature of mass violations in Article 58 which demands the African Commission to pay the attention of the Assembly of Heads of State and Government events which discover the '*existence of a series of serious or massive violations of human and peoples' rights*'. The African Commission's Rules of Procedure guarantee that once acquainted of gross or massive violations of human rights, it could '*submit a communication before the Court against*

*a State party*¹⁸. The necessity to award reparation for mass violations is especially pertinent in the view of the African human rights scope and appropriate for both the African Commission and African Court.

As it has been noted before all legal systems and concepts accept the significance of remedies and reparations in the cases of a violation of the human rights' obligations. Moreover, remedies and reparation also serve the aim of sanctioning the offenders and restore the dignity of the direct or indirect victims, including the groups of victims.

Although the African Charter does not directly provide for a right to a remedy and reparation, this right is developed and upheld by the African Commission's jurisprudence, generally, and the African Court's in addition.

¹⁸ See: African Commission, Rules of Procedure, Rule 118 (3). URL: <http://www.achpr.org/instruments/rules-of-procedure-2010/> (last viewed 30 March 2014).

GEO-POLITICS, A ROOT CAUSE OF AFRICA'S UNDER-DEVELOPMENT

Simpe Sasu Baffour-Awuah
Presbyterian University College (GH)
Department of Business Administration
P.O. Box 59
Abetifi. GHANA

Introduction

The economy of most African countries has not taken off after independence as result the

African continent is subject to famine and has the lowest per-capita Gross National Product.

Also on the political front, it is argued that Africans have not been able to establish effective Nation states. This has sustained debates as to the root causes of the continent's economic and political backwardness. Some observers had even ruled out the continent from the world progress and labeled it as doomed forever.

Most of the pessimists proclaim therefore that Africa has an innate inferiority in organizing themselves to master the environment in order to improve social and economic conditions. This so called 'innate inferiority' to organizing themselves to master the environment to improving social and economic conditions is said to be based on low Intelligent Quotient (IQ) of Africans as compared with Europeans.

Although some African leaders have stolen and/or wasted their nation's wealth, these are not the root causes of Africa's backwardness. Neither is IQ a contributing factor to this. Those who have dominated us have always dominated how the past is conceptualized and understood and that is why the major causes are relegated to the background.

Africa's independence coincided with the Cold War and this did a considerable damage to efforts to rebuild the devastated

national economies which colonialism left in its wake. Moreover, Africa was abandoned at the end of the Cold War, and its indebted economies were left to the economists of the IMF and the World Bank.

It is on this note that Africa's present predicament cannot be blamed on low IQ. The root causes can be traced to events many years back.

East – west confrontation in Africa

The confrontation between capitalism and socialism entered Africa after the Second World War when the Western members of the Alliance against fascism's belief that the war would lead the soviet Union to tone down its revolutionary, ideologically motivated ambitions and revert to a more traditionally Russian imperial posture did not materialise¹.

The view commonly expressed after the war was that the Soviet Union might fill the vacuum that would be created after the war on the international scene. Thus, the primary source of conflict between East and West was Russia's striving for power and influence far in excess of its reasonable security requirements.

The belief in the West, especially in Britain was that Soviets might expand into areas where Britain regarded as being of vital interest to its national policy. In 1945, Britain had declined from a power with world –wide economic, military and colonial positions to a country largely without such positions and this masterminded the belief that the country was being pushed into oblivion.

The North Atlantic Treaty Organisation (NATO) was formed in 1948/9 as an alliance for mutual protection against Communism. The Soviet Union was blamed for causing tension in the world; It is, they argued, Soviet expansionism and aggres-

¹ Crockatt R. Cold War Past and Present. London. Unwin Hayman Ltd. 1987.

siveness which underlie the major problems of the contemporary world. This inevitably became one of the reasons for the "Soviet Threat Theory".

Germany was then admitted as a NATO member, and consequently the British and American zones in Germany were joined together and later in 1948, the French zone was added to form one Western zone. And in 1949 the West German state was created in August of that year from the 3 zones of France, Britain and the United States. The Soviets regarded this as a strong anti – Soviet act. However, the West should not be the only culprit in the making of the Cold War because the Soviets sparked off the process with the Berlin Blockade in 1948. It is stated that the willingness of the Soviet Union's Western Allies to restore her arch enemy Germany to her former position of Power was one of the three main reasons which fuelled Soviet mistrust of Western intentions. These made the Soviet Union counter that it is Western imperialism which is rather aggressive and belligerent, and not the Soviet Union's actions.

As a counter measure to NATO, the Warsaw pact was formed in 1955, the year that West Germany was admitted into NATO. The German Democratic Republic (GDR) was formed in the same year from that part of the German territory which the Soviets occupied during the war, and the GDR became a member of the Warsaw Pact.

Four former members of an Alliance which fought against Nazism, were now split into two opposing camps with three realigning themselves against one – The Soviet Union. Thus, apart from security and Geo-political concerns, ideology also stood out as one of the underlying factors to the conflict between East and West in their pursuit for global influence. When these (and many comparable) points have been made, there remains the fact, which has psychological as well as political dimensions, of sustained ideological competition between the United States and the Soviet Union.

A diplomatic approach based on “Deterrence” and “Coercion” was employed as a means of combating communism. A close examination of the Cold War Diplomacy reveals that these theories were pursued with the view of preventing a serious military crisis between the major protagonists and to restrain them from deploying their armed forces in settling the confrontation between them. In fact the war they were waging was a diplomatic one instead of one on the battlefield in Europe and America.

Contrary to the cold nature of this war in Europe, Africa became a pawn and the war was hot in Africa due to the influence which both camps aspired to wield on the continent. In Europe, it had become clear that the gaping vacuum created by the weakness of the colonial powers after the war had to be filled. The desire to control the territories of Africa from outside was something which occupied the minds of policy makers in Western capitals – economics and geo-politics were the reasons for these worries.

The rich resources of this vast continent was needed to rebuild the shattered economies of colonial powers after World War Two; and more importantly too was the need for acquisition of mineral deposits which could be of importance to the Western military industrial complexes to build war machinery for the Cold War. The United States took upon itself the leading role in this field for fear that the Soviets might fill this vacuum. It was stimulated in particular by two fears that received widespread diffusion in the late 1970’s and which were used to legitimize an increased US intervention capability that the resources were not only finite but imminently exhaustible, and that the Soviet Union might be able to interrupt Western access to these sources of supply during a war or as a preliminary to it. (Halliday F. 1983)².

The need for Africa’s mineral resources for military purposes is what Lord Zuckerman calls technology for Cold War.

² Halliday F. *The Making of The Second Cold War*. London. Verso. 1983.

This takes a number of forms. First there is a ‘national security’ component; the fact that during the past two decades the USA has become dependent on imports for certain minerals and metals which are vital to industrial and military power.... Among these raw materials are chromium ore, used in weapons alloys and manganese, vital in steel productions, 53 % of antimony, used in bullets and cannon shells and over 50 % of tin, zinc and nickel.

The greatest concentration of non – fuel fossils in the third world is to be found in what the geologists call ‘High Africa’ i.e. South Africa, Namibia, Angola, Zimbabwe and Zaire, a region producing uranium, chrome, diamonds, gold and cobalt. No theory of international politics can rest upon simple economism; but the dissonance of raw materials supply and political stability in this region is a major concern to US strategists³.

Concerning geo-politics, the policy was laid down that the routes to and from the resources centers should be permanently controlled militarily by the West and this has been one of its major preoccupations. Africa is a factor in the successful implementation of this policy. First, the general pictures of competition for resources are used to stress US vulnerability. Secondly, the vulnerability is indicated by pointing to the geographical location of the key resources. The World’s oil resources are disproportionately located in the Persian Gulf, an area of great instability near USSR. The increased US military presence in the Arabian Peninsula region and the concern to harass Angola owe a lot to this material determination. This concern is accentuated by transport problems and by the prospect of interruption in time of war; the majority of the Gulf’s oil passes round the South African Cape, so that a naval capability in this region is seen as a double raw material insurance.

It is not only around Angola that trouble erupts in Africa, but basically around the “High Africa” areas and more so, along

³ Halliday F. *The Making of The Second Cold War*. London. Verso. 1983. P. 193.

the coast of the Indian Ocean. Countries like Ethiopia, Somalia, and Mozambique etc. are always targets for control and manipulation. The best approach adopted in this is the use of the “Soviet Threat” or communist expansionist tendencies, which must be checked. “The Soviet Union was seen by Western strategists as positioning itself to deny the West access to vital raw materials, by acquiring allies near the Gulf and High Africa. The USSR is also a major producer of gold, gas, chrome, manganese and titanium. It is said to be promoting a potentially fatal reliance of the west upon continued Soviet supplies at the same time the USSR is presented as being itself in quest of raw materials, purchasing grain and soon oil. It is therefore an increasingly desperate rival in international markets for those same commodities so needed in the West.

Rejecting the views expressed above the Soviet energy crisis has been shown to be an ideological fabrication; a projection onto the USSR of problems internal to the West. On the other hand, what is far more threatening is the opposite capacity, namely to supply international markets and particularly Western Europe with energy. This poses both a national security and economic challenges to US interests; it is this fear, of the USSR as a source of energy supplies, which has underlain economic rivalry going back to the 1920s.

Africa became the playing field of this ugly confrontation with very serious repercussions.

Some legacies of colonialism as contributory factors

As a raw material base and a market for European goods, Africa is a strategic continent which should not be left alone. The Liberation movements, which were formed to fight against colonial domination, became the channels through which the colonial powers extended their interests. Whereas in the first period of colonial domination, the Europeans’ offensive were couched in words like “to civilise the backward people of the dark continent”

and to “christianise the pagans of Africa,” now after the Second World War, the claim was that the west was on a mission to save Africa from the “communist threat”. Thus, decolonisation, self-determination and the strife for National identity and equity within the community of Nations was interpreted as part of the aims of the “Domino Theory”.

The Soviets based their support for the National Liberation Movements on one of the tenets of their foreign policy – “To support the National Liberation Movement and to effect all round co-operation with the young, developing countries”.

The Liberation Movements in Africa looked up to the Soviets for help in their struggle against colonial domination and the strife towards National independence. For example, the Soviets offered support to the African Independence Party of Guinea-Bissau and Cape Verde (PAIGC). The Algerian Front for National Liberation (FLN), Union of the Peoples’ of the Cameroon (UPC), Popular Movement for the Independence of Angola (MPLA), Revolutionary front for the Liberation of Mozambique (FRELIMO), The South West African People’s Organisation (SWAPO) and the African National Congress (ANC). This Soviet role has served to link the struggles between metropolitan and dominated third world countries to that between social system. The West for example in the case of Angola supported the National Front for the Liberation of Angola (FNLA) and UNITA – National Union of Total Independence of Angola. In the Territories where there were no opposing factions like Mozambique and Namibia, they always supported the Apartheid Regime in South Africa.

The conflict between the West and the Soviet Union entered Africa. This process acquired a completely dangerous dimension in the early 1960’s; this is the period generally referred to as the ‘decade of maximum decolonisation and intensification of the struggle for independence on the part of the still colonial and dependent territories’. Unlike Europe, the Cold War in Africa took on a different turn. This was demonstrated by events in

former Belgium Congo (Zaire) when all the leaders of the nationalist cause were slaughtered.

NATO employed its ideological and military strength to oppose the Congolese patriots who sought true National sovereignty for their country, including the control of its natural resources. What later aggravated the situation was the ability of the West to divide the country and create a destabilizing situation there and the inevitable result was war. The NATO powers discredited the Nationalists and treated them as communist agents. The exploitation of the mines was a strategic necessity for the economy of the capitalist countries, and faced with the strength and the determination of Congolese nationalism, the directors of the mining companies obliged the industrial region of Katanga to proclaim its independence. The hesitant intervention of the UN, at this time controlled by American diplomacy, aggravated the political situation and provoked a civil war, which set the whole country on fire. Despite the fact that Lumumba had won 72 % of the votes which brought him to power, he was still regarded as an enemy of “democracy”. This was because at the independence ceremonies, in the presence of King Baudouin of the Belgians, he attacked their rule and asked for Soviet Aid⁴.

Although the UN in resolution 1514 (XV) of 1960 on the granting of independence to colonial countries and peoples’ stated that: “the subjugation of peoples to alien rule, domination and exploitation constitutes a denial of Fundamental Human Rights, contrary to the charter of the United Nations and is an impediment to the promotion of world peace and co-operation”, this was dishonoured and the situation in the Congo was regarded “as necessary to prevent communist gains”.

In order to defuse the imminent mounting tension between the super powers, H Kissinger stated that we have: “to develop a concept of order in a world which is bi-polar militarily, but multipolar politically”. And Leonid Brezhnev on 30th March

⁴ Hartman F. African Refugee Crisis. 1973.

1971 underlined the need for the realization of the principle of peaceful coexistence basically in relations with the capitalists' countries. This marked the beginning of what is general referred to as 'Detente' in America and the West but a period of relaxation of political tension, in the Soviet Union.

Each of the two super powers had its own approach toward relaxing tension on the international scene. The Americans for example aimed at restricting Soviet Union from expanding its influence into what it described as 'areas of opportunity'. Americans also said that real Détente was possible if the USSR agreed to and ceased "adventurism" in the Third World. On the US side, expectations were that stability in the central strategic relationship, combined with a "carrot – and-stick" approach in other areas of the relationship, would lead to less aggressive Soviet behaviour around the world; less confrontation, and more co-operation⁵. America's main pre-occupation during the period of Détente in the 1970s seemed primarily to centre on checking Soviet influence around the world from interfering with America's interests abroad. American conception of Détente was concerned predominantly with regulating Soviet behaviour and encouraging Soviet restraints. Indeed, Kissinger, saw Détente as a means of inducing Soviet 'Self – containment" when the United States was no longer able to enforce containment through traditional military means.

This had to be done through Kissinger's linkage strategy, which emphasized inducements for Soviet good behaviour and penalties for Soviet misdeeds. The carrot for Soviet restraint was increased Soviet -American trade... Among the package of measures was an American commitment to grant the Soviet Union the "Most Favoured Nations" (MFN) status and to provide substantial credits for Soviet purchases from the United States (ibid). Apart from East –West trade, the other "benefits" which America proposed in order to restrain the Soviets was agreements on Arms controls. These American proposals were unacceptable

⁵ Hartman F. African Refugee Crisis. 1973.

to the Soviets because they believed that negotiations are carried out between sovereigns of equal standing and not vice versa; the Soviets on the contrary regarded Détente as the relaxation of political tension and not as a means of intimidation or coercion. The Soviet leaders saw Détente as both an extension of the peaceful coexistence strategy and an acknowledgement of the new Soviet status as a super power. It was emphasized in Soviet pronouncements that Détente did not mean an end to the class struggle and would not prevent the Soviet Union from continuing to support war of national liberation (ibid).

Africa is often cited as the continent where Moscow was most adventurous. Angola and Ethiopia are cases where the Americans publicized their concern about Soviet actions. In both cases, the troops involved were not Soviet but Cuban, and in both cases, the side Moscow supported was also backed by the Organisation of African Unity. In Angola, two further points should be made to put the Soviet action into perspective. First, the United States was quite prepared to compete for influence in the country until the Clark Amendment prevented further aid. Only then did Kissinger begin to talk of such competition as being against the spirit of Détente. Secondly, the massive Soviet airlift and sealift of troops and equipment only took place after the South Africans had attacked Angola. The Soviet intervention could be justified, therefore, in terms of a defensive action. Likewise in Ethiopia, troops were inserted to repel an attack from another Soviet ally, Somalia. There were grave fears at the time that Moscow would use war to try to impose some kind of Marxist –Leninist Federation on the Horn of Africa. This never happened. Instead, with a curious relish, the United States chose to depict the events in the Horn as a victory for Moscow and as a humiliating defeat for Washington. Brzezinski typified this approach when he said that Strategic Arms Limitation Talks (SALT) lay buried in the sands of the Ogaden.

In Angola in 1975 although the Soviet and Cuban involvement in Angola is widely seen in the United States as an

example of Soviet behaviour that contravened the rules of Détente but when Portugal withdrew from Angola on 11th November 1975, it left the country independent, but in the grip of civil war. Indeed, South Africa's intervention in Angola in October, before independence, almost succeeded in driving the MPLA out of the capital, Luanda; but the tide was turned in November /December by the arrival of Cuban troops. Although it achieved its immediate objective, Soviet intervention in Angola, direct and indirect can scarcely be said to have enabled the Soviet Union to establish a sphere of influence in Southern Africa. Put in the crudest terms, the United States backed a loser in Angola.

In Angola, the Soviet intervention on behalf of the MPLA, in conjunction with the Cuban expeditionary corps, would not have been necessary had the MPLA not faced attack from South Africa and its allies in the South and from Zaire, the CIA and their Angolan associates in the North. In none of these cases did soviet military role play a decisive part in initiating the revolutionary change.

The inability of the super-powers to find a compromise solution on the African situation during the 1970's détente helped to spark off the bitterest stage of the decolonisation process in Africa.

With the demise of Détente between the United States and the Soviet Union, the stage was set for the second scramble for Africa. In Mozambique, an alternative group was set up by the apartheid South African Defence Force (SADF) to destabilise the new Frelimo government just because Frelimo had declared Marxism as its ideology. This alternative group's (RENAMO) sole aim was to destroy the country's infrastructure, schools and hospitals. The destabilization of Mozambique was also aimed at making it ungovernable and also to make sure that South Africa's White minority regime remained the ultimate and the all-powerful regime in the region so as to provide it with a rearguard.

In Namibia in 1980, the so-called Tribal Army was transformed into the South West African Territorial Force (SWATF). Additionally, a group known as 'KOEVOET' was armed by

South Africa in Namibia to destabilise and to render ineffective, the struggle of SWAPO for independence. With apartheid backed by the West, RENAMO rebels against FRELIMO in Mozambique, SWATF and KOEVOET against SWAPO and with a force of more than 100,000 South African Soldiers in Namibia, and UNITA against the MPLA in Angola, the way was being cleared to help maintain South Africa's total dominance of the region. This also inevitably led to the control of the region by Western capital. All the front-line states in South Africa had their air spaces constantly violated with the South African Air Force conducting air raids into their territories under the guise of 'hot – ursuit' of terrorists. By 1986, it was estimated that the destruction of Angola's infrastructure totaled about £20 billion. During 1982, approximately 50,000 km of Kunene province in Angola was under South Africa's occupation .This was the aftermath of an operation codenamed 'Protea' by the South African Defence Force and executed by an estimated 11,000 troops.

During the period of decolonisation in Africa, the minority racist regime in South Africa received both economic and military aid from the West which enabled it to project itself not only as the Country which practiced apartheid in a given country, but also one which carried out and masterminded state terrorism, aggression and economic sabotage far beyond its borders.

The uneven benefits that decolonisation has brought Africa has by contrast well suited the interests of Europe. In the post-colonial era, trade preceded the flag and has outlasted it. Giant European and American companies continue to dominate the economies of fledging African States. The new word for this is neo-colonialism. It is much the same as informal empire; the invisible empire of trade and influence that had preceded the scramble⁶.

⁶ Pakenham T. *The Scramble for Africa*. London. Abacus. 1993.

International response to the human cost of super power rivalry in Africa.

The UN General Assembly on 28th July 1951 adopted the UN convention relating to the status of refugees. This body was empowered to deal with the refugee problem which had arisen as a result of the war. The adoption of this convention concretized the legal status of refugees in contemporary international law. Prior to the adoption of the UN convention of 28th July 1951, a remarkable international attention was given to the defence of the human person between 1948 and 1950. In 1948, the Universal Declaration of Human Rights was proclaimed by the United Nations and in 1949 the 4 Geneva Conventions for the protection of victims of war codified the safeguard of military personnel places 'hors de combat' as well as persons not taking part in hostility.

However, a closer examination of the 1951 convention on the legal status of refugees portrays that it is international though, but the provisions are only enumerative and not universal in scope because there was a geographical limitation in the convention regarding the definition of a refugee. A refugee was thus defined: A Refugee is any person who as a result of events occurring before 1 January 1951 and owing to a well-founded fear of being persecuted for reasons of race, religion, nationality, membership of a particular social group or political opinion is outside the country of his nationality. Although the geographical limitation in the definition of the convention was eliminated in 1967 by the protocol additional to the 1951 convention on the status of refugees, the convention maintained its strict regional application. Though this happened at a time generally referred to as the period of intensification of the struggle for independence in Africa, yet it was argued that conditions which compel Africans to leave their countries of origin in search of safe havens do not warrant applying the conventional definition of refugee to them. It is therefore maintained that "fear of persecution" and its well – foundedness are applicable only in the case of political offenders. From this

assertion, it is claimed that the element of persecution contained in the definition is not a criteria for determining refugee status of those fleeing wars in Africa, either civil or international.

Meanwhile, a careful examination of the historical conditions which drew the attention of the international community for organized action in favour of refugees after the two world wars reveal that wars were the cause for such International efforts. The formation of organizations such as the United Nations Relief and Rehabilitation Administration (U.N.R.R.A), the International Refugees Organisation (I.R.O) and finally the establishment of the United Nations High Commission for Refugees were all geared towards alleviating the suffering of the victims of the Second World War.

Majority of those who crossed borders in search of refuge are mainly people who were not directly involved in the hostilities. When one recalls that overthrown tyrants and African leaders who have stolen their countries monies are known to have sought asylum in foreign territories and foreign countries have readily granted them asylum, then the arguments which have been advanced to deny ordinary Africans refugee status are hypocritical. This is not in conformity with the United Nations Charter Article 1 (13) solicits international co-operation in solving international problems of humanitarian character.

Noting with concern the constantly increasing number of refugees in Africa and desirous of finding ways of alleviating some of the misery and suffering of refugees in Africa, the O.A.U adopted in 1969 a convention governing the specific aspects of refugees in Africa. This convention stated in Article 1 (2) that a refugee is a “person who owing to external aggression, occupation, foreign domination, and events seriously disturbing public order in either part or the whole of his country of origin or nationality, is compelled to leave his place of habitual residence in order to seek refuge in another place outside his country of origin or nationality”.

With this definition in place, the poverty-stricken countries of Africa who have just emerged from centuries of colonialism accepted responsibilities for the crimes of colonialism and its legacies together with those of the cold war.

For legal convenience African countries have adopted a convention which they cannot implement. Paradoxically, the rich mineral deposits in Africa have become the cause of these cycles of death in Africa; millions are dying of hunger while our terrains lay bare and have almost turned into deserts.

Wars have created unfavourable conditions for living and it was introduced by those who wanted the resources of the continent to rebuild their economies after the devastation they suffered during the Second World War, Geo-politics is also a contributory factor in this devastation. African countries with their fragile economies bore a burden which was entrusted upon them by the International community.

Conclusion

Africa's economic and political backwardness cannot be explained in a way the pseudo-scientists have attempted to do. The continent's economic and political backwardness are due to multiple of factors. This study was carried to oppose the racist Darwinist and the biological explanation of Africa's current predicaments. Thus, the transitory events from slavery to the cold war cannot be overlooked and substituted by genetic explanations of why the continent is backward economically and politically. That is why history constitutes the relation between the present and the past. The past is not for living in. It is a well of conclusions from which we draw in order to act.

The transitory events from slavery to the Cold War, have had persistent effects on Africa's development-politically, economically and socially and these cannot be overshadowed by pseudo-scientific argument.

THE PRINCIPLE OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT – AN AFRICAN PERSPECTIVE

*Dr. Sunday Gozie Ogbodo,
Senior Lecturer, Faculty of Law,
University of Benin, Nigeria, Gozieogbodo@yahoo.com*

The most popular definition of the principle of sustainable development emanated from the Brundtland Report of the United Nations Commission on Environment and Development which summarized it as “development that meets the need of the present without compromising the ability of future generations to meet their own needs.”

Prior to this definition, there had been a ‘battle of ideas’ between the Preservationists and the Conservationists. While the former canvassed for ‘non-use values’, the latter canvassed for ‘use values.’

Presently, the argument has been enlarged by the different perceptions attributed to the principle by both the rich and developed world and the poor and developing world. The former claims that they are rich because they have adopted sustainable development institutions and policies, not necessarily because they exploit and consume a disproportionate share of the world’s resources. On the contrary, they claim that the poor and developing world is poor due to their inability or unwillingness to adopt sustainable development institutions and policies.

Developing countries view the principle with understandable suspicion. They claim that the principle was meant to slow development in the developing countries under the guise of environmental consciousness. Further, that it is an extension of the neo-liberalist ideology.

As we mark the end of the United Nations Decade for Education for Sustainable Development (2005–2014), this paper will critically analyse the differing perceptions of the principle with a view to highlighting the African perspective.

INTERNATIONAL LEGAL CONSERVATION MEASURES FOR THE WEST AFRICAN POPULATIONS OF THE AFRICAN ELEPHANT (*Loxodonta africana*)

Tsipris Maria S.,

*PhD Student, Department of International Law,
Peoples' Friendship University of Russia,
6 Miklukho-Maklay str., Moscow, 117198, Russia*

The 1979 Bonn Convention on migratory species¹ (CMS) stipulates that “Parties... shall endeavour to conclude Agreements covering the conservation and management of migratory

¹ Convention on the Conservation of Migratory Species of Wild Animals. URL: http://www.cms.int/sites/default/files/instrument/cms_convtxt_english.pdf (date of access: 27.04.2014). About CMS see also: Циприс М.С. Определение понятия «мигрирующие виды диких животных» в российском законодательстве // *Международное право – International Law*. 2011. № 01-02 (45–46). С. 138–140; Циприс М.С. Экосистемный подход к управлению и сохранению мигрирующих видов диких животных // *Вестник Московского государственного открытого университета*. М., 2011. № 2 (44). С. 89–94; Циприс М.С. Применимо ли понятие «рамочное соглашение» к Боннской конвенции о сохранении мигрирующих видов диких животных 1979 г.? // *Актуальные проблемы современного международного права: Материалы ежегодной межвузовской научно-практической конференции*. Москва, 9–10 апреля 2010 г. / под ред. А.Х. Абашидзе, М.Н. Копылова, Е.В. Киселевой. М.: РУДН, 2011. Ч. II. С. 146–154; Циприс М.С. Источники международного экологического права, регулирующие защиту и сохранение мигрирующих видов диких животных // *Евразийский юридический журнал*. 2013. № 9 (64). С. 112–115; Tsipris M. International Law and migratory species of wild animals // *We speak legal English, German, French: Proceedings of the annual students' conference*. М.: PFUR, 2010. P. 123–125; Tsipris M. “Migratory Species of Wild Animals” as an Independent Object of International Legal Protection // *We speak Legal English, German, French, Spanish, Chinese: Students' Annual Conference*. М.: PFUR, 2012. P. 111–112.

species included in Appendix II²” (art.II) and “Parties are encouraged to take action with a view to concluding agreements” for migratory species (art.IV).

The Agreements may range from legally binding treaties (called Agreements) to less formal instruments, such as Memoranda of Understanding (MoU), and can be adapted to the requirements of particular regions. The development of models tailored according to the conservation needs throughout the migratory range is a unique capacity to the Convention.

At its Sixth Meeting (Cape Town, 10–16 November 1999) the CMS Conference of the Parties adopted Recommendation 6.5 “Co-operative Action for the African Elephant (*Loxodonta africana*) in the Western and Central Africa”³. In this Recommendation

² Appendix II shall list migratory species which have an unfavourable conservation status and which require international agreements for their conservation and management, as well as those which have a conservation status which would significantly benefit from the international cooperation that could be achieved by an international agreement (art. IV). Also see: Циприс М.С. Значение меморандумов о взаимопонимании в рамках Боннской конвенции по сохранению мигрирующих видов диких животных 1979 г. // Актуальные проблемы современного международного права: материалы XI ежегодной международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора И.П. Блищенко: в 2 ч. / отв. ред. А.Х. Абашидзе. Москва, 12–13 апреля 2013 г. М.: РУДН, 2014. Ч. 2. С. 553–562; Циприс М.С. Соглашения и Меморандумы о взаимопонимании к Боннской конвенции 1979 г. по вопросу сохранения мигрирующих видов диких животных Африки // Международно-правовые проблемы в Африке. Материалы круглого стола XI ежегодной международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы современного международного права», посвященной памяти профессора И.П. Блищенко. Москва, 12 апреля 2013 г. / отв. ред. А.Х. Абашидзе, Е.В. Киселева, А.М. Солнцев. М.: РУДН, 2014. С. 212–221.

³ Convention on the Conservation of Migratory Species of Wild Animals. Recommendation 6.5 “Co-operative Action for the African Elephant (*Loxodonta africana*) in the Western and Central Africa”. URL: http://www.cms.int/sites/default/files/document/Rec6.5_E_0_0.pdf (date of access: 27.04.2014). See also: Циприс М.С. Правовое регулирование сохранения биологического разнообразия в странах Африки // Африка в

tion the CMS Conference of the Parties “suggests that the Range States envisage developing and concluding one or more Agreements, including action plants, and implementing them” (par. 4).

One of such MoU is Memorandum of Understanding concerning Conservation Measures for the West African Populations of the African Elephant (*Loxodonta Africana*) adopted on the 22nd of November 2005 under art. IV (4) of the Bonn Convention (par.8 of the Memorandum). The African elephant is one of the species listed in the appendices of both, Convention on International Trade in Endangered Species of Wild Fauna and Flora⁴ (CITES) and CMS.

глобальном мире: прошлое, настоящее и будущее: материалы X Школы молодых африканистов России, Москва. 29–30 ноября 2011 г. М.: Институт Африки РАН, 2011. С. 117–1220; Циприс С. Сохранение мигрирующих видов диких животных в Африке // Проблемы изучения Африки в России и за рубежом. Материалы XI Школы молодых африканистов России. Казань, 14-15 ноября 2012 года. Казань, 2012. С. 101–102; Циприс М.С. Вопросы защиты и сохранения мигрирующих видов диких животных в государствах Африки // Актуальные вопросы международного права в Африке. Материалы круглого стола X ежегодной Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы современного международного права», посвященной памяти профессора И.П. Блищенко. Москва, 12 октября 2012 г. / отв. ред. А.Х. Абашидзе, Е.В. Киселева, А.М. Солнцев. М.: РУДН, 2012. С. 90–101.

⁴ Convention on International Trade in Endangered Species of Wild Fauna and Flora. Appendices I, II and III (valid from 22 May 2009). URL: <http://www.cites.org/eng/app/e-appendices.pdf> (date of access: 27.04.2014 г.). About CITES see also: Копылов М.Н., Меркулова К.А. Новое о CITES: к юбилею Конвенции // Экологическое право, 2013. № 4. С. 31–36; Лукашук И.И. Современное право международных договоров: в 2 т. М.: Волтерс Клувер, 2004. Т. I: Заключение международных договоров. С. 448–449; Международное право / под ред. А.Я. Капустина. С. 486–487; Копылов М.Н., Мохаммад С.А., Якушева Е.А. История международного экологического права. М.: Изд-во РУДН, 2007. С. 79–80; Копылов М.Н. Введение в международное экологическое право. М.: РУДН, 2007. С. 85–86; Меркулова К.А. Вашингтонской конвенции о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения, – 40 лет // Актуальные проблемы современного международного

By date, 13 African States (Benin, Burkina Faso, Cote d'Ivoire, Ghana, Guinea, Guinea-Bissau, Liberia, Mali, Niger, Nigeria, Senegal, Sierra Leone, Togo) signed this Memorandum. The non-binding character of the Memorandum is affirmed in its par.12: "Nothing in this Memorandum of Understanding will be legally binding on any of the signatories either individually or collectively". The Secretariat functions are provided by the CMS Secretariat (par. 14, 15).

The Memorandum stipulates holding of regular meetings at which the implementation of the Memorandum is to be assessed (par. 5). By this time there have been held two Meetings of the Signatories: 1) in Accra, Ghana, 30-31 March 2009; 2) Niamey, Niger, 20–21 June 2011.

At the First Meeting of the Signatory States the participants adopted a declaration which stipulated the adoption of a work programme for the years 2009–2011⁵. The main themes of this Programme are (par. 4 of the Programme):

a. Information necessary for management (organize inventories of elephants; study seasonal movements of trans-boundary elephants; undertake genetic studies to determine the taxonomic status of the forest and savannah elephants; evaluation of the socio-economic value of elephants; evaluation of the cost/benefit ratio; improvement of the cost/benefit ratio);

права: материалы XI ежегодной международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора И.П. Блищенко: в 2 ч. / отв. ред. А.Х. Абашидзе. Москва, 12–13 апреля 2013 г. М.: РУДН, 2014. Ч. 2. С. 535–541.

⁵ Medium Term International Work Programme. First Meeting of the Signatories to the Memorandum of Understanding concerning Conservation Measures for the West African Populations of the African Elephant (*Loxodonta africana*). Accra, Ghana, 30–31 March 2009. Annex 6. UNEP/CMS/WAE1/REPORT. URL: http://www.cms.int/sites/default/files/document/WAE1_Meeting_Report_E_with_annexes_0.pdf (date of access: 27.04.2014).

b. Enhanced institutional capacity for management (organize training courses at a site-specific and sub-regional level; supply of equipment need to the relevant agents);

c. Reduction of the rate of loss of elephant habitat (evaluate the habitats; develop and/or implement management plans);

d. Reduction of conflict between humans and elephants (report on conflict sites; contribution to the resolution of conflicts; reinforcement of capacities);

e. Better understanding and effective control of the ivory trade (conduct studies into ivory trade in those countries identified by Elephant Trade Information System (ETIS); initiate policies on the control of ivory trade at the level of the Economic Community of West African States (ECOWAS); reinforce the capacities of the persons involved in controlling the trade in ivory);

f. Illegal killing of elephants contained (strengthen control policies; strengthen the capacities of the persons involved in the struggle against poaching; supply of necessary equipment to the agents concerned);

g. Elephant conservation issues better understood at all levels (information, education and communication (IEC) campaigns);

h. Strengthening of cooperation between Range States (creation of a technical consultation network for the management of each trans-boundary area; development and implementation of joint initiatives);

i. Costs/benefits of the presence of elephants (human resources; financial resources);

j. Implementation and evaluation of the Work Programme (monitoring of implementation; evaluation of the programme);

k. Mobilisation of the necessary financial and human resources for the implementation of the Work Programme.

At the Second Meeting of the Signatories it was decided that MIKE (Monitoring the Illegal Killing of the Elephants) and CMS meetings would henceforth be held jointly. The Programme

was examined by the Signatories during the Meeting, and there was adopted the Medium Term International Work Programme concerning Conservation Measure for the West African Populations of the African Elephant (*Loxodonta africana*) for the years 2012-2014⁶, with the same main themes.

The Strategy for the Conservation of West African Elephants⁷ (1999) developed by the African Elephant Specialists Group of the IUCN Species Survival Commission (IUCN/SSC) with support from the World Wild Fund for Nature is annexed to the Memorandum “as a basis for conserving all populations of the species in West Africa. The Strategy includes inter alia measures to: (a) evaluate the status of elephants; (b) maintain and increase elephant populations; and (c) improve elephant habitats” (par.3).

The objective of the Memorandum of Understanding concerning Conservation Measures for the West African Populations of the African Elephant (*Loxodonta Africana*) and of the Strategy for the Conservation of the West African Elephant is to “Take steps to conserve and, when and where appropriate, to strictly protect the African Elephant and to conserve and sustainably use the habitats essential for its survival” (par. 1 of the MoU).

The Strategy lists the following seven results to be obtained during implementation of the Strategy: 1. Information necessary for management; 2. Better understanding and effective control of the ivory trade; 3. Enhanced institutional capacity for

⁶ Medium Term International Work Programme concerning Conservation Measure for the West African Populations of the African Elephant (*Loxodonta africana*) for the years 2012–2014. Second Meeting of the Signatories to the Memorandum of Understanding concerning Conservation Measures for the West African Populations of the African Elephant (*Loxodonta africana*). Niamey, Niger, 20–21 June 2011. Report of the Second Meeting of the Signatories. UNEP/CMS/WAE2/Report. URL: http://www.cms.int/sites/default/files/document/WAE2_Meeting_Report_E_0.pdf (date of access: 27.04.2014).

⁷ Strategy for the Conservation of West African Elephants. Revised version – March 2005. URL: https://cmsdata.iucn.org/downloads/strategy_version_march_2005_en.pdf (date of access: 27.04.2014).

elephant management; 4. Reduction in the rate of loss of elephant range; 5. Illegal killing of elephants contained; 6. Elephant conservation issues better understood at all levels; 7. Regional understanding and cooperation strengthened.

Paragraph 3 of the MoU suggests that the objectives contained in the Strategy could be achieved through the development and implementation of national elephant conservation and management strategies and plans.

In the Report prepared by the CMS Secretariat for the Second Meeting of the MoU Signatories⁸ the Secretariat affirms the MoU preamble provision that the implementation of the CITES programmes, Monitoring the Illegal Killing of Elephants (MIKE) and the Elephant Trade Information System (ETIS), could provide valuable information to support the conservation and management of West Africa's elephants if effectively implemented.

In June 2008, the CMS Secretariat participated in the CITES Secretariat African elephant meeting (Mombasa, Kenya). Following that meeting, the CMS and CITES Secretariats agreed on convening a joint meeting with a view to coordinating efforts and joining forces to identify and promote the implementation of trans-boundary conservation measures. In addition, the CITES and CMS Secretariats signed Memorandum of Understanding⁹

⁸ Report of the Secretariat. Second Meeting of the Signatories to the Memorandum of Understanding concerning Conservation Measures for the West African Populations of the African Elephant (*Loxodonta africana*). Niamey, Niger, 20-21 June 2011. UNEP/CMS/WAE2/Doc.4. Agenda Item 5.0. URL: http://www.cms.int/sites/default/files/document/WAE2_Doc_4_Secretariat_Report_E_0.pdf (date of access: 27.04.2014).

⁹ Memorandum of Understanding between The Secretariat of the Convention on International Trade in Endangered Species of Wild Fauna and Flora (CITES Secretariat) and The Secretariat of the Convention on the Conservation of Migratory Species of Wild Animals (CMS Secretariat). URL: http://www.cms.int/sites/default/files/document/Inf12_MoU_CMS_CITES_E_only_0.pdf (date of access: 27.04.2014). About the CMS and CITES cooperation see also: Building Alliances to better Protect Wildlife Across Borders.

concerning their cooperation on key issues of conservation of biological diversity.

The fact that all West African Range States of the African Elephant are eligible to sign the Memorandum is of great importance.

Despite the non-binding character of the considered Memorandum of Understanding it plays a significant role in preservation of migratory species, as it serves to articulate standards widely shared, or aspired to, by nations.

URL: http://wildlifeday.org/sites/default/files/Building_Alliances_to_better_Protect_Wildlife_Across_Borders.pdf (date of access: 27.04.2014); Convention on the Conservation of Migratory Species of Wild Animals. Resolution 7.9 “Cooperation with Other Bodies and Processes”. URL: http://www.cms.int/sites/default/files/document/RES_7_09_Cooperation_Bodies_0_0.pdf (date of access: 27.04.2014); CMS CITES Joint Work Programme 2012-2014. URL: http://www.cites.org/sites/default/files/common/disc/sec/CMS_annex.pdf (date of access: 27.04.2014); Institutional Interaction in Global Environmental Governance. Synergy and Conflict among International and EU Policies / S. Oberthür, Th. Gehring (eds). Massachusetts: Massachusetts Institute of Technology. 2006. P. 157–180.

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ ВОСТОЧНОАФРИКАНСКОГО СООБЩЕСТВА (ВАС)

*Диоманде Дро Хиасинте,
аспирант кафедры международного права
Российского университета дружбы народов,
117198, Россия, Москва, Миклухо-Маклая, д. 6,
hyacinthedro@mail.ru*

Восточноафриканское сообщество (ВАС) представляет собой субрегиональную межправительственную организацию, включающая пять восточноафриканских государств: Бурунди, Кению, Руанду, Танзанию и Уганду. В настоящее время идут переговоры о присоединении к ВАС Южного Судана.

ВАС является одним из столпов Африканского экономического сообщества. В формировании ВАС большую роль сыграли устойчивые экономические и политические связи между тремя странами в колониальный период. Кения, Уганда и Танзания (на тот момент Танганьика) были колониями британской короны с общей валютой – восточноафриканским шиллингом, имевшим паритет с британским фунтом стерлингов, и внешним тарифом с низкими ставками таможенных пошлин. Между данными странами отсутствовали торговые барьеры во взаимных рамках, не применялись валютный контроль и система лицензирования. Для координации деятельности по отдельным направлениям был создан Восточноафриканский комитет по оказанию услуг, руководивший работой межтерриториальных департаментов в сферах транспорта, связи, таможни и промышленности.

ВАС было основано в 1967 г., прекратило существование в 1977 г. и было официально возрождено 7 июля 2000 г. В 2008 г. после переговоров с Сообществом развития Юга Африки (САДК) и Экономическим сообществом стран Восточной и Южной Африки (КОМЕСА) ВАС согласилось

расширить зону свободной торговли и включить государства – члены всех трех сообществ к 2018 г.¹

В ноябре 1999 г. в Аруше (Танзания) был подписан *Договор о создании Восточноафриканского сообщества*². Поскольку Договор был подписан после Конференции ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 1992 г.), то в нем нашли отражение экологические вопросы. Так, в ст. 5 (3, с) в качестве одной из целей ВАС заявлено: «...содействие устойчивому использованию природных ресурсов государств-членов и принятие мер, которые бы эффективно способствовали защите окружающей среды государств-членов». Глава 19 Договора носит название «Сотрудничество в сфере защиты окружающей среды и управления природными ресурсами». Она состоит из четырех статей: «Экологические вопросы и природные ресурсы» (ст. 111), «Управление окружающей средой» (ст. 112), «Предотвращение незаконной торговли и перемещения токсических отходов, веществ и опасного мусора» (ст. 113) и «Управление природными ресурсами» (ст. 114). Статья 116 Договора посвящена управлению в сфере пользования дикой природой.

В 2006 г. к Договору о создании Восточноафриканского сообщества был принят *Протокол об окружающей среде и природных ресурсах*³. Протокол в силу не вступил, его пока ратифицировали только Уганда и Кения. Данный международный договор представляется весьма инновационным. Согласно положениям Протокола чистая и здоровая окружающая среда является необходимым условием для ус-

¹ Odada E.O., Olago D.O., Ochola W. Environment for Development: An Ecosystems Assessment of Lake Victoria Basin. UNEP/PASS, 2006. P. 113.

² East African Community Treaty 1999. URL: www.eac.int/treaty (дата обращения: 01.09.2014).

³ EAC Protocol on Environment & Natural Resource Management. URL: www.eac.int/environment/index.php?option=com_content&view=article&id=122:eac-gender-a-community-development-framework&catid=3:key-documents (дата обращения: 01.09.2014).

тойчивого развития. Общая цель Протокола заключается в содействии и укреплении сотрудничества среди государств – членов ВАС в области сохранения и управления окружающей средой и природными ресурсами. В нем указан целый ряд совместных сфер действий в целях предотвращения деградации окружающей среды. В Протоколе акцент делается на следующих областях сотрудничества государств – членов ВАС: трансграничные природные ресурсы; биологическое разнообразие и генетические ресурсы; лесные ресурсы; дикая природа; водные ресурсы; водно-болотные угодья; прибрежное и морское рыболовство; рациональное использование минеральных ресурсов; горные экосистемы; земли, пастбищные угодья; экотуризм. Протокол стремится ответить на следующие экологические проблемы субрегиона: опустынивание и засуха, изменение климата, сохранение озонового слоя, биобезопасность и биотехнологии, химические отходы и обращение с опасными отходами, загрязнение, выработка экологических стандартов, процедура ОВОС, военные и враждебные действия, повышение экологического образования, участие общественности в принятии экологически значимых решений, доступ к экологической информации, готовность к экологическим бедствиям и смягчение последствий.

Таким образом, можно констатировать, что государства – члены ВАС пришли к договоренности о координации и гармонизации политики в области окружающей среды в целях сохранения и улучшения ее состояния в данном субрегионе. Договор ВАС предусматривает совместное управление и использование природных ресурсов в рамках Сообщества на благо государств-членов. Положения Договора обеспечивают потенциал для совместной разработки и принятия согласованной общей политики и стратегий для устойчивого управления трансграничными природными ресурсами в рамках Сообщества. Договор, таким образом, предоставляет возможность для разработки региональных руководящих

принципов по управлению трансграничными экосистемами в Восточной Африке.

В 2005 г. в рамках ВАС были разработаны и приняты *Руководящие принципы оценки воздействия на общие экосистемы Восточной Африки*⁴. Оценка воздействия на окружающую среду (ОВОС) является процедурой, которая может использоваться для улучшения принятия решений и обеспечить экологически, социально и экономически устойчивое развитие. Это касается выявления плюсов и минусов, прогнозирования и оценки обозримого воздействия на окружающую среду. Таким образом, ОВОС является важным инструментом экологического управления для повышения долгосрочной жизнеспособности проектов. При этом в Руководящих принципах говорится не только об ОВОС, в них содержатся правовые основы для реализации стратегической оценки воздействия.

В целом Руководящие принципы оценки воздействия на общие экосистемы Восточной Африки 2005 г. представляются вкладом в прогрессивное развитие международного экологического права, а также в поддержание экологической безопасности континента. К сожалению, другие субрегиональные организации, равно как и Африканский союз, не приняли подобных документов. Предлагается использовать этот позитивный пример и экстраполировать его на другие африканские субрегионы и весь континент в целом⁵.

В качестве примера рассмотрим одну из важнейших экосистем континента – *озеро Виктория*⁶. В Восточной Аф-

⁴ Transboundary Environmental Assessment Guidelines For Shared Ecosystems In East Africa. URL: www.eac.int/environment/index.php?option=com_docman&task=cat_view&gid=66&Itemid=106 (дата обращения: 01.10.2014).

⁵ Солнцев А.М. Современное международное право об окружающей среде и экологических правах человека. М.: УРСС, 2013.

⁶ См. также о другом африканском трансграничном водотоке: Solntsev A., Shumba T. International legal cooperation in the management of the trans-

рике на территории Танзании, Кении и Уганды находится озеро Виктория. Расположено оно в тектоническом прогибе Восточно-Африканской платформы на высоте 1134 м. Площадь – 68 тыс. кв. км, объем – 8400 куб. км⁷. Это второе по площади пресное озеро мира. Экологическое состояние озера находится в серьезной опасности из-за интенсивного роста численности местного населения, сплошной вырубке лесов по всему побережью, сверхразвитой рыбоэкспортной индустрии, появления и распространения экзотических растений и животных (так называемые инвазивные виды) и, как следствие, исчезновения более 50% местной рыбы, гипертрофированного роста водорослей и слива неочищенных сточных вод предприятий и канализационных вод прибрежных поселений⁸.

С целью увеличения поголовья рыб в воды озера был выпущен нильский окунь, что привело к исчезновению многих видов местных рыб. Причиненный ущерб огромен и в значительной части невосполним. Традиционный общинный образ жизни с его присваивающим хозяйством на озере был разрушен и мало-помалу сходит на нет. Если не принять неотложных международно-правовых мер по спасению озера, оно погибнет. Помимо эвтрофикации и увеличивающегося слива сточных вод за интенсивное высыхание озера ответственны также водные лилии. Эти пресноводные растения, отличающиеся необычайной стойкостью и быстрым размножением, были завезены в Африку в начале XX столетия в качестве украшений. С тех пор они интенсивно распространяются. В конце 1990-х гг. водные лилии стали причиной резкого сокращения поголовья рыбы в озере Виктория, поскольку

boundary rivers: Zambezi river case // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2013. № 2. P. 228–236.

⁷ Encyclopedia Britannica Online, s. v. «Lake Victoria». URL: www.britannica.com (дата обращения: 17.09.2014).

⁸ Виктория // Словарь современных географических названий / под общ. ред. акад. В.М. Котлякова. Екатеринбург: У-Фактория, 2006.

поглощают из воды значительное количество кислорода. Кроме того, их усики и листья блокируют притоки и оттоки вод из озера, осложняют рыболовство и судоходство. ВАС и ЮНЕП следят за распространением водных лилий и принимают неотложные меры при увеличении их численности.

Другой угрозой для о. Виктория является засуха, что ведет к уменьшению количества воды в озере, сокращению пастбищ, грозит голодной смертью тысячам африканцев. В связи с этими проблемами в рамках ВАС был принят важный документ – *Протокол об устойчивом развитии бассейна озера Виктория* 29 ноября 2003 г.⁹, который вступил в силу в декабре 2004 г. Согласно положениям Протокола бассейн озера Виктория определяется в качестве «области общего экономического интереса» и «региональной зоны экономического роста», которая будет использоваться совместно государствами – членами ВАС. Протокол 2003 г. закрепляет обязательства сторон в отношении устойчивого использования этого природного объекта, а также учреждает Комиссию по бассейну озера Виктория (ст. 33 Протокола), отвечает за реализацию планов управления в целях сохранения и устойчивого использования ресурсов на озере Виктория¹⁰. Комиссия предусматривает широкое партнерство местных общин вокруг озера, Восточноафриканского сообщества и его государств-членов. Деятельность Комиссии сосредоточена на: согласовании политик и законов в области защиты озера и его водосборного бассейна; проведении экологического менеджмента озера, в том числе контроля и искоренения водных лилий; управлении и сохранении водных ресурсов, в том числе рыболовства; экономической деятельности в развитии рыболовства, промышленности, сельского хозяйства и ту-

⁹ Protocol For Sustainable Development Of Lake Victoria Basin 2003. URL: faolex.fao.org/docs/texts/mul41042.doc (дата обращения: 01.09.2014).

¹⁰ См. официальный сайт Комиссии по бассейну озера Виктория. URL: <http://www.lvbcom.org> (дата обращения: 01.09.2014).

ризма; развитию инфраструктуры, в том числе реконструкции транспортной системы на и вокруг озера.

Комиссия делает акцент на искоренении нищеты и участии местных коренных общин в управлении. Это должно быть достигнуто за счет экономического роста и инвестиций¹¹.

Помимо Комиссии по бассейну озера Виктория в этом субрегионе большое значение имеет деятельность Организации по рыболовству в озере Виктория¹². Эта международная организация была создана в 1994 г. в соответствии с положениями Конвенции между Кенией, Танзанией и Угандой¹³. Направлениями работы организации являются разработка и принятие мер по сохранению и управлению в целях устойчивого использования живых ресурсов озера Виктория для оптимизации социально-экономических выгод от бассейна для трех государств-партнеров.

Рыбным промыслом на озере Виктория занимаются граждане Кении, Танзании и Уганды, он является источником дохода, занятости, продовольствия и иностранной валюты для Восточной Африки. Вылов рыбы составляет около 800 тыс. тонн в год, давая доход около 590 млн дол. США. Организация по рыболовству в этом отношении разработала План по устойчивому рыболовству¹⁴, который, в том числе предусматривает внедрение положений Кодекса ФАО по ответственному рыболовству.

¹¹ Абашидзе А.Х., Конева А.Е. Состояние нищеты – нарушение прав и свобод человека // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2011. № 4. С. 129–139.

¹² См. официальный сайт Организации по рыболовству в озере Виктория. URL: <http://www.lvfo.org/index.php> (дата обращения: 01.09.2014).

¹³ Convention for the Establishment of Lake Victoria Fisheries organisation. URL: <http://www.lvfo.org/index.php/documents/lvfo-documents> (дата обращения: 01.09.2014).

¹⁴ The Fisheries Management Plan for Lake Victoria. URL: www.lvfo.org/index.php/documents/lvfo-documents (дата обращения: 01.09.2014).

Кроме того, ВАС разработало важный международный документ рекомендательного характера – *Стратегию в сфере борьбы с изменением климата*¹⁵, с целью содействия устойчивому развитию в субрегионе посредством адаптации к изменению и разработке смягчающих стратегий, программ и мероприятий. ВАС самостоятельно участвовало в подготовке к Конференции ООН «Рио+20» 2012 г., был подготовлен специальный доклад о вкладе ВАС в устойчивое развитие, где были отражены основные субрегиональные приоритеты¹⁶.

Таким образом, природоохранная практика ВАС наглядно показала, что концепция и принципы устойчивого развития были поэтапно реализованы в деятельности Сообщества. Более того, государства – члены ВАС приняли всеобъемлющий международно-правовой акт – Протокол об окружающей среде и природным ресурсам 2006 г. Скорейшее вступление в силу этого Протокола, а затем и поэтапная имплементация положений Протокола в национальные законодательства государств – членов ВАС будут способствовать эффективности защиты окружающей среды в субрегионе.

В международно-правовом регулировании защиты окружающей среды в Восточноафриканском сообществе большое значение имеют и источники «мягкого» права, которые позволяют создать гибкий механизм сотрудничества. Представляется, что в перспективе для повышения эффективности природоохранной деятельности ВАС эти источники «мягкого» права должны постепенно трансформироваться в договорные формы с эффективным механизмом воплощения его норм в жизнь.

¹⁵ Climate change Strategy EAC. URL: http://www.eac.int/environment/index.php?option=com_content&view=article&id=160&Itemid=78 (дата обращения: 01.09.2014).

¹⁶ URL: <http://www.uncsd2012.org/index.php?page=view&nr=388&type=1000&menu=126> (дата обращения: 01.09.2014).

ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ГЛОБАЛЬНОГО ПОДХОДА К МИГРАЦИИ В ОТНОШЕНИИ АФРИКИ И СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ¹

*Кажаяева Ольга Сергеевна,
аспирант кафедры международного права
Российского университета дружбы народов,
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6,
kazhaeva_olga@mail.ru*

In 2005 the European Union adopted the Global Approach to Migration: Priority Actions for Africa and the Mediterranean region in order to establish close cooperation in the field of migration from Africa and the Mediterranean. This step of the EU was caused by the increasing migration flows, including illegal, from these two regions. For Africa began a new stage in the solution of migration within the region (the adoption of conventions, joint actions) and appeared the possibility of obtaining assistance from the EU for the joint management of migration.

В последние годы приток мигрантов из стран Африки и Южного Средиземноморья в Европейский союз все возрастает, что приводит к ужесточению мер иммиграционной политики ряда стран ЕС². В то же время, в связи со сложившейся демографической ситуацией, Европейский союз нуждается в притоке трудовых мигрантов³.

¹ Статья публикуется в рамках гранта РГНФ (проект №12-33-01428).

² См., например, о следующих отсюда проблемах реадмиссии между Африкой и ЕС: Кажаяева О.С. Сотрудничество Европейского союза и стран Африки в области реадмиссии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. М.: РУДН, 2014. № 2. С. 357–367.

³ Communication from the Commission to the Council and the European Parliament: The Global approach to migration one year on: Towards a comprehensive European migration policy, Brussels, 30.11.2006, COM (2006)

В связи с этим основной целью Европейского союза является установление диалога с государствами происхождения и транзита мигрантов для управления миграционными потоками.

В рамках Европейского союза в 2005 г. был принят Глобальный подход к миграции и мобильности, являющийся комплексным подходом к миграции, рассматривающий вопросы легальной и нелегальной миграции⁴.

Принятие Глобального подхода к миграции «представляет собой реализацию амбициозной цели Европейского союза по созданию межсекторальной основы для последовательного управления миграцией путем установления политического диалога и тесного практического сотрудничества с третьими странами»⁵.

Глобальный подход рассматривает три «тематических измерения»⁶: управление легальной миграцией, предотвращение и сокращение нелегальной миграции, и соотношение между миграцией и развитием.

Для установления устойчивого диалога между государствами – членами ЕС и странами, не входящими в ЕС, предусмотренного Глобальным подходом к миграции и мо-

735 final. URL: http://ec.europa.eu/development/icenter/repository/COMM_PDF_COM_2006_0735_F_EN_ACTE.pdf.

⁴ Эрнандес-и-Саггера Р. Оценка Партнерства по мобильности ЕС с Молдовой и Грузией: (не)-содействие круговой миграции? URL: http://www.easternpartnership.org/node/3769#_ftn1.

⁵ Politics and the migration-development nexus: the EU and the Arab SEM Countries, CARIM Research Reports 2011/05. 2011. URL: http://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/18957/CARIM_RR_2011_05.pdf?sequence=2.

⁶ Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European economic and social committee and the Committee of the regions, Strengthening the Global approach to migration: increasing coordination, coherence and synergies, Brussels, COM (2008) 611/3. URL: <http://www.statewatch.org/news/2008/oct/eu-com-global-migration-2008-611-3.pdf>.

бильности, созданы специальные инструменты политики в области миграции и мобильности: партнерство по мобильности и создание общей повестки дня по миграции и мобильности⁷. Последнее применяется только в случае, когда ЕС и третья страна хотят установить тесное и устойчивое сотрудничество, но при этом не готовы немедленно приступить к упрощению визового режима или к заключению соглашения о реадмиссии⁸.

Также в договаривающихся странах в рамках осуществления партнерства по миграции и мобильности должны создаваться ресурсные центры по миграции и мобильности для информирования мигрантов по вопросам занятости, квалификации трудящихся, приема мигрантов, их возвращения и реинтеграции⁹.

В качестве первого шага на пути к реализации Глобального подхода к миграции 16 декабря 2005 г. Европейский Совет одобрил «Глобальный подход к миграции: приоритетные действия в отношении Африки и Средиземноморья», где указано, что «необходимо принять меры для уменьшения потоков нелегальной миграции и гибели людей, обеспечить безопасное возвращение нелегальных мигрантов, создать потенциал для более эффективного управления миграцией, в том числе путем предоставления максимальных

⁷ Buzaladze N. Interlinkages between the right to development and the right to freedom of movement // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2014. № 2. С. 320–324.

⁸ Frequently Asked Questions: Fostering strategic dialogue and partnership with non-EU countries, Brussels. 18 November 2011. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_MEMO-11-800_en.htm?locale=en.

⁹ Frequently Asked Questions: Fostering strategic dialogue and partnership with non-EU countries, Brussels. 18 November 2011. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_MEMO-11-800_en.htm?locale=en.

преимуществ для всех участников легальной миграции, при полном уважении прав человека»¹⁰.

В Глобальном подходе к миграции: приоритетные действия в отношении Африки и Средиземноморья указано, что сотрудничество Европейского союза и Африки должно быть сосредоточено на следующих вопросах:

- «проведение совещаний высших должностных лиц по обсуждению вопросов миграции;
- сотрудничество с африканскими странами и региональными организациями, такими как ЭКОВАС, через целый ряд форумов, инициатив и региональных совещаний;
- изучение миграционных маршрутов для установления оперативного сотрудничества между странами происхождения, транзита и назначения;
- проведение исследования для лучшего понимания коренных причин миграции»¹¹ и т.д.

Также, согласно Глобальному подходу к миграции, Европейский союз должен проводить политику, направленную на установление сотрудничества с соседними странами, включая страны Средиземноморского региона. Основными направлениями такого сотрудничества являются:

- «привлечение стран Средиземноморья к участию в системе наблюдения за прибрежной зоной;
- использование всех доступных рамок сотрудничества со средиземноморскими партнерами по предотвращению и борьбе с нелегальной миграцией и торговлей людьми, созданию потенциала для более эффективного управления миграцией, и поиску лучших способов обмена информацией о легальной миграции и возможностях на рынке труда;

¹⁰ Council of the European Union. Global Approach to migration: Priority actions focusing on Africa and the Mediterranean. Brussels, 13 December 2005. URL: <http://register.consilium.eu.int/pdf/en/05/st15/st15744.en05.pdf>.

¹¹ Council Conclusions: European Council, 15-16 December 2005 (17/12/05), 15914/05. URL: <http://jsis.washington.edu/euc/meu/2007/councilconclusions.pdf>.

• уделение особого внимания сотрудничеству с тремя странами:

✓ Марокко – реализации проектов по борьбе с торговлей и завершению в ближайшее время переговоров по заключению соглашения ЕС-Марокко о реадмиссии;

✓ Алжир – начать сотрудничество по “миграционным положениям”, содержащимся в Соглашении ЕС-Алжир об ассоциации, и начать переговоры по соглашению о реадмиссии;

✓ Ливия – начать переговоры относительно заключения соглашения о реадмиссии¹².

Начало проведения политики Европейского союза в отношении Средиземноморского региона восходит к 1995 г. к принятию Евро-средиземноморского партнерства на конференции в Барселоне, где впервые были упомянуты вопросы миграции. В 2004 г. была начата Европейская политика соседства, а уже спустя четыре года (2008 г.) появился новый формат сотрудничества – «Союз для Средиземноморья» («*Union for the Mediterranean*») с целью «оживления» процесса, начатого на конференции в Барселоне.

В рамках реализации Глобального подхода к миграции: приоритетные действия в отношении Африки и Средиземноморья в ноябре 2007 г. в Албуфейра было проведено первое совещание министров по миграции государствами, входящими в Евро-средиземноморское партнерство, а в ноябре 2008 г. Франция организовала второй раунд Рабатского процесса, переименовав его в Евро-Африканский процесс.

В качестве результатов претворения в жизнь Глобального подхода по миграции: приоритетные действия в отношении Африки и Средиземноморья можно указать: участие в сентябре 2006 г. африканских и европейских государств в Диалоге высокого уровня ООН по миграции и развитию;

¹² Council Conclusions: European Council, 15-16 December 2005 (17/12/05), 15914/05. URL: <http://jsis.washington.edu/euc/meu/2007/councilconclusions.pdf>.

проведение в ноябре 2006 г. Конференции ЕС-Африки по миграции и развитию в Ливии для разработки совместных подходов к миграции; осуществление сотрудничества по миграции со странами, расположенными на севере Африки в рамках ЕвроМед¹³; принятие Рабатской Декларации о Евро-Африканском партнерстве по миграции и развитию от 11 июля 2006 г. (Марокко); «обсуждение вопросов миграции на высоком уровне в Мадриде в июне 2007 г. и на саммите в Лиссабоне в декабре 2007 г., в рамках которого было принято решение об установлении Партнерства ЕС-Африки по миграции, мобильности и занятости»¹⁴.

Суммируя вышеизложенное, можно отметить, что сотрудничество Европейского союза со странами Африки и Средиземноморья начиналось с обсуждения проблем миграции на совместных конференциях и трансформировалось в оформление партнерств по миграции и мобильности между ЕС и отдельными государствами Африки и Средиземноморья, заключение соглашений об ассоциации и соглашений по регулированию отдельных аспектов миграции (например, соглашений о реадмиссии).

¹³ Council of the European Union. Global Approach to migration: Priority actions focusing on Africa and the Mediterranean. Brussels, 13 December 2005. URL: <http://register.consilium.eu.int/pdf/en/05/st15/st15744.en05.pdf>.

¹⁴ Politics and the migration-development nexus: the EU and the Arab SEM Countries, CARIM Research Reports 2011/05. 2011. URL: http://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/18957/CARIM_RR_2011_05.pdf?sequence=2.

ПРОТОКОЛ О ЗАЩИТЕ И ПОМОЩИ ЛИЦАМ, ПЕРЕМЕЩЕННЫМ ВНУТРИ СТРАНЫ, К ПАКТУ О БЕЗОПАСНОСТИ, СТАБИЛЬНОСТИ И РАЗВИТИИ В РАЙОНЕ ВЕЛИКИХ ОЗЕР 2006 г.¹

*Киселева Екатерина Вячеславовна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры международного права
Российского университета дружбы народов,
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Макляя, д. 6,
ekaterina.kiseleva.rudn@gmail.com*

Право беженцев является давно устоявшимся предметом сотрудничества государств и исследований ученых. Однако беженцы составляют меньшую часть вынужденных мигрантов: из 51,2 млн вынужденных мигрантов в мире (по данным за 2013 г.) ими являются лишь 16,7 млн человек². Остальные 33,3 млн человек относятся к лицам, перемещенным внутри страны³. Примечательно, что лица, перемещенные внутри страны (далее ВПЛ или ЛПВС), стали все больше привлекать к себе внимание зарубежных и российских ученых⁴.

¹ Статья публикуется в рамках гранта РГНФ (проект № 12-33-01428).

² См.: Facts and figures about refugees. UNHCR. URL: <http://www.unhcr.org/uk/about-us/key-facts-and-figures.html> (дата обращения: 2014-11-23).

³ Там же. Кроме беженцев и лиц, перемещенных внутри страны, в число вынужденных мигрантов УВКБ ООН включает просителей убежища, на которых приходится оставшаяся часть людей.

⁴ Работы зарубежных ученых см., например, в: Sánchez-Garzoli G. Selected Bibliography on the Global Crisis of Internal Displacement. Brookings-CUNY Project on Internal Displacement, December 2001; небольшая библиография о беженцах и ЛПВС вплоть до 2010 г.: URL: <http://www.urd.org/Refugees-and-internally-displaced> (дата обращения: 2014-11-23); Journal of Internal Displacement at URL: <http://journalinternaldisplacement.webs.com/> (дата обращения: 2014-11-23); Mehari Taddele Maru. The Kampala Convention and Its Contributions to In-

Международное сообщество начало работать в направлении анализа и решения проблем, порождаемых внутренним перемещением, на рубеже двух последних декад XX века. Определенным итогом этой работы стали Руководящие принципы по вопросу о перемещении лиц внутри страны 1998 г. (далее Руководящие принципы)⁵. В различном контексте правовые аспекты внутреннего перемещения затрагиваются и в самое последнее время⁶. Несмотря на это, на 24 ноября 2014 г. существует лишь два международных договора, посвященных защите ЛПВС и оказанию им помощи. Речь идет о Протоколе о защите и помощи лицам, перемещенным внутри страны, к Пакту о безопасности, стабильности и развитии в районе Великих

ternational Law. Legal Analyses and Interpretations of the African Union Convention on the Protection and Assistance of Internally Displaced Persons. Eleven International Publishing, 2014. Среди отечественных работ можно отметить, например: Киселева Е.В. Международное право о лицах, перемещенных внутри страны: постановка проблемы и Кампальская конвенция Африканского Союза 2009 г. // Актуальные проблемы современного международного права: материалы ежегодной межвузовской научно-практической конференции. Москва, 9-10 апреля 2010 г. Ч. I. М.: РУДН, 2011. С. 428–431; Иванов Д.В. Международное сотрудничество государств в области защиты прав лиц, перемещенных внутри страны // Московский журнал международного права. 2011. № 1 (81); Ястребова А.Ю. Международно-правовые и конституционные механизмы защиты внутренне перемещенных лиц: соотношение и перспективы // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2012. № 1 (09). С. 14–22; работы Голованова А.С., включая его диссертационное исследование, готовящееся под руководством проф. Д.В.Иванова в МГИМО (У) МИД России.

⁵ См.: Руководящие принципы по вопросу о перемещении лиц внутри страны. 17 февраля 1998 г. // E/CN.4/1998/53/Add.2.

⁶ См., например: Beyani C. Report of the Special Rapporteur on the human rights of internally displaced persons. 4 April 2014. A/HRC/26/33; General recommendation No. 32 on the gender-related dimensions of refugee status, asylum, nationality and statelessness of women. 5 November 2014. CEDAW/C/GC/32; General recommendation No. 30 on women in conflict prevention, conflict and post-conflict situations. 18 October 2013. CEDAW/C/GC/30.

озер 2006 г. (далее Протокол 2006 г.; вступил в силу в 2008 г.) и Конвенции о защите внутренне перемещенных лиц в Африке и оказании им помощи 2009 г. (Кампальская конвенция 2009 г.; вступила в силу в 2012 г.).

В литературе Протокол 2006 г. обычно называется «одним из первых» международных договоров по внутреннему перемещению, тогда как Кампальская конвенция 2009 г. однозначно обозначается как первый международный договор, охвативший целый континент в рассматриваемом отношении. Изыскания автора этих строк свидетельствуют о том, что Протокол 2006 г. является не одним из первых, а самым первым международным договором по внутреннему перемещению. Этот вывод был подтвержден также помощниками Специального докладчика по правам человека лиц, перемещенных внутри страны, на консултациях в Женеве (Швейцария) в 2011 году.

Протокол 2006 г. интересен с нескольких позиций.

Во-первых, этот документ является одним из элементов комплексного подхода к региональному примирению и прогрессу, что увеличивает шансы достижения долгосрочных решений. Протокол является одним из десяти приложений к Пакту⁷, объединенных в четыре опоры, создающие комплексные основы долгосрочности мира в регионе (хотя проблемы и не решены до настоящего времени).

Во-вторых, Протокол 2006 г. стал «уникальной моделью правотворчества в международном праве»⁸, поскольку он обязывает имплементировать Руководящие

⁷ См. подробнее: The Great Lakes Pact and the Rights of Displaced People: A Guide for Civil Society. Internal Displacement Monitoring Centre and International Refugee Rights Initiative, September 2008.

⁸ Menon N. Protocol on the Protection and Assistance to Internally Displaced Persons. URL: <http://www.lse.ac.uk/collections/law/projects/greatlakes/Session%201%20Documentation.pdf> (последнее посещение 1 февраля 2011 г.). P. 1.

принципы в законодательство государств-участников, преобразуя тем самым «мягкое право» в юридические обязательства (п. 3 ст. 6 Протокола). В этой связи можно упомянуть широкомасштабную работу, развернутую Кенией⁹.

В-третьих, согласно п. 2 ст. 6 Протокола 2006 г. государства-участники принимают Пояснения к Руководящим принципам в качестве источника толкования Руководящих принципов как части Протокола 2006 г.¹⁰

Поскольку Протокол 2006 г. подразумевает огромный объем работы, который соответствующие государства должны осуществлять на внутригосударственном уровне, сбор и систематизация данных об имплементации являются чрезвычайно востребованными. На практике же государства субрегиона не обладают кадровым и финансовым потенциалом для агрегирования соответствующих данных, а международные межправительственные организации, действующие в этих странах, не имеют подобного рода мандатов. В этих условиях представляется чрезвычайно важным продолжение исследований по дальнейшему раскрытию как значения и содержания Пакта 2006 г., так и мер по его имплементации, что сделает возможным формулирование обоснованных выводов о степени эффективности избранной составителями Пакта 2006 г. модели правового регулирования решения проблем внутреннего перемещения.

⁹ Beyani C. Report of the Special Rapporteur on the human rights of internally displaced persons. 20 December 2010. A/HRC/16/43. П. 45 и 58.

¹⁰ Текст Протокола см.: URL: <http://www.refworld.org/pdfid/52384fe44.pdf> (дата обращения: 2014-11-23).

СОТРУДНИЧЕСТВО ГОСУДАРСТВ В ОБЛАСТИ УМЕНЬШЕНИЯ ОПАСНОСТИ СТИХИЙНЫХ БЕДСТВИЙ: АФРИКАНСКАЯ СПЕЦИФИКА

*Круглов Дмитрий Андреевич,
аспирант кафедры международного права
Российского университета дружбы народов,
117198, Россия Москва, ул. Миклухо-Маклая д. 6,
dm.a.kruglov@gmail.com*

Число и масштаб стихийных бедствий во всем мире постоянно растут. Глобальные изменения климата в последнее время усиливают эти процессы¹. Африканский континент не менее других регионов нашей планеты подвергается негативному воздействию природных катаклизмов, и эта ситуация, по всей видимости, будет только ухудшаться.

Чаще всего африканские страны сталкиваются с такими видами бедствий, как наводнения и засуха. Такие бедствия могут не только иметь разрушительные последствия, но и породить продолжительные гуманитарные кризисы. Так, например, за период с января 2010 г. по декабрь 2014 г. в различных африканских странах произошло около 350 различных бедствий природного характера, в той или иной степени затронувших более 77 миллионов человек. В результате этих бедствий погибло более 38 тысяч человек, примерно полмиллиона – лишились жилья². Наряду с этим разрушительные стихийные бедствия вынуждают людей переселяться в более безопасные районы. В рассматриваемый период

¹ Подробнее см.: Круглов Д.А. Международно-правовые аспекты использования космических технологий в деле предупреждения и преодоления последствий бедствий // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2014. № 3. С. 262–274.

² См.: The International Disaster Database – EM-DAT. URL: <http://www.emdat.be/database> (дата обращения: 7 декабря 2014 г.).

свыше 112 миллионов жителей африканских стран покинули родные дома, спасаясь от стихии³.

Бедствия, связанные с опасными климатическими явлениями, создают угрозу для продовольственной безопасности местного населения. В качестве примера можно вспомнить сильную засуху в районе Африканского Рога в 2011 г., когда в различных частях Джибути, Кении, Сомали и Эфиопии разразился продовольственный кризис и свыше 12 миллионов человек потребовалась гуманитарная помощь. Болезни и эпидемии таких заболеваний, как малярия, менингит и холера, распространению которых способствуют определенные погодные условия, приводят к массовой гибели людей. Национальные ведомства по чрезвычайным ситуациям и здравоохранению африканских государств далеко не всегда способны самостоятельно справляться с последствиями таких бедствий. Вот почему представляется очень важным развитие международного сотрудничества в области предупреждения бедствий и ликвидации их последствий не только на глобальном, но и на региональном и субрегиональном уровнях.

Различные инициативы, направленные на снижение риска бедствий и усиление потенциала реагирования на них, предпринимаются африканскими государствами как на национальном уровне, так и в рамках существующих межправительственных и неправительственных организаций, экономических и политических объединений.

В 2004 г. в рамках Африканского союза (АС) и Нового партнерства для развития Африки (НЕПАД)⁴ была принята

³ См.: The Internal Displacement Monitoring Centre – IDMC. URL: <http://www.internal-displacement.org> (дата обращения: 7 декабря 2014 г.).

⁴ См.: Диоманде Д.Х., Солнцев А. Новое партнерство в интересах развития Африки (НЕПАД) и защита окружающей среды // Укрепление верховенства права в Республике Молдова в контексте эволюции международной системы и интеграционных процессов: материалы Международной

Африканская региональная стратегия по уменьшению опасности бедствий (далее – Стратегия) и *Программа действий по ее реализации*⁵. Главная цель Стратегии – объединение усилий государств, направленных на достижение устойчивого развития, уменьшение опасности бедствий и искоренение нищеты. Основные задачи Стратегии заключаются в совершенствовании механизмов оценки рисков бедствий, их идентификации на ранней стадии и экстренного реагирования. В Стратегии обращается внимание на технические аспекты снижения опасности бедствий, связанные с распространением информации среди населения, развитием телекоммуникаций и систем оповещения. Следует отметить, что эффективность работы национальных органов власти по распространению информации о бедствиях среди населения может быть сведена к нулю, если язык этих сообщений непонятен представителям малочисленных коренных народов или замкнуто проживающих этнических групп. Тесная кооперация со СМИ может способствовать решению данной проблемы. Совершенствование всего механизма уменьшения опасности бедствий (от раннего прогнозирования до восстановления инфраструктуры) зависит от вовлечения в данный процесс широкого круга участников, что требует от органов государственной власти принятия эффективных законодательных и административных мер.

В целях повышения эффективности реализации вышеуказанной Стратегии в дополнение к Программе действий 2004 г. была разработана *Расширенная программа действий по реализации Африканской региональной стратегии по*

ежегодной конференции молодых ученых. Т. I. 2014 г., Кишинев, 2014. С. 89–95.

⁵ См.: Africa Regional Strategy for Disaster Risk Reduction. URL: <http://www.unisdr.org/we/inform/publications/4038> (дата обращения: 7 декабря 2014 г.).

уменьшению опасности бедствий (2006–2015)⁶. Эта Программа нацелена на сокращение воздействия стихийных бедствий на социальную, экономическую и экологическую безопасность африканских народов и государств.

Меры по уменьшению опасности бедствий предпринимаются и в рамках субрегиональных объединений Африки⁷. В рамках Сообщества развития Юга Африки (САДК) принимаются усилия по реализации не только Африканской региональной стратегии по уменьшению опасности бедствий. После наводнения в ЮАР в 2007 г. в рамках САДК было учреждено специальное подразделение по уменьшению опасности бедствий, также в 2011 г. была разработана *Региональная Платформа по уменьшению опасности бедствий*, предусматривающая создание механизма по раннему выявлению и предупреждению бедствий, оказанию экстренной помощи⁸.

Следует обратить внимание и на деятельность Экономического сообщества стран Западной Африки (ЭКОВАС), в структуре которого в 2003 г. был образован Технический комитет по управлению в случае бедствий. В 2006 г. в рамках ЭКОВАС был принят документ *«Политика ЭКОВАС по уменьшению опасности бедствий»*, в котором были выработаны цели, задачи, принципы, стратегия и приоритетные на-

⁶ См.: Extended Programme of Action for the Implementation of the Africa Regional Strategy for Disaster Risk Reduction (2006–2015). URL: <http://www.unisdr.org/we/inform/publications/19613> (дата обращения: 7 декабря 2014 г.).

⁷ Подробнее см.: Право международных организаций / под ред. А.Х. Абашидзе. М: ЮРАЙТ, 2014. С. 296–316.

⁸ См.: Southern African Development Community (SADC): Disaster Risk Management. URL: <http://www.sadc.int/themes/disaster-risk-management/> (дата обращения: 7 декабря 2014 г.).

правления деятельности государств-членов по уменьшению опасности бедствий⁹.

Деятельность африканских государств, направленная на уменьшение опасности бедствий, в той или иной степени осуществляется и в рамках иных институциональных структур, например, Межправительственного органа по вопросам развития (IGAD) и действующего в рамках этого органа Центра климатического прогнозирования (ICPAC), Африканского центра по применению метеорологии в целях развития (ACMAD), Центра мониторинга засухи САДК (SADC's DMC) и др. Вместе с тем ограниченность финансовых возможностей этих институтов, недостаточное внимание со стороны национальных правительств вопросам развития межгосударственного сотрудничества пока не позволяют говорить о создании эффективного механизма, направленного на уменьшение опасности бедствий. Реализация государствами уже существующих институциональных основ на национальном уровне находится на разных стадиях, в связи с чем механизмы снижения опасности бедствий не обладают достаточным потенциалом.

В мае 2014 г. в Абудже (Нигерия) состоялось 5-е заседание Африканской региональной платформы по уменьшению опасности бедствий¹⁰. В ходе данного мероприятия обсуждались вопросы, связанные со снижением риска бедствий и их предупреждением, укреплением потенциала в сфере реагирования и ликвидации их последствий. Итогом встречи

⁹ См.: ECOWAS Policy for Disaster Risk Reduction. URL: <http://www.unisdr.org/we/inform/publications/4037> (дата обращения: 7 декабря 2014 г.).

¹⁰ См.: 5th Africa Regional Platform for Disaster Risk Reduction. URL: <http://www.preventionweb.net/english/hyogo/regional/platform/afrp/2014/> (дата обращения: 7 декабря 2014 г.).

стало принятие *Декларации министров*¹¹ и *Итогового заявления*¹², содержащего 41 рекомендацию по снижению рисков бедствий на период после 2015 г., когда заканчивается период действия Хиогской рамочной программы действий на 2005–2015 гг., принятой на Всемирной конференции по уменьшению опасности бедствий в 2005 г.¹³

Принятие данных документов вносит существенный вклад в развитие африканского регионального сотрудничества в рассматриваемой области, а проведение подобных форумов играет важную роль для координации усилий, направленных на укрепление безопасности Африканского континента.

В марте 2015 г. в г. Сендай (Япония) состоится Всемирная конференция по сокращению рисков бедствий, на которой, как ожидается, будут рассматриваться результаты предпринятых за последние годы универсальных и региональных инициатив по уменьшению опасности бедствий и будет утверждена новая Рамочная программа действий на период после 2015 г.¹⁴ Представляется, что после проведения этой конференции и принятия соответствующих документов необходимо будет выработать новые или скорректировать существующие программы (стратегии, политики и т.п.), действующие на панафриканском региональном и субрегиональном уровнях.

¹¹ См.: Declaration of the Third African Ministerial Meeting for Disaster Risk Reduction. 16 May 2014. URL: http://www.preventionweb.net/files/37529_5afrpdeclaration.pdf (дата обращения: 7 декабря 2014 г.).

¹² Summary Statement of Africa's Contribution to the Post-2015 Framework for Disaster Risk Reduction. URL: http://www.preventionweb.net/files/37530_5afrpsummarystatementen16mayfinal.pdf (дата обращения: 7 декабря 2014 г.).

¹³ См.: Всемирная конференция по уменьшению опасности бедствий (18–22 января 2005 года, Кобе, Хиого, Япония). URL: <http://www.un.org/ru/events/pastevents/wcdr.shtml> (дата обращения: 7 декабря 2014 г.).

¹⁴ См.: Всемирная конференция по сокращению рисков бедствий 2015 г. состоится в Сендай-Сити. URL: <http://www.un.org/russian/news/> (дата обращения: 7 декабря 2014 г.).

ПОТЕНЦИАЛ АФРИКАНСКОГО СОЮЗА В ПОДДЕРЖАНИИ МЕЖДУНАРОДНОГО МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ НА АФРИКАНСКОМ КОНТИНЕНТЕ¹

*Клюня Алесъ Юрьевич,
аспирант кафедры международного права
Российского университета дружбы народов,
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6,
klunya.alesj@gmail.com*

За последние несколько десятилетий за Африканским континентом прочно утвердилась репутация одного из самых конфликтоопасных регионов нашей планеты, где только за постколониальный период было зафиксировано более 30 вооруженных конфликтов, в ходе которых погибло около 10 млн человек, включая гражданское население, исследование роли региональных международных организаций Африки в дальнейшем развитии концепции «ответственности по защите» представляется на сегодняшний день особенно актуальным.

По словам Постоянного представителя РФ при ООН В.И. Чуркина, особый вклад в предотвращение и урегулирование конфликтов в Африке вносят такие субрегиональные организации, включая Международную конференцию по региону Великих озер, как ЭКОВАС, ИГАД, САДК, Экономическое сообщество государств Центральной Африки².

¹ Статья публикуется в рамках гранта РГНФ (проект № 12-33-01428).

² Выступление Постоянного представителя Российской Федерации при ООН В.И. Чуркина на открытом заседании СБ ООН по проблематике предотвращения конфликтов в Африке. Постоянное представительство Российской Федерации при ООН. 15 апреля 2013 г. URL: http://www.russiaun.ru/ru/news/sc_africa_peace (дата обращения: 20.06.2013).

При этом одной из основных международных региональных организаций, наделённой полномочиями по поддержанию мира и безопасности в Африке, является Африканский союз (далее – АС), в соответствии с учредительным актом³ и Протоколом о создании Совета мира и безопасности⁴ которого он призван предпринимать конкретные шаги для создания всеобъемлющей архитектуры региональной безопасности в качестве одной из предпосылок для поддержания мира на континенте⁵.

Вместе с тем нельзя обойти вниманием тот факт, что Учредительный акт АС, основанный на взаимозависимости его государств-членов, закрепляет право Союза в силу наличия соответствующего решения Ассамблеи глав государств и правительств на прямое (в том числе вооруженное) вмешательство во внутренние дела государства – члена организации в случае совершения актов геноцида, военных преступлений и преступлений против человечества (ст. 4), что является предметом доктринальных споров в современной международно-правовой науке⁶.

³ O'Neal Michael J. Constitutive Act of the African Union. Commentary. 2000. URL: <http://www.milestone-documents.com/documents/view/constitutive-act-of-the-african-union/text>. (дата обращения: 28.06.2013).

⁴ Protocol Relating to the Establishment of the Peace and Security Council of the African Union. 9 July 2002. AU docs. URL: http://www.african-union.org/root/AU/organs/psc/Protocol_peace%20and%20security.pdf (дата обращения: 28.06.2013)

⁵ Vines A. A decade of African Peace and Security Architecture // International Affairs № I. The Royal Institute of International Affairs. Blackwell Publishing Ltd. 2013. P. 97.

⁶ См. напр.: Киоко Бен. Право на вмешательство в соответствии с Учредительным актом Африканского Союза. Международный журнал Красного Креста, № 852. 2003 г. URL: <http://www.icrc.org/rus/assets/files/other/14iprc852kiokorus.pdf> (дата обращения: 28.06.2013); Малеев Ю.Н. Организация Объединенных Наций и применение вооруженной силы государствами. 60 лет ООН. 50 лет Российской ассоциации содействия ООН. М.: Изд-во РУДН, 2006. С. 76.

Положение Учредительного акта АС о праве на вмешательство закреплено также в Протоколе 2002 г. о создании Совета мира и безопасности⁷. В рамках исполнения своих полномочий совет мира и безопасности призван руководствоваться принципами, закреплёнными в Уставе ООН, Учредительном акте АС и Всеобщей декларации прав человека 1948 г. в рамках реализации функций в области поддержания мира, безопасности и стабильности на Африканском континенте, раннего предупреждения конфликтов, а также превентивной дипломатии, миротворчества, посредничества, добрых услуг, примирения и расследования, миротворческих операций, вмешательства согласно ст. 4 (h) и (j) Учредительного акта АС, миростроительства, в т.ч. постконфликтного миростроительства, гуманитарной деятельности, ликвидации чрезвычайных ситуаций и рядом иных функций, которые могут быть определены Ассамблеей АС⁸. Совет состоит из пятнадцати членов, десять из которых избираются на двухлетний срок и пятеро на три года соответственно⁹.

Особая роль в поддержании мира и безопасности на Африканском континенте принадлежит созданной в 2007 г. Коллегии Мудрецов, состоящей из пяти представителей Африканского континента, усилия которой направлены на представление своей позиции по вопросам поддержания между-

⁷ См.: Абашидзе А.Х., Алисиевич Е.С., Солнцев А.М. Региональные системы защиты прав человека / под ред. А.Х. Абашидзе. М, 2012. С. 195.

⁸ Protocol Relating to the Establishment of the Peace and Security Council of the African Union. 9 July 2002. AU docs. URL: http://www.africanunion.org/root/AU/organs/psc/Protocol_peace%20and%20security.pdf (дата обращения: 28.06.2013). О более широком контексте, например территориальной целостности государств, см., например: Остроухов Н.В. Территориальная целостность государств и ее обеспечение: теоретико-правовые и международно-правовые изменения // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2013. № 3.

⁹ Sturman K. and Hayatou A., 'The Peace and Security Council of the African Union: from design to reality' // Ulf Engel and João Gomes Porto (eds.). Africa's new Peace and Security Architecture. Farnham: Ashgate, 2010. P. 69.

народного мира. На практике это может повлечь за собой участие одного из членов Коллегии в качестве посредника в урегулировании конфликта¹⁰.

Относительно ещё одного элемента поддержания мира и безопасности на Африканском континенте – Фонда мира в Африке следует отметить, что, будучи созданным ещё в 1993 г. в целях финансирования деятельности, направленной на предотвращение угрозы миру и безопасности, он призван оказывать финансовую поддержку деятельности Совета мира и безопасности, Континентальной системе раннего предупреждения, Африканским силам постоянной готовности и Коллегии мудрецов¹¹. Необходимость создания Фонда была продиктована недостаточностью финансирования АС деятельности по поддержанию мира и безопасности. В настоящее время доход Фонда составляют финансовые ассигнования из регулярного бюджета АС, дополнительные взносы государств – членов Африканского союза, частного сектора и отдельных лиц. Так, в частности, 21 декабря 2012 г. в Аддис-Абебе Посол Российской Федерации в Эфиопии и Полномочный представитель России при Афросоюзе В.И. Уткин и Комиссар Африканского союза по вопросам мира и безопасности Р. Ламапра подписали Соглашение о внесении Российской Федерацией взноса в размере 2 млн дол. США в Фонд мира Афросоюза¹².

¹⁰ См.: Murithi T., Mwaura Ch. The Panel of the Wise. Africa's new Peace and Security Architecture / ed. by U. Engel, G. Porto. Ashgate Publishing Ltd. England, Farnham, 2010. P. 85.

¹¹ Fisher L.M. Composite authors. African Peace and Security Architecture. Report, commissioned by African Union's Peace and Security Department and was Subsequently Adopted by the Third Meeting of the Chief Executives and Senior Officials of the AU, RECs and RMs on the Implementation of the MoU on Cooperation in the Area of Peace and Security, held from 4–10 November, 2010, Zanzibar, Tanzania. AU Docs. P. 59.

¹² О взносе Российской Федерации в Фонд мира Африканского союза. Сообщение МИД РФ № 2448-24-12-2012 от 24 декабря 2012 г. URL:

Одним из пяти столпов африканской архитектуры поддержания мира и безопасности является также Континентальная система раннего предупреждения, уполномоченная в сотрудничестве с ООН, ее учреждениями, другими международными межправительственными организациями, научно-исследовательскими центрами, научными учреждениями и неправительственными организациями предоставлять информацию Совету мира и безопасности о конфликтах, потенциально способных представлять угрозу миру и безопасности в Африке¹³.

Используя информацию из открытых источников и формируя отчёты на базе программного обеспечения, адаптированного под Европейскую систему раннего предупреждения, Континентальная система раннего предупреждения, выявляет конфликтоопасные регионы Африканского континента, сведения о которых после передачи Совету мира и безопасности и принятия им соответствующего решения, являются основным ориентиром для развёртывания Африканских сил постоянной готовности¹⁴.

В целях поддержания международного мира и безопасности на Африканском континенте были созданы Африканские силы постоянной готовности, представляющие собой международные африканские континентальные вооружённые силы, в состав которых входят как военные, так и полицейские и гражданские силы африканских государств,

http://www.mid.ru/BDOMP/brp_4.nsf/sps/4F4522981006F80344257ADE004001C5 (дата обращения: 11.08.2013).

¹³ Smith C.N. *Anticipating African conflicts: a capability assessment of the African Union and its continental early warning system*. VDM Verlag. University of Oslo. 2005. P. 25.

¹⁴ Wane El-G., Mwaura C., Hailu S., Kopfmüller S., Bond D., Engel U., Porto J.G., *The Continental Early Warning System: methodology and approach* // Engel and Gomes Porto (eds.). *Africa's new Peace and Security Architecture*. 2010. P. 109.

действующие под руководством АС¹⁵. Функционирование Африканских сил постоянной готовности основано на региональном делении Африканского континента.

Необходимо особо отметить, что 27 мая 2013 г. главы государств – членов АС на проходящем в Аддис-Абебе саммите организации приняли решение о создании новой структуры – Африканских сил немедленного реагирования в целях их развёртывания в ответ на кризисные ситуации в рамках Африканской региональной архитектуры мира и безопасности¹⁶.

Вместе с тем следует учитывать и тот факт, что вопрос о военном вмешательстве может быть решён исключительно в строгом соответствии с Уставом ООН и решением её Совета Безопасности, в противном случае такое вмешательство будет являться неправомерным.

Необходимо также обратить внимание на то обстоятельство, что в марте 2005 г. на 7 саммите глав государств и правительств Африканского союза, был одобрен доклад, получивший название «Эзулвинийского консенсуса»¹⁷, прямо закрепивший положение о том, что, поскольку ГА ООН и СБ ООН зачастую далеки от мест конфликтов и, возможно, не в состоянии иметь достаточное представление о характере и развитии конфликтных ситуаций, крайне важно, чтобы региональные организации, находящиеся вблизи конфликтов, были наделены правом принимать меры в этом отношении.

¹⁵ См.: Burgess S. The African Standby Force, Subregional Commands, and African Militaries. U.S. Air War College. 2010. P. 1.

¹⁶ AUC Chairperson Nkosazana Dlamini Zuma. Report of the Chairperson of the Commission on the Operationalization of the Rapid Deployment Capability of the African Standby Force and the establishment of an “African Capacity for Immediate Response to Crises. AU Docs. Addis Ababa, Ethiopia. 2013.

¹⁷ The Common African Position on the Proposed Reform of the United Nations: “The Ezulwini Consensus”, Executive Council, 7th Extraordinary Session, 7–8 March 2005, Addis Ababa, Ethiopia, Ext/EX.CL/2 (VII). 2005. AU Doc.

Африканский союз согласен с Группой¹⁸, что вмешательство региональных организаций должно осуществляться с санкции Совета Безопасности ООН; при этом в определенных ситуациях, такое право может быть предоставлено организациям «постфактум» в обстоятельствах, требующих принятия срочных мер.

Учредительный акт Африканского союза и Эзулвийский консенсус являются основой для поддержания международного мира и безопасности в Африке, отражая приверженность Африканского Союза защите гражданского населения от серьезных преступлений, вызывающих озабоченность всего международного сообщества.

¹⁸ В данном случае речь идёт о Группе высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам, под эгидой которой был принят доклад «Более безопасный мир: наша общая ответственность». A/59/565 от 02 декабря 2004. URL: <http://www.un.org/russian/secureworld/a59-565.pdf> (дата обращения: 03.12.2012).

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ОСНОВНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА АФРИКАНСКОЙ ОБЩЕРЕГИОНАЛЬНОЙ ПРАВООЩИТНОЙ СИСТЕМОЙ

*Ручка Олег Анатольевич,
соискатель кафедры международного права
юридического факультета
Российского университета дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6*

К числу социально-экономических прав, закрепленных в Африканской хартии прав человека и народов 1981 г. (далее – Африканская хартия 1981 г.)¹, относятся право на собственность, право на работу, право на здоровье, право на образование. Африканская комиссия по правам человека и народов (далее – Африканская комиссия) в своей практической деятельности к данной категории прав относит также право на жилище и право на питание, прямо не закрепленные в Африканской хартии 1981 г. В дальнейшем наш анализ будет посвящен, прежде всего, именно этим правам.

В ст. 14 Африканской хартии 1981 г. «гарантируется право на собственность». И хотя данное право является одним из первых прав человека и признается основополагающим, применимость данного права в африканских условиях вызывала сомнения из-за якобы имеющейся связи этого права с личными имущественными привилегиями, связанными с колониальным и неоколониальным прошлым африканских государств, запутанностью имущественных отношений, вызванной реализацией земельной реформы и получением земельных наделов беднейшими слоями африканского населе-

¹ Human Rights Law Journal. 1990. Vol. 11. № 3–4.

ния в условиях независимости, а также традиционным порядком наследования земли в африканских обществах².

Главной проблемой среди перечисленных является недостаточная проработанность принципов, которые должны лежать в основе осуществления земельной реформы и перераспределения земли. Прояснению данного вопроса мешает наличие оговорки, содержащейся в ст. 14 Африканской хартии 1981 г., в которой допускается отмена гарантии права на собственность «в случае общественной необходимости или в интересах всего общества и согласно положениям соответствующих законов». По оценке нигерийского ученого-правоведа Чиди Одинкалу, данное положение является «самой серьезной оговоркой в Хартии, имеющей далеко идущие последствия». Наличие данной оговорки, по мнению ученого, позволяет государству нарушать имущественные права граждан без надлежащего уведомления и компенсации и без права обжаловать действия государства в суде³.

В контексте сказанного чрезвычайно важной является позиция Африканской комиссии, по мнению которой политика государства в области реализации земельной реформы и земельное законодательство государств не могут рассматриваться в качестве законных в том случае, если они не соответствуют международным нормам в области прав человека. В связи с этим Африканская комиссия толкует содержащиеся в Африканской хартии 1981 г. оговорки очень ограниченно, а именно: имеющиеся в национальных законодательных актах ограничения могут быть признаны действующими лишь в том случае, если они носят пропорциональный характер, не-

² См.: Oloka-Onyango J. Beyond the rhetoric: Reinvigorating the struggle for economic, social and cultural rights in Africa // California Western International Law Journal. 1995. Vol. 26. P. 1–71.

³ См.: Odinkalu C.A. Implementing economic, social and cultural rights under the African Charter on Human and Peoples' Rights // Evans M., Murray R. (eds.) The African Charter on Human and Peoples' Rights: The system in practice, 1986–2000. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 191.

обходимы и приемлемы в демократическом обществе, а также не противоречат конституционным и международным правовым нормам⁴. Применяя этот подход при рассмотрении дела *Media Rights Agenda & Others v. Nigeria*, Африканская комиссия постановила, что принятые военным правительством Нигерии решения, санкционировавшие закрытие редакций двух нигерийских периодических журналов и конфискацию тиража этих журналов, представляли собой нарушение прав собственности⁵.

Африканская комиссия при рассмотрении дел выделила ряд признаков, присущих праву собственности: «право человека иметь свободный доступ к своей собственности»⁶; право обладателей собственности «на беспрепятственное владение, использование и управление своей собственностью»⁷. По её мнению, конфискация собственности, экспроприация или уничтожение земли и домов равносильно нарушению права на собственность; обыск в принадлежащих частному лицу помещениях или захват его собственности без предъявления постановления суда является нарушением права собственности⁸.

Африканская комиссия считает, что на государство возлагается обязанность принимать все необходимые меры для защиты права на собственность. По результатам рассмотрения дела *Африканская ассоциация Малави и другие против правительства Мавритании*, в котором фигурировали жалобы истцов на то, что их собственность была разграблена и впоследствии экспроприрована, Африканская комис-

⁴ См.: Amnesty International & Others v. Sudan. Communications 48/90, 50/91, 52/91, (2002) AHRLR 297 (ACHPR 1999). Paras. 79–80.

⁵ См.: Media Rights Agenda & Others v. Nigeria (2000) AHRLR 200 (ACHPR 1998). Para. 77.

⁶ Там же. Para. 77.

⁷ См.: Huri-Laws v. Nigeria Communication 225/98, (2000) AHRLR 273 (ACHPR 2000). Para. 52.

⁸ Там же. Paras. 52–53.

сия заключила, что Мавритания несет ответственность по обеспечению права на собственность, в частности путем проведения надлежащего расследования обстоятельств дела в отношении нарушителей данного права и их преследованию в судебном порядке⁹.

Относительно права на труд следует процитировать положение ст. 15 Африканской хартии 1981 г.: «Каждый человек имеет право на труд в справедливых и удовлетворительных условиях и получать равную плату за равный труд». Специалисты сомневаются в том, обязано ли государство, согласно данной статье, предоставлять своим гражданам работу¹⁰. Сомнения возникают несмотря на тот факт, что Африканская комиссия требует от африканских государств не только обеспечивать защиту и соблюдение данного права, но также и способствовать его реализации на практике. В деле *Пануль (от имени Мазу) против Камеруна* Африканская комиссия признала правительство Камеруна виновным в нарушении права на труд в связи с тем, что судье, приговоренному решением военного трибунала к тюремному заключению и впоследствии амнистированному в соответствии с законом об амнистии, было отказано в восстановлении в правах¹¹. В деле *Африканская ассоциация Малави и другие против правительства Мавритании* Африканская комиссия отметила, что осуществление права на труд необходимо для обеспечения существования, достойного человеческой личности. Соответственно, по мнению Африканской комиссии, неполучение работником платы за свой труд является нарушением права на уважение человеческой личности и может быть

⁹ См.: Malawi African Association & Others v. Mauritania // Communications 54/91, 61/91, 98/93, 164-196/97, 210/98, (2000) AHRLR 149 (ACHPR 2000), (“Mauritanian Case”). Paras. 119–120.

¹⁰ См.: Umozurike U. The African Charter on Human and Peoples’ Rights // The Hague: Martinus Nijhoff Publishers, 1997. P. 46.

¹¹ См.: Pagnouille (On behalf of Mazou) v. Cameroon // Communication 39/90, (2000) AHRLR 57 (ACHPR 1997). Para. 29.

приравнено к рабовладельческой практике со стороны работодателя¹². В связи с этим следует обратить внимание на требования Африканской комиссии к государствам, нашедшие закрепление в Основных положениях по предоставлению периодических национальных докладов (были разработаны Африканской комиссией в 1989 г., в 1998 г. была принята новая редакция). Эти требования касаются сообщения государствами о законодательных и административных мерах, о коллективных трудовых договорах, решениях судов и других актов, относящихся как к сфере защиты права на труд, так и к обеспечению практической реализации данного права. В Основных положениях также содержится требование к государствам предоставлять отчетность по реализации прав, которые можно рассматривать как права, смежные с правом на труд, но которые не признаны прямым образом в Африканской хартии 1981 г.¹³ В частности, от государств требуется включать в отчетность материалы, связанные с реализацией прав, касающихся обеспечения равных возможностей для продвижения по службе и карьерного роста, права на отдых, досуг, на ограничение рабочей недели и оплату работы в выходные и праздничные дни, права профсоюзов и др.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что Африканская комиссия рассматривает право на труд в весьма широком контексте, охватывая другие смежные, связанные с трудом права.

Право человека на здоровье нашло закрепление в ст. 16 Африканской хартии 1981 г. в следующей формулировке: «каждый человек имеет право на максимально возможный уровень физического и психического здоровья». Данное по-

¹² См.: Malawi African Association & Others v. Mauritania // Communications 54/91, 61/91, 98/93, 164-196/97, 210/98, (2000) AHRLR 149 (ACHPR 2000), (“Mauritanian Case”). Para. 135.

¹³ Текст Основных положений по предоставлению периодических национальных докладов см.: Heyns C. (ed.) Human rights law in Africa series. Vol. 1. Leiden: Martinus Nijhoff Publishers, 2004. P. 507–524.

ложение, по мнению специалистов, означает, что здоровье человека зависит от многих факторов, включая такие факторы, как условия жизни и социально-экономические условия¹⁴.

Право на здоровье в том виде, в каком оно сформулировано в Африканской хартии 1981 г., включает в себя как право на получение медицинского обслуживания, так и право на жизнь в условиях, обеспечивающих нормальное состояние здоровья. Именно в таком контексте понимается аналогичная ст. 12 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, что отражено в Замечании общего порядка № 14 Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам. Что касается конкретных мер, то согласно п. 2 ст. 16 Африканской хартии 1981 г. государства-участники принимают «необходимые меры для защиты своих народов и обеспечивают предоставление им медицинской помощи в случае болезни». В деле *Пурухит и Мур против Гамбии* Африканская комиссия вынесла решение, согласно которому право на здоровье включает в себя «право на пользование медицинскими лечебными заведениями, получение доступа к лекарствам и услугам без какой-либо дискриминации»¹⁵. Согласно статье 16 Африканской хартии 1981 г. государствами должны быть обеспечены условия, способствующие достижению надлежащего уровня здоровья, как на то было указано в решении Африканской комиссии по «заирскому делу». Африканская комиссия постановила, что неспособность правительства Заира обеспечить население основными жизненно-необходимыми условиями, как то: питьевой водой, электричеством, а также не-

¹⁴ См.: Chirwa D.M. The right to health in international law: Its implications for the obligations of state and non-state actors in ensuring access to essential medicine // South African Journal on Human Rights. 2003. Vol. 19. No 4. P. 541–566.

¹⁵ См.: UN Doc. E/C.12/2000/4 (2000). Para. 80.

хватка медикаментов равносильны нарушению права человека на здоровье¹⁶. Аналогичным образом, при рассмотрении иска к правительству Мавритании Африканская комиссия заключила, что правительство Мавритании несет ответственность за нарушение права на здоровье по причине неспособности обеспечить население страны достаточным объемом жизненно важных продуктов питания, удовлетворительными санитарно-гигиеническими условиями проживания, а также из-за отказа выдать одеяла заключенным¹⁷.

Как в деле по иску к правительству Мавритании, так и по иску к правительству Заира, Африканская комиссия вынесла решения о нарушении позитивных обязательств по реализации права на здоровье. Однако Африканская комиссия оставила без ответа вопрос о критериях, по которым можно было бы судить о том, нарушило ли государство свои обязательства. Возможно, такой позиции Африканской комиссии есть свое объяснение: государства не оспаривали поданные против них иски. Африканская комиссия отдельно выделила проблему обеспечения права на здоровье в условиях тюремного заключения¹⁸. По мнению Африканской комиссии, в случае если состояние здоровья заключенного ухудшается или находится под угрозой, и ему отказано в медицинской помощи и консультации врачей, то имеет место нарушение со стороны государства своих обязательств по обеспечению права человека на здоровье¹⁹. В деле *Пухорит и Мур против Гамбии* Африканская комиссия постановила, что правительство Гамбии несет всю полноту ответственности за нарушение, помимо всего прочего, права на здоровье из-за отказа от внесения необходимых изменений в устаревшие нормы За-

¹⁶ См.: UN Doc. E/C.12/2000/4 (2000). Para. 47.

¹⁷ Там же. Para. 122.

¹⁸ См.: *International Pen & Others (on behalf of Saro-Wiwa) v. Nigeria // Communications 137/94, 139/94, 154/96 & 161/97, (2000) AHRLR 212 (ACHPR 1998) ("Saro-Wiwa Case")*. Para. 112.

¹⁹ Там же. Para. 122.

кона о принудительном лечении душевнобольных, вследствие чего не были реализованы соответствующие программы и не были выделены необходимые средства для лечения лиц с психическими расстройствами²⁰.

Согласно п. 1 ст. 17 Африканской хартии 1981 г. «каждый человек имеет право на образование». Согласно этой же статье каждый человек может свободно принимать участие в культурной жизни своего общества. В ст. 17 также закреплена обязанность государства по развитию и охране признанных обществом моральных и традиционных ценностей. В отличие от Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах в Африканской хартии 1981 г. право на образование сформулировано столь лаконично, что не совсем понятно, что же оно в реальности подразумевает. В частности, возникает вопрос: подразумевает ли ст. 17 Африканской хартии 1981 г. обязанность государства вводить всеобщее бесплатное начальное образование?

В Основных положениях о периодических национальных докладах допускается широкое толкование права на образование. От государств требуется предоставлять подробные сведения о принятых в этой области мерах, в том числе по реализации программ введения обязательного бесплатного начального образования, о шагах, направленных на обеспечение доступности среднего и специального и высшего образования, а также программ по ликвидации безграмотности среди взрослого населения²¹. Африканская комиссия постоянно подчеркивает, что образование должно быть доступно для уязвимых групп населения, как то: женщины, дети,

²⁰ См.: *International Pen & Others (on behalf of Saro-Wiwa) v. Nigeria // Communications 137/94, 139/94, 154/96 & 161/97, (2000) AHRLR 212 (ACHPR 1998) ("Saro-Wiwa Case")*. Paras. 79–85.

²¹ Там же. Paras. 11, 46–57.

беженцы, перемещенные лица, жертвы вооруженных конфликтов и др.²²

В деле по иску к правительству Заира Африканская комиссия вынесла решение о том, что неспособность государства обеспечить доступ людей к образовательным учреждениям может быть приравнена к нарушению права на образование. Африканская комиссия постановила, что Заир нарушил это право, поскольку в стране на два года были закрыты университеты и средние образовательные учреждения²³.

Несмотря на то что Африканская комиссия внесла очень существенный вклад в дело признания неделимости всех прав человека, тем не менее она была подвергнута критике за то, что прямо не признает некоторые из основополагающих прав, такие как право на социальное обеспечение, нормальные жилищные условия, достаточное питание²⁴. Такая критика не имеет под собой почву. В деле *Центр по защите социально-экономических прав против Нигерии* Африканская комиссия пришла к выводу, что Нигерия нарушила право на жилье и питание, несмотря на то что эти права не были прописаны в Африканской хартии 1981 г. По мнению членов Африканской комиссии, право на жилье уже изначально заложено в праве на собственность и праве на защиту семьи, а также в праве на максимально возможный уровень физического и психического здоровья²⁵. Соответствующая позиция Африканской комиссии находит отражение и в других делах, затрагивающих право на жизнь, право на макси-

²² См.: Resolution on Human and Peoples' Right Education (14th Session, 1–10 December 1993). Para. 1 // Heyns C. (ed.) Human rights law in Africa series. Vol. 1. Leiden: Martinus Nijhoff Publishers, 2004. P. 531-532.

²³ Там же. Paras. 4, 48.

²⁴ См.: Oloka-Onyango J. Beyond the rhetoric: Reinvigorating the struggle for economic, social and cultural rights in Africa // California Western International Law Journal. 1995. Vol. 26. P. 51.

²⁵ Там же. P. 60.

мально возможный уровень физического и психического здоровья и права на экономическое, социальное и культурное развитие²⁶.

Следует отметить, что позиция Африканской комиссии относительно того, что некоторые прямо не прописанные в Африканской хартии 1981 г. права все же в ней подразумеваются, основывается на Замечании общего порядка № 4 Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам²⁷. Напомним, что относительно права на нормальные условия проживания, Комитет постановил, что право на кров шире, чем положение о праве человека иметь крышу над головой. Африканская комиссия дополнила, что это право направлено на защиту «права на автономное, независимое существование человека и его право жить в мире, независимо от того, есть ли при этом у человека крыша над головой или нет». К этой группе прав человека Африканская комиссия отнесла также право человека не быть изгнанным из своего дома, то есть быть выгнанным на улицу²⁸. В отношении права на питание Африканская комиссия считает, что это право очень тесно связано с правом на человеческое достоинство и поэтому является одним из основных прав, дающих возможность пользоваться всеми другими правами человека. В рамках реализации этого права на государство возлагается обязанность обеспечивать население продуктами питания, что предполагает свободный доступ населения к приемлемым по качеству продуктам питания. Согласно этому праву государству запрещено, и, кроме того, оно обязано препятствовать третьей стороне уничтожать или загрязнять источники полу-

²⁶ См.: Oloka-Onyango J. Beyond the rhetoric: Reinvigorating the struggle for economic, social and cultural rights in Africa // California Western International Law Journal. 1995. Vol. 26. P. 64.

²⁷ См.: UN Doc. E/1992/23, annex 111 at 114 (1991). Para. 8(b).

²⁸ The Social and Economic Rights Action Centre and the Centre for Economic and Social Rights v. Nigeria // Communication 155/96 (“SERAC Case”), Ref. ACHPR/COMM/A044/1. 27 May 2002. Para. 61.

чения продуктов питания. Основываясь на этой позиции, Африканская комиссия в деле *Центр по применению социально-экономических прав и Центр для экономических и социальных прав против правительства Нигерии* постановила, что, разрушив дома мирных жителей и разорив целые деревни – места постоянного проживания коренной народности огони, а также притесняя, преследуя тех, кто пытался восстановить утраченное жилище своими силами, Нигерия нарушила право на жилье. Африканская комиссия заключила, что своими действиями, направленными на уничтожение источников пропитания местного населения, а также в результате бездействия и попустительства нефтяным компаниям в их действиях по уничтожению аграрной инфраструктуры района и чиня препятствия коренному народу в его попытках прокормиться тем, чем может, – правительство Нигерии нарушила право человека на питание²⁹.

Приведенные выше позиции Африканской комиссии имеют особую важность. И не только потому, что они касаются целого ряда социально-экономических прав, и в рамках указанного дела эта группа прав была рассмотрена подробно, но и потому, что решение по данному делу имеет прецедентный характер, означающий, что права человека, прямо не упомянутые в Африканской хартии 1981 г., могут быть признаны в качестве прав при комплексном толковании положений Африканской хартии 1981 г. Основываясь на ст. 60 Африканской хартии 1981 г., согласно которой Африканская комиссия в своей деятельности при толковании положений Африканской хартии опирается на международное право по вопросам прав человека и народов, а также на ст. 7 Протокола Африканского суда, согласно которой он может применять положения Африканской хартии и положения «различ-

²⁹ The Social and Economic Rights Action Centre and the Centre for Economic and Social Rights v. Nigeria // Communication 155/96 (“SERAC Case”), Ref. ACHPR/COMM/A044/1. 27 May 2002. Para. 65.

ных документов, ратифицированных государствами – участниками Хартии», можно заключить, что существует возможность обеспечивать применение любого социально-экономического права, на которое прямо не указано в Африканской хартии прав человека и народов 1981 г. И такое мнение разделяется многими специалистами в области прав человека³⁰.

³⁰ См.: Langford M. Litigating economic, social and cultural rights: Achievements, challenges and strategies. Geneva: COHRE, 2003. P. 119.

ВКЛАД 24-го СОВЕЩАНИЯ ПРЕДСЕДАТЕЛЕЙ ДОГОВОРНЫХ ОРГАНОВ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В РАЗВИТИЕ СОТРУДНИЧЕСТВА УНИВЕРСАЛЬНЫХ И АФРИКАНСКИХ МЕХАНИЗМОВ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА¹

*Конева Александра Евгеньевна,
ассистент кафедры международного права
Российского университета дружбы народов,
117198, Россия Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6,
aleksandra.koneva@gmail.com*

ООН признает значимую роль, которую играют региональные и субрегиональные правозащитные механизмы в поощрении и защите прав человека². Венская декларация и Программа действий, принятая в рамках Всемирной конференции по правам человека в 1993 г.³, поддержала усилия по созданию, укреплению и повышению эффективности данных механизмов и в то же время подчеркнула важность их сотрудничества с системой ООН по защите прав человека. Это намерение было вновь подтверждено Генеральной Ассамблеей ООН в нескольких ее резолюциях, в которых Генеральному секретарю адресуется просьба продолжить усиление взаимодействия между ООН и региональными межправительственными организациями в вопросах защиты прав человека⁴.

¹ Статья публикуется в рамках гранта РГНФ (проект №12-33-01428).

² Абашидзе А.Х., Клишас А.А. Защита прав и свобод человека в соответствии с международно-правовыми стандартами в условиях новых реалий глобализирующегося мира // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2013. № 2. С. 251–255.

³ Венская декларация и Программа действий. Принята на Всемирной конференции по правам человека, Вена, 25 июня 1993 г. Док. ООН A/CONF.157/23.

⁴ См. Док. ООН A/RES/32/127 и A/RES/63/170.

К данному вопросу также обращается Совет ООН по правам человека (СПЧ), который в ряде своих резолюций просил Управление Верховного комиссара ООН по правам человека (УВКПЧ) достичь объединения усилий региональных механизмов по защите прав человека⁵ и правозащитных механизмов ООН для обмена мнениями о положительных практиках и извлеченных уроках с целью усиления сотрудничества между ними⁶.

Впоследствии УВКПЧ провело четыре рабочих совещания, по одному в два года (в 2008⁷, 2010⁸, 2012⁹ и 2014 гг.¹⁰), с участием экспертов ООН из договорных органов по правам человека¹¹ и специальных процедур СПЧ; представителей региональных механизмов по правам человека в Африке¹², Европе, Северной и Южной Америке, с Ближнего Востока¹³ и АСЕАН¹⁴; а также национальных пра-

⁵ См.: Абашидзе А.Х., Алисиевич Е.С., Солнцев А.М. Региональные системы защиты прав человека: учеб. пособие / отв. ред. А.Х. Абашидзе. — М.: РУДН, 2012.

⁶ См. Док. ООН A/HRC/RES/6/20, A/HRC/RES/12/15 и A/HRC/RES/24/19.

⁷ Док. ООН A/HRC/11/3.

⁸ Док. ООН A/HRC/15/56.

⁹ Док. ООН A/HRC/23/18.

¹⁰ См. Док. ООН A/HRC/RES/24/19.

¹¹ См.: Конева А., Солнцев А. Юридический статус актов договорных органов по правам человека в национальных правовых системах // Международное правосудие. 2013. № 4 (8) С. 82–93; Абашидзе А.Х., Конева А.Е. Укрепление системы договорных органов по правам человека // Московский журнал международного права. М.: Некоммерческое партнерство «Содействие редакционной деятельности “МЖМП”», 2013. № 4. С. 21–35.

¹² См.: Абашидзе А.Х., Солнцев А.М. Юбилей Африканской Хартии прав человека и народов // Евразийский юридический журнал. М.: Р-Мастер, 2012. № 2. С. 22–25.

¹³ См.: Абашидзе А.Х., Солнцев А.М., Воробьев Д.В. Компетенция Организации исламского сотрудничества в сфере защиты прав человека // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5:

возащитных учреждений (НПЗУ) и неправительственных организаций (НПО).

Помимо вышеуказанных мероприятий инициативы в области взаимодействия универсальной и региональных систем по правам человека предпринимаются на уровне отдельных правозащитных механизмов системы ООН: специальных процедур СПЧ, универсального периодического обзора СПЧ, договорных органов по правам человека, а также УВКПЧ¹⁵.

К числу наиболее значимых из указанных инициатив можно отнести двадцать четвертое совещание председателей договорных органов по правам человека, которое было проведено 25–29 июня 2012 г. в Аддис-Абебе (Эфиопия). Совещание председателей, ежегодно созываемое согласно резолюции 49/178 Генеральной Ассамблеи ООН, во второй раз проводилось вне Женевы после двадцать второго совещания председателей, состоявшегося в Брюсселе в 2010 г. Цели проведения совещаний вне Женевы заключаются в следующем: а) активизация взаимодействия и повышение уровня взаимодополняемости в деятельности международных и региональных занимающихся правозащитной тематикой механизмов, учреждений и заинтересованных сторон; б) повыше-

Юриспруденция. – Волгоград: Волгоградский государственный университет. 2013. № 3. С. 113–119.

¹⁴ См.: Абашидзе А.Х., Солнцев А.М. Институционализация защиты и поощрения прав и свобод человека в Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН): комментарии к Положению о Межправительственной Комиссии по правам человека АСЕАН // Московский журнал международного права. 2010. № 2. С. 187–200.

¹⁵ См. Доклад Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека от 8 апреля 2013 г. Док. ООН A/HRC/23/18. С. 6–7. Одним из последних достижений в сфере активизации сотрудничества универсальных и региональных механизмов по правам человека стало подписание в ноябре 2014 г. Совместной декларации о сотрудничестве между УВКПЧ и Межамериканской комиссией по правам человека. (URL: http://www.ohchr.org/EN/NewsEvents/Pages/InterAmericanCommission.aspx#sth_ash.Mvn2tC9v.dpuf.)

ние степени доступности к договорным органам и известности о них, особенно в рамках встреч с низовыми организациями гражданского общества; и в) расширение осведомленности о деятельности договорных органов посредством информирования участников об их деятельности на национальном уровне.

В рамках совещания председатели рассмотрели вопрос о последующих мерах в связи с рекомендациями по итогам двадцать третьего совещания и провели обзор событий, касающихся работы договорных органов, обсудили доклад Верховного комиссара ООН по правам человека об укреплении договорных органов по вопросам прав человека и одобрили руководящие принципы относительно независимости и беспристрастности членов договорных органов. Более того, председатели встретились с представителями правозащитных механизмов в Африке, включая Африканскую комиссию по правам человека и народов, Африканский комитет экспертов по правам и благосостоянию детей¹⁶, Африканский механизм коллегиального обзора, Африканский суд по правам человека и народов, Восточноафриканский суд и Суд Экономической комиссии западноафриканских государств, а также заинтересованных сторон, в том числе с представителями учреждений ООН, национальных правозащитных учреждений и организаций гражданского общества, для обсуждения вопроса о взаимодополняемости международной и региональной систем защиты прав человека.

Представляется необходимым более подробно остановиться на диалоге председателей договорных органов с аф-

¹⁶ См.: Абашидзе А.Х., Гугунский Д.А., Конева А.Е., Солнцев А.М. Защита прав детей при возникновении споров о воспитании детей между родителями, проживающими на территории разных государств // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2014. № 3. С. 241–249.

риканскими механизмами, учреждениями и заинтересованными субъектами по вопросам прав человека.

Диалог между председателями договорных органов по правам человека и представителями механизмов Африканского союза по правам человека был организован 27 и 28 июня 2012 г. восточно-африканским региональным отделением УВКПЧ в рамках текущих консультаций между международными и региональными механизмами по правам человека. В диалоге приняли участие 10 председателей или заместителей председателей договорных органов и высокопоставленные представители механизмов Африканского союза по правам человека, включая представителей Африканской комиссии по правам человека и народов, Африканского суда по правам человека и народов, Африканского комитета экспертов по правам и благосостоянию детей, Африканского механизма коллегиального обзора, Восточноафриканского суда и Суда Экономического сообщества западноафриканских государств¹⁷. Кроме того, присутствовали несколько представителей учреждений ООН, международных и региональных правительственных организаций, национальных правозащитных учреждений и организаций гражданского общества¹⁸.

В рамках дискуссии было подчеркнуто, что, приняв документы по вопросам прав человека, многие государства Африки продемонстрировали свою готовность поощрять и

¹⁷ См.: Голубев В.В. Суд ЭКОВАС: юрисдикция и правила процедуры // Современные тенденции развития науки в контексте реализации европейской модели: видения молодых ученых: Материалы международной ежегодной конференции молодых ученых. 7-е издание, 30 мая 2013 г., Кишинев. Т. I: Отдел международного права и международных отношений / под ред. А. Буриана, В. Кушнира, В. Бенюк, А. Абашидзе, Ю. Бошицкого, В. Жука, Н. Киртоакэ. – Кишинев: Central Editorial-Poligrafic al USM, 2013. С. 148–153.

¹⁸ Право международных организаций / под ред. А.Х. Абашидзе. М.: ЮРАЙТ, 2014.

защищать права человека. Тем не менее инкорпорация и имплементация этих документов в рамках национального законодательства по-прежнему является проблемой в регионе, и достижению этих целей могло бы способствовать более тесное сотрудничество и координация между международными и региональными механизмами по вопросам прав человека. В ходе совещания упоминались многие мероприятия, направленные на активизацию сотрудничества между механизмами ООН и региональными механизмами по вопросам прав человека, проведенные УВКПЧ и другими структурами, в частности, двухдневное совещание между представителями специальных процедур Совета ООН по правам человека и специальных процедур Африканской комиссии по правам человека и народов, состоявшееся в январе 2012 г. и посвященное вопросу о путях развития сотрудничества и координации в деле поощрения и защиты прав человека в Африке. Задачи рассматриваемого совещания заключались в следующем: выявление общих проблем, возможностей, приоритетов и потребностей договорных органов и договорных органов по правам человека в Африке, включая эффективные пути выполнения их соответствующих рекомендаций; налаживание общих процессов обмена информацией и выработка совместной методологии для систематического отслеживания хода выполнения рекомендаций, сформулированных обеими системами по вопросам прав человека.

В рамках встречи председателей договорных органов и представителей правозащитных механизмов в Африке был проведен круглый стол, посвященный взаимодополняемости договорных органов по правам человека и механизмов по правам человека африканской системы, включая совместные стратегии, направленные на содействие реализации их соответствующих рекомендаций. Участники обсудили возможность изучения будущих направлений активизации сотрудничества и взаимодействия, включая совместные миссии, заявления для печати и учебные программы, а также обмен

информацией и передовыми наработками. Институционализированное партнерство между Комитетом по правам ребенка и Африканским комитетом экспертов по правам и благосостоянию детей является одним из примеров, который лег в основу общих действий. Были высказаны конкретные предложения по активизации взаимодействия между обеими системами, такие как совместные информационно-пропагандистские усилия, направленные на содействие ратификации договоров и факультативных протоколов по правам человека в рамках обеих систем и своевременное представление докладов соответствующим контрольным органам в контексте совместных мероприятий по расширению осведомленности; выпуск совместных заявлений по вопросам, вызывающим общую озабоченность, в том числе в контексте международных или региональных дней, посвященных правозащитной тематике; вовлечение африканских механизмов по правам человека в процесс разработки общих замечаний по вопросам, вызывающим общую озабоченность.

Участники также обсудили возможность того, чтобы доклады государств-участников, представленные договорным органам, могли использоваться африканскими механизмами по правам человека и чтобы страновые доклады, составляемые секретариатами договорных органов для рассмотрения докладов государств-участников, могли использоваться, в случае необходимости, африканскими региональными механизмами.

Председатели подчеркнули необходимость того, чтобы обе системы обменивались информацией и использовали в отношениях друг с другом экспертный потенциал и разработанные материалы. Например, что касается страновых визитов, то договорные органы могли бы использовать выводы Африканской комиссии по правам человека и народов и Африканского механизма коллегиального обзора. Рекомендации договорных органов в отношении конкретных стран также могли бы дополнять работу африканских механизмов по

правам человека. Было высказано мнение, что одним из приоритетных направлений является распространение в рамках обеих систем соответствующих выводов.

Участники проанализировали вопрос о путях и средствах более активного применения договорными органами положений региональных документов, стратегий и планов действий, об их влиянии на процесс рассмотрения докладов государств-участников из региона, а также вопрос об использовании перекрестных ссылок на свои рекомендации, включая, в случае необходимости, отсылки или критерии в своих соответствующих заключительных соображениях и других подготовленных материалах. Все участники подчеркнули необходимость активизации сотрудничества между обеими системами для обеспечения взаимного контроля за выполнением вынесенных страновых рекомендаций, в том числе посредством обмена передовыми наработками и организации совместных практикумов.

Была признана чрезвычайно важная роль национальных правозащитных учреждений и организаций гражданского общества, действующих в рамках обеих систем; в равной степени было поддержано их участие в деятельности договорных органов и африканских механизмов по правам человека.

Помимо круглого стола, посвященного взаимодополняемости договорных органов по правам человека и механизмов по правам человека африканской системы, состоялась дискуссия, посвященная рассмотрению индивидуальных жалоб договорными органами по правам человека и региональными и субрегиональными правозащитными механизмами. В число обсуждавшихся вопросов входили: вопрос о том, как обеспечить, чтобы судебная практика Африканского суда по правам человека и народов, Африканского комитета экспертов по правам и благосостоянию детей, Африканской комиссии по правам человека и народов и субрегиональных судов согласовывалась с практикой договорных органов по

правам человека; вопрос о том, как выявлять примеры расхождений в судебной практике органов; и вопрос о том, как осуществлять обмен опытом.

Представители субрегиональных судов выразили свою признательность за то, что они впервые были приглашены на совещание. Участники особо подчеркнули незначительность числа дел, рассматриваемых региональными и субрегиональными судами, а также тот факт, что апелляции на решения судов государствами на юрисдикционных основаниях подрывают эффективность судебной деятельности. Кроме того, было подчеркнуто важное значение согласования судебной практики договорных органов и африканских механизмов по правам человека. Участники высказали идею о возможности создания форума для региональных и международных судов, с тем чтобы они могли на регулярной основе собираться для обсуждения тематических вопросов, и указали на необходимость проведения на регулярной основе консультаций и укрепления потенциала, в частности, применительно к созданным в более недавнее время субрегиональным судам.

В ходе обсуждения подчеркивалась необходимость того, чтобы договорные органы, Комиссия, Суд, Африканский комитет экспертов и субрегиональные суды анализировали материалы своей судебной практики на предмет обеспечения согласованности и предотвращения фрагментации международных стандартов в области прав человека. Кроме того, в этой связи рекомендовалось проводить совместные учебные мероприятия и судебные коллоквиумы.

По итогам проведенных мероприятий участники диалога приняли ряд рекомендаций, направленных на укрепление сотрудничества¹⁹. В частности, в связи с процедурой

¹⁹ Доклад председателей договорных органов по правам человека о работе их двадцать четвертого совещания от 2 августа 2012 г. Док. ООН A/67/222. С. 20–23.

представления докладов было рекомендовано проводить обмен информацией задолго до начала сессий договорных органов, а также систематические обмены информацией между страновыми координаторами и страновыми докладчиками обеих систем, включая обмен соответствующими заключительными замечаниями по странам и данными о состоянии дел в области осуществления; применение перекрестных ссылок на рекомендации друг друга; и взаимное принятие дальнейших мер по выполнению страновых рекомендаций. В отношении индивидуальных сообщений были рекомендованы регулярные контакты на уровне секретариатов для обеспечения обмена информацией по вопросам, касающимся процедуры, юридической практики и методов работы. Была также дана рекомендация о том, чтобы учитывать соответствующую юридическую практику и ссылаться на нее.

Таким образом, 24-е совещание председателей договорных органов по правам человека, проведенное в Аддис-Абебе, в особенности диалог председателей договорных органов с африканскими правозащитными механизмами, представляет собой важную веху на пути активизации сотрудничества универсальных и региональных механизмов по правам человека в целях формирования глобального видения в отношении поощрения и защиты прав человека. Данное мероприятие внесло весомый вклад в дело повышения доступности и практичности договорных органов по правам человека и африканских механизмов по защите прав человека для всех заинтересованных сторон, участвующих в имплементационном процессе, а также расширения осведомленности об их работе, что в конечном счете позволит поднять уровень защиты прав отдельных лиц или групп лиц.

ПОДНЕВОЛЬНЫЙ БРАК – НАРУШЕНИЕ ПРАВ ЖЕНЩИН В АФРИКЕ

*Самаке Ава,
аспирант кафедры международного права
Российского университета дружбы народов,
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая д. 6,
avabrahim@mail.ru*

Генеральная Ассамблея в своей резолюции 843 (IX) объявила, что некоторые обычаи, давние законы и порядки, касающиеся брака и семьи, не согласуются с принципами, изложенными в Уставе ООН и Всеобщей декларации прав человека¹. В своей резолюции 66/140 Генеральная Ассамблея ООН вновь призвала положить конец таким вредным традициям и обычаям, как детские и принудительные браки, и призвала государства принять соответствующие меры для устранения коренных причин детских и принудительных браков, включая проведение просветительской деятельности в целях повышения уровня осведомленности относительно негативных аспектов такой практики. Она настоятельно призвала все государства принять и строго применять законы, призванные обеспечить, чтобы вступление в брак происходило лишь на основе свободного и полного согласия будущих супругов, и, кроме того, принять и строго применять законы, касающиеся установленного законом минимального возраста согласия на вступление в брак и минимального брачного возраста, и, в случае необходимости, повысить минимальный брачный возраст, а также разработать и проводить в жизнь комплексные стратегии, планы действий и программы для обеспечения выживания, защиты, развития и улучшения положения девочек в целях поощрения и защиты

¹ Об основах защиты женщин от дискриминации см., например: Заколдаева Е.В. Права женщин на защиту от различных форм дискриминации // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2011. № 1.

всестороннего осуществления прав человека девочек и обеспечения для них равных возможностей, в том числе делая подобные планы неотъемлемой частью всего процесса развития девочек².

Генеральная Ассамблея также призвала государства обеспечить, чтобы к усилиям по введению в действие и осуществлению законодательства, направленного на то, чтобы положить конец детским и принудительным бракам, привлекались все заинтересованные стороны и инициаторы перемен, и чтобы информация, касающаяся законодательства о борьбе с этой практикой, была хорошо известна и способствовала мобилизации общественной поддержки для мер по обеспечению соблюдения таких законов и законодательства³. К государствам был обращен настоятельный призыв оказывать поддержку проведению в общинах практикумов и обсуждений, с тем чтобы общины могли совместно изучать пути предотвращения детских и принудительных браков и решения этой проблемы, предоставлять через пользующиеся доверием общины заинтересованные стороны, в том числе медицинский персонал и местных, общинных и религиозных лидеров, информацию о вреде таких браков, предоставлять девочкам более широкие возможности для высказывания своего мнения, обеспечивать последовательность в изложении идей в рамках всей общины, поощрять столь необходимое активное участие мужчин и мальчиков.

Генеральная Ассамблея призвала государства поддерживать и осуществлять, в том числе с помощью специально выделенных ресурсов, многосекторальную политику и программы, которые позволили бы положить конец практике

² Солнцев А.М., Самаке А. Вклад межрегиональных и субрегиональных международных организаций в защиту прав женщин в Африке // Евразийский юридический журнал. М.: Евразийский научно-исследовательский институт проблем права, 2013. № 5. С. 48–51.

³ A/HRC/21/41.

детских и принудительных браков и обеспечить жизнеспособные альтернативы и институциональную поддержку, особенно образовательные возможности для девочек, уделяя основное внимание удержанию девочек в школе после завершения начального образования, включая девочек, которые уже находятся замужем или беременны, обеспечивая физический доступ к образованию, в том числе посредством создания безопасных школ-интернатов, усиления финансового стимулирования семей, содействия расширению прав и возможностей девочек, повышения качества образования и обеспечения безопасных и отвечающих санитарным требованиям условий в школах.

В Дополнительной конвенции об упразднении рабства, работорговли и институтов и обычаев, сходных с рабством, все формы принудительного брака определяются как обычаи, сходные с рабством, низводящие одного из супругов до положения лица, в отношении которого осуществляются некоторые или все правомочия, присущие праву собственности. В международном праве те положения в рамках Конвенции, которые запрещают принудительные и ранние браки, были дополнительно подтверждены. Вместе с тем с годами понимание того, что принудительные и ранние браки являются одной из форм рабства и, следовательно, подневольным браком, стало более расплывчатым.

От подневольных браков страдают как взрослые, так и дети. В соответствии с международным правом прав человека ребенок не может дать осознанное согласие на брак. В данном случае брак считается заключенным по принуждению и подпадает под категорию сходной с рабством практики, определенной в Конвенции. Международное право прав человека, включая Конвенцию, требует установления минимального брачного возраста, при этом в качестве такого возраста рекомендуется 18 лет. Специальный докладчик отмечает, что в некоторых странах минимальный возраст вступления в брак составляет менее 18 лет. Им также было отме-

чено, что в некоторых странах действуют исключения, разрешающие вступление в брак лиц, не достигших предусмотренного для всей страны минимального возраста. Специальным докладчиком был высказан настоятельный призыв в таких ситуациях принимать строгие меры к тому, чтобы права ребенка в результате вступления в брак никоим образом не нарушались.

Те нарушения, которые имеют место в рамках подневольного брака, не могут рассматриваться только как акты насилия в отношении женщин и девочек, поскольку, хотя подавляющее большинство лиц, состоящих в подневольном браке, составляют девочки и женщины, его жертвами оказываются также мальчики и мужчины. В силу гендерных предрасположений мальчикам и мужчинам часто оказывается проще выйти из принудительного брака, проживать в качестве разведенного лица, вступить в повторный брак и обрести контроль над своей жизнью; это, в частности, обусловлено тем, что они, как правило, имеют более высокий уровень образования и могут быть финансово независимыми⁴. Напротив, девочки и женщины являются более уязвимыми и чаще страдают от сексуального и физического насилия. В настоящем документе Специальный докладчик рассматривалось, прежде всего, положение девочек и женщин, оказавшихся в подневольном браке, именно по этим причинам, а также в связи с тем, что намеренно, в силу ошибки или упущения информация о воздействии подневольного брака на мальчиков и мужчин носит крайне ограниченный характер.

С раннего возраста девочки воспитываются и рассматриваются как товар, который будет использован для укрепления семейных связей и сохранения чести в дополнение к финансовым активам и с помощью которого можно улучшить экономическое положение семьи. Такое дискриминационное отношение в семье утверждается в обществе и на

⁴ A/HRC/21/41.

протяжении всей жизни девочки. Участие в этом других женщин в семье и обществе еще более усиливает восприятие женщины как собственности и закрепляет понимание того, что насилие в отношении членов семьи из числа женщин необходимо терпеть, а соответствующие вопросы решать в частном порядке в рамках семьи. С момента вступления в брак к супругу или супруге относятся не как к личности, а как к товару, с учетом того, что его или ее согласия на брак не требуется.

В условиях подневольного брака имеет место и другая сходная с рабством практика, поскольку супруга в конечном итоге обычно становится домашней прислугой⁵ и объектом сексуального рабства (т.е. она подвергается сексуальной эксплуатации в результате использования силы или угрозы силой). И, хотя обычно считается, что сексуальное рабство характерно для периодов конфликта, оно может иметь место в любое время в нарушение Международного билля о правах человека. Национальные суды признают эту концепцию. Жертвы подневольного брака часто не в состоянии бежать, поскольку их семьи и/или общество, в котором они живут, не окажут им поддержки, будь то по экономическим причинам или в силу традиционных, культурных и религиозных убеждений. Вместе с тем такие верования и практика не могут быть использованы для оправдания подневольного брака. Согласно Дополнительной конвенции о рабстве государства-участники должны осуществить полную отмену или упразднение таких сходных с рабством институтов и обычаев, как подневольный брак. Она не допускает никаких исключений, при которых рабство может продолжать свое существование. В ходе развития международного права было подтверждено, что рабство является преступлением против человечности и, таким образом, никакие культурные соображения, традиции

⁵ HRC, 15ème, 24/08/2010 A/HRC/15/20/Add.2, Rapport du Rapporteur spécial sur les formes contemporaines d'esclavage, y compris leurs causes.

или религиозная практика не могут быть использованы для оправдания подневольного брака.

Подтверждение того, что принудительные и ранние браки являются сходной с рабством практикой, имеет важное значение, поскольку оно дает представление о тех нарушениях⁶, которые приходится терпеть жертвам, и формах вмешательства, необходимых для предотвращения подневольных браков, контроля над ними и преследования за них. Кроме того, в программах защиты жертв могут быть специально предусмотрены меры, рассчитанные на поддержку жертв подневольного брака. Благодаря этому с обсуждения прав женщин и девочек можно было перейти к обсуждению вопроса об отмене рабства в общинах.

Рабочей группой утверждалось, что сохранение принудительных и ранних браков является результатом гендерного неравенства и отсутствия как культуры образования для девочек, так и понимания необходимости развития в них чувства самоуважения.

Исследования показали, что подавляющее большинство женщин, состоящих в подневольном браке, были выданы замуж девочками. По данным Детского фонда Организации Объединенных Наций (ЮНИСЕФ), больше всего ранних браков зафиксировано в Нигере, затем следуют Чад, Мали, Гвинея, Центральноафриканская Республика, Мозамбик, Малави и Эфиопия. Девушки и женщины в условиях подневольного брака сталкиваются с одинаковыми нарушениями, и, если не указано иное, упоминаемые в настоящем документе нарушения относятся как к девочкам, так и к женщинам. Вместе с тем девочки в гораздо большей степени подвержены насилию ввиду их низкого уровня физической и эмоциональной зрелости. Дополнительная конвенция о рабстве запрещает любой институт или обычай, в силу которых женщину обещают выдать или выдают замуж без права отказа с

⁶ www.ohchr.org/.../HRCouncil/.../A.HRC.21.41_ru.

ее стороны ее родители, опекун, семья или любое другое лицо или группа лиц за вознаграждение деньгами или натурой; муж женщины, его семья или его клан имеют право передать ее другому лицу за вознаграждение или иным образом; или же женщина по смерти мужа передается по наследству другому лицу.

Конвенция безоговорочно запрещает принудительные ранние браки. В соответствии со ст. 1 государства-участники обязаны отменить любой институт или обычай⁷, в силу которого ребенок или подросток моложе 18 лет передаётся одним или обоими своими родителями или своим опекуном другому лицу, за вознаграждение или без такового, с целью эксплуатации этого ребенка или подростка или его труда⁸.

Для решения вопроса о принудительных и ранних браках в соответствии со статьей 2 Конвенции государства-участники обязаны установить, где надлежит, соответствующий минимальный брачный возраст и поощрять установление порядка, при котором обеспечивается свободное изъявление обеими сторонами согласия на вступление в брак в присутствии компетентного гражданского должностного лица или служителя культа, а также поощрять регистрацию браков.

Это положение было подтверждено в статье 16 (2) Всеобщей декларации прав человека и в Конвенции о согласии на вступление в брак, минимальном брачном возрасте и регистрации браков 1962 г. Статья 2 последней гласит, что государства-участники устанавливают минимальный брачный возраст, который не может быть менее 15 лет согласно не имеющей обязательную силу рекомендации, сопровождающей Конвенцию. Далее она гласит, что не допускается юридического оформления брака с лицом, не достигшим ус-

⁷ The State of the World's Children 2011: Adolescence – An Age of Opportunity.

⁸ A/HRC/21/41 8 GE.12-15169.

тановленного возраста, кроме тех случаев, когда компетентный орган власти в интересах сторон, вступающих в брак, разрешает сделать при наличии серьезных причин исключение из этого правила.

В ст. 23 (2) Международного пакта о гражданских и политических правах за мужчинами и женщинами, достигшими брачного возраста, признается право на вступление в брак и право основывать семью. Статья 23 (3) гласит, что ни один брак не может быть заключен без свободного и полного согласия вступающих в брак.

Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин содержит конкретные положения, касающиеся принудительного брака (ст. 16 (1) b)) и раннего брака (ст. 16 (2)). В соответствии со ст. 5 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин государства-участники принимают все соответствующие меры для изменения социальных и культурных моделей поведения мужчин и женщин с целью достижения искоренения предрассудков и упразднения обычаев и всей прочей практики, которые основаны на идее неполноценности или превосходства одного из полов или стереотипности роли мужчин и женщин.

Статья 21 (2) Африканской хартии прав и основ благосостояния ребенка гласит, что детские браки и обручение девочек и мальчиков запрещаются и принимаются эффективные меры, включая законодательные, для определения минимального брачного возраста в 18 лет. В ст. 6 Протокола 2003 г. к Африканской хартии прав человека и народов о правах женщин в Африке говорится о том, что ни один брак не может быть заключен без свободного и полного согласия обеих сторон, и содержится требование к государствам принять соответствующие национальные законодательные меры с целью гарантировать, чтобы минимальный возраст вступления в брак для женщин составлял 18 лет.

22 февраля 2008 г. по делу *Обвинитель против Бирмы и др.* Специальный суд по Сьерра-Леоне впервые признал насильственный брак в качестве преступления против человечности согласно международному уголовному праву. Суд подтвердил, что в случае принудительного брака преступник или связанное с ним лицо принуждает другое лицо, с помощью силы или угрозы силой, с помощью слов или соответствующего поведения, к супружеской жизни в результате причинения жертве тяжких страданий или серьезного физического или психического ущерба. Суд сделал вывод о том, что насильственный брак может сопровождаться также одним или несколькими международными преступлениями, такими как обращение в рабство, лишение свободы, изнасилование, обращение в сексуальное рабство и похищение. Суд отметил, что преступление принудительного брака не носит исключительно или преимущественно сексуального характера и как таковое полностью не охватывается составом преступления сексуального рабства. Женщины, которые давали свидетельские показания по этому делу, описывали принудительные браки как ряд нарушений, включая похищение, принудительный труд, лишение свободы, телесные наказания, насильственные действия и сексуальное насилие.

В 2005 г. Парламентская ассамблея Совета Европы приняла резолюцию 1468 о принудительных и детских браках. Ассамблея определила принудительный брак как «союз двух лиц, по крайней мере одно из которых не дало полного согласия на брак». Она определила детский брак как «союз двух лиц, по крайней мере одно из которых не достигло 18 лет». Среди прочего она настоятельно призвала национальные парламенты государств – членов Совета Европы определить минимально установленный законом возраст вступления в брак для женщин и мужчин на уровне 18 лет или повысить его до этого уровня, предусмотреть обязательную для каждого брака процедуру объявления и внесения компетентными властями в официальный реестр, а также изучить

возможность рассматривать акты принудительного брака в качестве самостоятельного состава преступления⁹.

В своей общей рекомендации № 21 Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин указывает, что минимальный возраст для вступления в брак должен составлять не менее 18 лет как для мужчин, так и для женщин. Это возрастное ограничение, которое соответствует определению ребенка в Конвенции о правах ребенка, также отражено в ст. 21 Африканской хартии прав и основ благосостояния ребенка.

Сохранение такой вредной практики побудило в последнее время Комитет по ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин и Комитет по правам ребенка приступить к разработке своего первого совместного замечания общего порядка о вредной традиционной практике. Мандатарии специальных процедур, в частности Специальный докладчик по вопросу о насилии в отношении женщин, его причинах и последствиях, предметно рассматривали вопрос о принудительных и ранних браках в дополнение к другим вопросам, имеющим отношение к подневольным бракам, в том числе касающимся убийств в защиту чести и сексуального рабства. В своем докладе о поездке в Сомали Специальный докладчик по вопросу о насилии в отношении женщин сделала вывод о том, что, хотя подневольные браки действительно имеют место, особенно в сельских районах, в силу отсутствия данных невозможно определить масштабы распространенности изнасилований и ранних и/или принудительных браков¹⁰.

⁹ A/HRC/21/41.

¹⁰ A/HRC/20/16/Add.3, пункт 24.

По мнению Специального докладчика по вопросу о традиционной практике, затрагивающей здоровье женщин¹¹ и девочек, практика принудительного брака заслуживает пристального внимания со стороны международного сообщества¹², поскольку ее удастся искоренить лишь тогда, когда женщины будут рассматриваться как полноправные участницы социальной, экономической, культурной и политической жизни.

В настоящем разделе Специальный докладчик рассматривает коренные причины подневольного брака, которые включают в себя необходимость укрепления семейных связей, недопустимость порочащих отношений, защиту сложившихся культурных и религиозных идеалов¹³, защиту чести семьи и контроль за женским поведением и сексуальностью.

Основной причиной подневольного брака является гендерное неравенство, когда в силу культурных или религиозных убеждений девочки и женщины воспринимаются в качестве товара, т.е. лиц, не способных принимать правильные решения относительно того, с кем и когда вступать в брак. Девочек и женщин вынуждают к тому, чтобы они становились невестами, поскольку это облегчает контроль над ними и, в случае девочек, позволяет гарантировать сохранение ими девственности, при этом удлиняется их период репродуктивности, что ведет к увеличению числа детей.

Гендерное неравенство также способствует сохранению подневольных браков через воздействие на формальные

¹¹ Белоусова А.А. Право на здоровье в международном праве: история становления // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2013. № 3. С. 270-278.

¹² A/HRC/21/41.

¹³ Волкова Н.В. Культурные права как отдельная категория системы прав человека: международно-правовые аспекты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2013. № 2. С. 275–285.

правовые системы. И хотя право женщины выбирать, когда и за кого выходить замуж, признается в международном праве прав человека, а Комитет по ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, Комитет по правам ребенка и другие договорные органы настаивают на том, что минимальный возраст вступления в брак должен быть не менее 18 лет, в ряде стран с высоким уровнем показателя ранних браков действуют вместе с тем разные правовые нормы в отношении согласия для мальчиков и девочек. Такие положения укрепляют и узаконивают идею о том, что брак становится подходящим для девочек в более раннем возрасте, чем для мальчиков. Патриархальные законы и практика ограничивают возможности женщин и девочек оговаривать условия в отношении брака и сексуального и репродуктивного здоровья и прав¹⁴.

ЮНИСЕФ сообщает о том, что в некоторых странах ранние браки рассматриваются в семьях в качестве средства защиты девочек от добрых половых отношений, которые могут нанести урон их чести и чести их семей.

Исследования показывают, что подневольные браки наиболее распространены в бедных домохозяйствах. Согласно исследованию, проведенному ЮНИСЕФ, вероятность того, что девочка из беднейшего домохозяйства выйдет замуж, в три раза превышает аналогичный показатель для девочки из самого богатого домохозяйства. Посвященное подросткам исследование Фонда Организации Объединенных Наций в области народонаселения показывает¹⁵, что в Нигерии 80 % самых бедных девочек выходят замуж в возрасте до 18 лет по сравнению с 22 % из категории самых богатых девочек. Важно отметить, что предложение приданого или выкупа за невесту не означает, что женщина оказывается в подневольном браке. В данном контексте злоупотреблением является

¹⁴ A/HRC/21/41.

¹⁵ Там же.

заключение брака без согласия, а не плата. Вместе с тем в некоторых странах внесение выкупа за невесту фактически создает у мужчин впечатление, что они владеют своими женами. В некоторых случаях родители заставляют невесту вступить в подневольный брак с целью улучшить свое экономическое положение или расплатиться с долгами семьи. Бедные семьи из сельских районов чаще принуждают членов своей семьи из числа женщин к вступлению в брак по финансовым соображениям, а не в силу культурных и религиозных причин. Такая плата может производиться в денежной или натуральной форме в пользу семьи женщины, опекуна или любого другого лица или группы. В таких случаях семья невесты заставляет ее находиться в подневольном браке, поскольку возвращение домой означает для ее семьи необходимость вернуть выкуп за невесту ее мужу или семье мужа. В ситуации, когда невеста была принуждена к браку из-за долгов, ее семья часто бывает не в состоянии выплатить полученный за невесту выкуп. Например, когда невесты становятся жертвами физического, психологического или сексуального насилия, их нуклеарные семьи не принимают их обратно, поскольку они должны в таком случае вернуть выкуп за невесту.

Увеличение числа подневольных браков происходит также в результате конфликтов и постконфликтных ситуаций ввиду того, что девочек и женщин, которые были завербованы или похищены вооруженными группами, принуждают выходить замуж за комбатантов. Было установлено, что такие вооруженные группы, как «Армия сопротивления Бога», принуждают девушек к вступлению в подневольные браки в Центральноафриканской Республике, Демократической Республике Конго и Южном Судане¹⁶.

Как уже говорилось, вопрос о подневольных браках в условиях конфликтов недавно получил особое освещение

¹⁶ См. документ S/2012/365.

благодаря принятию Специальным судом по Сьерра-Леоне эпохального решения по делу Обвинитель против Бримы и др., в котором Суд впервые признал принудительный брак преступлением против человечности согласно международному уголовному праву.

В Южной Африке физические лица и супружеские пары получили право выбирать закон, согласно которому регулируется их брак, что дало им возможность отказаться от традиционных систем (если они считают их угнетающими или дискриминационными) в пользу закона, основывающегося на Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. Такой подход следует дополнительно изучить, с тем чтобы привести все законы в соответствие с международными стандартами.

Во многих странах широко распространено убеждение, нашедшее свое выражение и в законодательстве, согласно которому муж имеет право на половой акт и может настаивать на осуществлении этого права с использованием силы. Вместе с тем страны все чаще идут на отмену таких законов. Так, после долгих общественных дискуссий и консультаций с заинтересованными сторонами Гана, среди прочего, внесла поправки в свое законодательство, с тем чтобы защитить женщин от изнасилования в браке, и приняла новый закон, предусматривающий уголовную ответственность за акты физического, сексуального и физиологического насилия, запугивания, угроз и преследований в отношениях между супругами, другими сексуальными партнерами и бывшими партнерами.

По данным ЮНИСЕФ, браки среди подростков (когда один из супругов или оба супруга не достигли 19 лет) часто встречаются в странах Африки, расположенных к югу от Сахары. В этих регионах большинство браков заключается лицами в возрасте 15–18 лет. ЮНИСЕФ предполагает, что ранние браки часто рассматриваются как способ защитить девочек, а иногда и мальчиков от сексуальных посягательств,

распушенности и социального остракизма. В некоторых общинах родители воспринимают девочек как свое богатство.

Ниже описаны формы подневольного брака, с которыми сталкиваются женщины и девочки.

Брак, заключенный без согласия сторон, является формой брака, когда не получено согласие одной или обеих сторон. Отсутствие согласия является основным принципом всех форм подневольного брака. В некоторых случаях для оправдания брака, заключенного без согласия сторон, ссылаются на положения закона. Например, чтобы защитить честь девочки или женщины, в некоторых странах жертва изнасилования может быть принудительно выдана замуж за своего насильника, если последний выражает согласие на это. В таком случае насильник получает прощение¹⁷. И хотя такие браки предположительно основываются на обоюдном согласии, страх перед клеймом позора и давление со стороны семьи иногда заставляют жертв изнасилования соглашаться на них. Рабочая группа по вопросу о дискриминации в отношении женщин в законодательстве и на практике недавно сообщила о случае Амины Филали из Марокко, которая покорила жизнь самоубийством после того, как она предположительно была вынуждена выйти замуж за изнасиловавшее ее лицо. Статья 475 Уголовного кодекса Марокко предусматривает, что обвиняемый в изнасиловании похититель или соблазнитель несовершеннолетней может быть оправдан, если женится на ней¹⁸. Женщины и девочки, состоящие в подневольном браке, обязаны выполнять все работы по дому, а в некоторых случаях – работать вне дома, в магазинах или на фермах и жить половой жизнью со своими мужьями. Если они не выполняют свои обязанности в достаточной степени, то им угрожает физическое и психологическое насилие со стороны их мужей или семей их мужей. Во многих таких

¹⁷ A/HRC/21/4116.

¹⁸ См. документ A/HRC/20/28/Add.1, пункт 24.

случаях девочка или женщина является также жертвой изнасилования в браке.

Сексуальное рабство имеет место в том случае, если одно лицо полностью контролирует другое, будь то с помощью силы или угрозы применения силы. Причиной сексуального рабства становятся подневольные браки. Как упоминалось ранее, девочки, обращенные в ритуальное рабство, вынуждены заниматься сексом со священником, который устанавливает брачные отношения между девочкой и божеством¹⁹. Ритуально поработанная девочка может быть также принуждена заниматься сексом с несколькими сексуальными партнерами, которые считают, что они таким образом очищаются. Девочек также физически ослабляют беременность, роды и, в соответствующих случаях, аборт, которые они переносят. По причине многочисленности половых партнеров девочки страдают от инфекций половых путей и венерических заболеваний. Не имея возможности уехать или обратиться за помощью, они часто опускаются на дно общества, практически лишаясь поддержки. Это способствует формированию у них чувства неуверенности и низкой самооценки, что закрепляет их подневольное состояние.

В исследовании ЮНИСЕФ, посвященном ранним бракам, указывается на то, что для девочек в возрасте до 15 лет в пять раз выше опасность умереть во время родов в результате кровотечения, сепсиса, преэклампсии и эклампсии и осложнений при родах, чем для женщин в возрасте 20–24 лет. Чем моложе невеста, тем больше вероятность того, что она столкнется с серьезными осложнениями во время родов по причине физической незрелости ее тела. Физически неразвитой девушке во время родов угрожают такие осложнения, как акушерский свищ, разрыв влагалища, мочевого пузыря и/или прямой кишки, что приводит к недержанию мочи и выделению фекалий. Девочки подвергаются все

¹⁹ A/HRC/21/4118 GE.12-15169.

большему риску возникновения проблем со здоровьем в связи с повторной беременностью и родами. Кроме того, у них отсутствует доступ к информации об их репродуктивном здоровье и медицинском лечении.

В 2004 г. отмечено, что дети, родившиеся от выданных замуж девочек, в два раза чаще умирают в возрасте до 1 года, чем дети женщин, родивших в возрасте 20–29 лет. Если же они выживают, то эти дети чаще, чем те, кто родился у более взрослых матерей, страдают от плохого лечения и неполноценного питания в результате несоблюдения режима питания матерью.

В странах с высоким уровнем заболеваемости ВИЧ/СПИДом некоторые мужчины предпочитают вступать в брак с девочками, которые сохраняют девственность и явно не инфицированы ВИЧ. Вместе с тем для девочки ранний брак с более взрослым, имеющим опыт половой жизни мужчиной не гарантирует защиту от ВИЧ. Исследования, проведенные в Кении и Замбии, свидетельствуют о том, что незамужние девочки чаще оказываются инфицированными ВИЧ, чем сексуально активные незамужние девочки того же возраста. Кроме того, причинами серьезных долгосрочных последствий для психического здоровья жертв являются изоляция, изнасилование в браке и словесные оскорбления.

Считается, что по уровню образования можно наиболее точно определить тот возраст, в котором девочка выйдет замуж. По данным ЮНИСЕФ, в Мозамбике около 60 % необразованных девочек выходят замуж в возрасте до 18 лет по сравнению с 10 % девочек, имеющих законченное среднее образование, и менее чем 1 % девочек, получивших высшее образование.

Девочек забирают из школы и заставляют вступать в подневольный брак. Низкий уровень образования или его полное отсутствие резко ограничивают их возможности и выбор, что делает их экономически зависимыми от мужей и уязвимыми перед лицом нищеты, если их мужья умирают,

оставляют их или разводятся с ними. В том обществе, в котором существует подневольный брак, мальчиков часто ценят больше, чем девочек. Кроме того, исследование, проведенное Всемирной организацией здравоохранения, показывает, что женщины и девочки с низким уровнем образования в большей степени подвергаются риску насилия, чем более образованные женщины старших возрастов. Чем выше уровень образования девочек, тем меньше они подвержены риску подневольного брака. В Объединенной Республике Танзания вероятность выхода замуж в возрасте до 18 лет для лиц женского пола, которые посещали среднюю школу, на 92% ниже, чем для девочек, которые учились только в начальной школе.

Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин в своей общей рекомендации № 19 признает принудительные браки одной из форм насилия в отношении женщин. Кроме того, в Конвенции о правах ребенка содержится призыв к государствам-участникам защищать детей от физического, психического и сексуального насилия и эксплуатации посредством законодательства и других социальных и воспитательных мер. Обязательство по защите детей от насилия распространяется на защиту от родителей и воспитателей. Статья 34 Конвенции предусматривает, что государства-участники обязуются защищать ребенка от сексуальной эксплуатации и сексуального совращения. Насилие в семье включает в себя физическое и сексуальное насилие и может быть совершено супругом, его родственниками или другими членами семьи. По данным ЮНИСЕФ, женщины и девочки, вступающие в брак в возрасте до 18 лет, являются менее образованными, им в большей степени угрожает насилие в семье, при этом они считают, что их мужья совершенно заслуженно избивают их, в отличие от своих сверстниц, которые выходят замуж позже. В Кении 36 % девочек, которые вступили в брак в возрасте до 18 лет, считают, что мужчина иногда заслуженно избивает свою жену, по сравнению с 20 %

замужних женщин. Кроме того, девочки реже участвуют в обсуждении вопросов планирования семьи²⁰.

Женщины, состоящие в подневольном браке, не пользуются надлежащей защитой ввиду своей особой уязвимости, связанной с их полом, низким социальным статусом и возрастом (если речь идет о девочках). Во многих странах отсутствуют законы, устанавливающие уголовную ответственность за принудительные браки или сходную с рабством практику, источником которой является подневольный брак, такую как подневольный труд в домашнем хозяйстве или изнасилование в браке, в основном в силу того, что некоторые злоупотребления, которые происходят в браке, часто рассматриваются как внутрисемейные дела и вмешательство в них извне нередко воспринимается с неодобрением, поскольку оно представляется вторжением в частную жизнь. Таким образом, наблюдается тенденция к регулированию этой формы рабства в частном порядке, вне суда.

Еще раз отметим, что в некоторых странах принято законодательство, которое предусматривает, что с насильника может быть снято обвинение в изнасиловании, если он женится на своей жертве. Такие законы не признают потерпевшее лицо жертвой и не учитывают ее права, поскольку защищают только лицо, совершившее преступление. Права жертвы дополнительно нарушаются в том случае, если она вынуждена выходить замуж за своего насильника и вступать в подневольный брак.

Таким образом, можно сделать следующие выводы и дать рекомендации:

– Вопрос о подневольном браке носит фрагментарный характер, что сказывается на характере его рассмотрения²¹.

– Законодательство должно предусматривать возможность объявлять недействительными, аннулировать или рас-

²⁰ URL: www.who.int/gender/violence/who_multicountry_study/en/.

²¹ URL: <http://afghanistan.unifem.org/media/pubs/08/factsheet.html>.

торгать браки, заключенные по принуждению, без излишнего бремени для жертв таких браков.

Такие связанные с подневольным браком нарушения, как подневольный труд в домашнем хозяйстве и сексуальное рабство, должны быть отнесены к категории уголовных преступлений. Правительства должны также осудить преступления, совершенные в защиту чести, и укрепить соответствующее законодательство. Жертв преступлений в защиту чести и перенесших их лиц не следует помещать под опеку в целях их защиты; вместо этого необходимо обеспечивать их безопасным жильем на долгосрочной основе.

– Жертвам следует предоставлять психосоциальные услуги, например по линии общинных механизмов поддержки и обслуживания, включая мобилизацию общины и повышение уровня ее информированности о последствиях преступлений, с тем чтобы помочь предотвратить новые преступления и оказать содействие в деле реинтеграции жертв.

Во многих странах, законодательством которых установлен минимальный возраст вступления в брак, предусмотрены также исключения для девочек, не достигших этого возраста. В тех странах, в которых существуют такие исключения, необходимо предусмотреть тщательно продуманные процедуры, гарантирующие наилучшее обеспечение интересов ребенка в браке. Следует обязать частные и государственные учреждения систематически рассматривать вопрос о том, как их решения и действия затрагивают права и интересы детей.

– Требование к соблюдению минимального возраста не может быть выполнено, если в стране отсутствует надлежащая система регистрации рождений и браков. Регистрация рождений должна носить обязательный характер, даже если брак родителей не был зарегистрирован.

– После принятия законодательства, запрещающего подневольный брак, приоритетной задачей становится его практическое осуществление и обеспечение исполнения. Ис-

полнение требует сотрудничества полиции и судебной системы. Требуется также повысить уровень осведомленности соответствующих лиц.

– Государствам следует создать механизмы, посредством которых представители общин смогут сообщать о случаях подневольного брака по «телефонам доверия», через больницы, школы и/или клиники.

Государствам следует создавать новые школы, нанимать квалифицированных преподавателей (в частности из числа женщин) и готовить преподавателей по таким предметам, как гендерная проблематика, ВИЧ/СПИД и репродуктивное и сексуальное здоровье²².

– Государства должны приступить к проведению кампаний по повышению осведомленности о подневольном браке и средствах правовой защиты, имеющихся в распоряжении потенциальных и реальных жертв, о системах охраны репродуктивного здоровья и здравоохранения, а также о важности регистрации рождений и браков. Такие кампании должны быть рассчитаны на широкую общественность и на работников здравоохранения. В сотрудничестве с местными общинами и их руководителями, включая старейшин и религиозных лидеров, следует разработать программы, которые позволят положить конец подневольным бракам в обществе.

²² A/HRC/21/41GE.12-15169 23.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ СОХРАНЕНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ЗНАНИЙ, ГЕНЕТИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ И ФОЛЬКЛОРА В АФРИКЕ¹

*Солнцев Александр Михайлович,
к.юрид.н., доцент, зам. зав. кафедрой
международного права*

*Российского университета дружбы народов,
a.solntsew@gmail.com*

*Воробьев Дмитрий Васильевич,
аспирант кафедры международного права
Российского университета дружбы народов,
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6,
vdy133@yandex.ru,*

С одной стороны, традиционные знания, генетические ресурсы и формы выражения культуры являются объектами, каждый из которых требует специального правового подхода с целью защиты и сохранения. Но, с другой стороны, все они являются частью единого наследия и не должны подразделяться на отдельные категории. В рамках настоящего исследования нас как раз интересует второй подход. Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС) признала, что «исходя из защиты прав коренных народов традиционные знания, генетические ресурсы и традиционные формы выражения культуры ставят разные вопросы и, возможно, поэтому требуют разных комплексов решений. Поэтому термин «эндогенные знания» будет использоваться в настоящем исследовании для характеристики всего массива традиционных знаний, традиционных знаний, связанных с генетическими ресурсами, а также традиционных форм выражения культуры коренных народов и их общин.

¹ Статья публикуется в рамках гранта РГНФ (проект №12-33-01428).

Эндогенные знания заложены в культурных традициях и давних практиках общин коренных народов. Это живой, накопленный массив знаний, практик, традиций и форм выражения культуры, сформированный и поддерживаемый коренными народами в их взаимодействии со средой, в которой они существуют. Целостные по своему характеру эндогенные знания тесно связаны с отношением местных сообществ к своей земле, к своим территориям и природным ресурсам. Эндогенные знания образуют сложный комплекс представлений, интерпретаций и значений. Они охватывают язык, наименования, системы классификации, практику использования ресурсов, обычаи и системы верований². Концепция эндогенных знаний охватывает различные значения у разных коренных народов, зависящих от них в обеспечении средств к существованию и благополучия. Эндогенные знания включают живой массив знаний, которые поддерживаются, развиваются и передаются из поколения в поколение. Таким образом, в силу активного характера компонентов эндогенных знаний, рассматриваемых в настоящей статье, трудно сформулировать их единое определение.

Основополагающий аспект эндогенных знаний состоит в том, что они воплощают в себе коллективную идентичность общин коренных народов, способы их выживания в окружающей среде и отношение к ней. Они динамичны и развиваются, адаптируясь к изменениям в обстоятельствах жизни и потребностях коренных общин. Одним словом, они представляют собой стратегии обращения коренных общин с окружающей их средой в самых разных областях, включая производство продовольствия и сельскохозяйственной продукции, образование, торговлю и экономическое развитие. В сфере здравоохранения большое социальное, культурное и научное значение для коренных народов имеют традицион-

² Wekundah J. M. Why Protect Traditional Knowledge? // African Technology Policy Studies Network, Special Paper Series No. 44. Nairobi, 2012.

ные знания в области медицины. В эндогенных знаниях значительную роль играет гендерный аспект, активно действующий, но редко рассматриваемый. Женщины коренных народов играют решающую роль в создании, сохранении и устойчивом использовании биологического разнообразия и связанных с ним эндогенных знаний, культуры и технологий. Поэтому очень важно оказывать женщинам коренных народов поддержку, обеспечивая им возможность в полной мере участвовать в принятии на всех уровнях решений, касающихся благополучия общины, и влиять на них.

Ключевое значение имеют взаимосвязи между эндогенными знаниями. Основанные на обычаях законы служат для регулирования и контролирования процесса передачи, обмена, использования и применения знаний. Учитывая важную роль обычного права и основанных на обычае систем охраны знаний, коренные народы выражают обеспокоенность относительно выживания их социальных институтов и практик, в которых базируются, сохраняются и передаются их знания. Представители коренных народов подчеркивают, что эндогенные знания могут выживать и успешно развиваться только при условии полного уважения и поддержки их основанных на обычаях законов и практик. Эндогенные знания накапливались веками в процессе эмпирических наблюдений и взаимодействия с окружающей средой. Эндогенные знания передаются из поколения в поколение через совместные практики и устные сказания. Отсутствие письменных документов может поставить эндогенные знания под угрозу исчезновения.

Вопреки правам интеллектуальной собственности, признанным современной системой прав интеллектуальной собственности, эндогенные знания воспринимаются преимущественно как принадлежащие местному сообществу, а не его отдельным членам. Находясь в коллективной собственности, они с трудом поддаются защите действующей системой прав интеллектуальной собственности, которая гаран-

тирует защиту изобретений и оригинальных произведений именованных лиц или компаний на ограниченный период. Отсутствие правовой защиты эндогенных знаний служит существенной основной причиной сегодняшнего разрушения и стремительной утраты этих знаний. Для реальной охраны эндогенных знаний необходимо принять на международном, региональном и национальном уровнях действенные политические и правовые меры при полноценном и равноправном участии коренных народов в разработке и утверждении таких мер.

В *Конвенции о биологическом разнообразии 1992 г.* впервые рассматривался вопрос о признании, сохранении и коммерческом использовании эндогенных знаний. Статья 8 (j) Конвенции предусматривает, что каждая «договаривающаяся сторона по возможности и в соответствующих случаях в соответствии со своим национальным законодательством обеспечивает уважение, сохранение и поддержание знаний, нововведений и практики коренных и местных общин, отражающих традиционный образ жизни, которые имеют значение для сохранения и устойчивого использования биологического разнообразия, способствуют их более широкому применению с одобрения и при участии носителей таких знаний, нововведений и практики, а также поощряют совместное пользование на справедливой основе выгодами, вытекающими из применения таких знаний, нововведений и практики».

Однако следует отметить, что пункт (j) статьи 8 имеет определенный изъян, поскольку ничего не говорит о защите знаний, но призывает договаривающиеся стороны к уважению, сохранению и поддержанию традиционных знаний «в соответствии с национальным законодательством». Пред-

ставляется, что данное положение не гарантирует коренным народам никаких прав на их традиционные знания³.

Большую роль в контексте нашего исследования призван сыграть *Нагойский протокол регулирования доступа к генетическим ресурсам и совместного использования на справедливой и равной основе выгод от их применения 2010 г.* к Конвенции о биологическом разнообразии (Нагойский протокол)⁴, который вступил в силу в октябре 2014 г. В Нагойском протоколе подчеркивается необходимость предварительного обоснованного согласия коренных и местных общин. Так, ст. 7 Нагойского протокола гласит: «В соответствии с положениями внутригосударственного права каждая сторона принимает соответствующие меры с целью обеспечения того, чтобы доступ к традиционным знаниям, связанным с генетическими ресурсами, носителями которых являются коренные и местные общины, осуществлялся с предварительного и обоснованного согласия или одобрения и при участии данных коренных и местных общин и чтобы были установлены взаимосогласованные условия».

На основе ст. 15 Конвенции о биологическом разнообразии, в особенности что касается доступа к генетическим ресурсам, ст. 6 Нагойского протокола содержит требование к каждой стороне «в соответствии с национальным законодательством при необходимости принять меры, направленные на получение предварительного, обоснованного согласия или одобрения и при участии коренных и местных общин, для

³ См.: Mugabe J., Kameri-Mbote P., Mutta D. Traditional Knowledge, Genetic Resources and Intellectual Property Protection: Towards a New International Regime. Geneva, 2001.

⁴ Солнцев А.М. Вопросы доступа к генетическим ресурсам и совместного использования выгод: международно-правовые аспекты // Современное международное право и научно-технический прогресс: материалы Международной научно-практической конференции. Москва, 8 декабря 2011 г. / отв. ред. Е.М. Абайдельдинов, А.Х. Абашидзе, А.М. Солнцев. М.: РУДН, 2012. С. 539–548.

получения доступа к генетическим ресурсам, если они (коренные и местные общины) обладают установленным правом предоставлять доступ к таким ресурсам».

Нельзя обойти вниманием *Конвенцию ЮНЕСКО об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения 2005 г.*, которая предусматривает меры по защите и поощрению разнообразия форм выражения культуры (ст. 7 и 8).

Среди документов «мягкого» права отметим *Декларацию ООН о правах коренных народов 2007 г.*, в ст. 11 и 31 которой содержится наиболее полное признание коллективных прав коренных народов и отражены минимальные правозащитные стандарты, необходимые для содействия развитию и защиты коренных народов⁵.

Реагируя на обеспокоенность по поводу широкомасштабного несанкционированного использования и незаконного присвоения традиционных знаний, включая требования об обеспечении, помимо прочего, эквивалентной защиты систем традиционных знаний, ВОИС в октябре 2000 г. учредила Межправительственный комитет по интеллектуальной собственности, генетическим ресурсам, традиционным знаниям и фольклору (далее – Межправительственный комитет)⁶. В 2009 г. Генеральная ассамблея ВОИС поручила Межправительственному комитету проводить переговоры в целях согласования текста (или текстов) международно-правового документа (или международно-правовых документов), обеспечивающего эффективную защиту генетических ресурсов, традиционных знаний и традиционных форм выражения культуры. Такой международный договор должен обеспечивать коренным народам действенную защиту их знаний. Признание эндогенных знаний интеллектуальной

⁵ Абашидзе А.Х. Организация Объединенных Наций и защита прав коренных народов: монография. М.: РУДН, 2010.

⁶ См. документ ВОИС WO/GA/26/6, 25 августа 2000 года.

собственностью станет историческим событием в международном праве и обеспечит коренным и местным общинам, равно как и правительствам, возможность защитить традиционные народные средства и формы выражения культуры от незаконного присвоения, а также позволит местным сообществам контролировать и совместно получать выгоду от любого использования их традиционных знаний в коммерческих целях.

Африка – континент с богатым биоразнообразием, где проживает 50 млн человек, которые относят себя к коренным народам⁷. Их средства к существованию и их благополучие зависят от знаний об окружающей среде и экосистемах, в которых они обитают, и о находящихся там генетических ресурсах⁸. Как и в других районах мира, формирование и поддержание эндогенных знаний обуславливает выживание местных сообществ и отражает особые взаимоотношения коренных народов с окружающей их средой. Однако Африка, в особенности к югу от Сахары, остается регионом, где более 218 млн человек живут в условиях крайней нищеты. возможности сельских жителей обеспечивать средства к существованию жестко ограничиваются из-за военных действий, падает производство продуктов питания в расчете на душу населения. Деградация почв, последствия экстенсивного сельского хозяйства, обезлесение и выбивание пастбищ скотом достигли опасного уровня и создают дальнейшие угрозы существованию. Беднейшее население проживает в изолированных зонах, лишено систем социальной защиты и программ сокращения уровня нищеты, действующих в поселках

⁷ Док. ООН E/C.19/2014/2, п.7.

⁸ Солнцев А.М., Воробьев Д.В. Защита прав коренных народов в рамках африканской региональной системы защиты прав человека // Евразийский юридический журнал. 2014. № 1 (68). С. 33–36.

городского типа и в городских районах⁹. Это парадоксально, учитывая богатство эндогенных знаний и обилие природных ресурсов в Африке, которые можно было бы использовать для вывода континента из нищеты. Эндогенные знания, технологии, технические навыки и практический опыт могут помочь в борьбе с нищетой. Среди образцов оптимальной практики можно назвать выращивание засухоустойчивых и рано созревающих культур и традиционные методы консервирования и хранения продуктов¹⁰. Системы эндогенных знаний могут играть основную роль в обеспечении экономической устойчивости, самообеспеченности и эффективности затрат.

В Африке наблюдается значительный недостаток осведомленности об экономической ценности эндогенных знаний, несмотря на наличие разнообразных законов и политических мер и активное использование традиционных знаний в сельских районах. Очень мало внимания уделяется взаимосвязям между традиционными знаниями и экономическим развитием; в связи с этим государства очень мало делают для их сохранения или для вложения средств в их развитие. Во многих случаях эти меры встречают активное сопротивление, а такие знания называют «примитивными», поскольку они не проверены научными методами или не прошли экспертную оценку. Вследствие этого они не входят в систему образования большинства стран. До последнего времени во многих странах Африки активно рекомендовалось не применять традиционную медицину, поскольку она считалась «опасной и примитивной». Однако ввиду отсутствия современной медицины к традиционной медицине за первичной

⁹ См.: Emmanuel K.A. Sackey, Ossy M. J. Kasilo. Intellectual property approaches to the protection of traditional knowledge in Africa // African Health Monitor. 13.2010.

¹⁰ United Nations Environment Programme, Indigenous Knowledge in Disaster Management in Africa. Nairobi, 2008.

помощью обращаются свыше 60 % сельского населения Африки¹¹. Значение культуры признается и активно поощряется только в секторе туризма, а теперь еще и моды.

Стимулирование преобразований составляет серьезную проблему в деле сохранения и применения традиционных знаний в Африке. Система образования, организованная религия и средства массовой информации представляют чрезвычайно мощные силы в борьбе за общественные преобразования. Коренным народам постоянно напоминают о том, что если они не откажутся от своих традиционных укладов, то будут по-прежнему отставать в области развития. В результате по мере старения населения коренные знания постепенно утрачиваются.

Слабость законодательства и политики, а в некоторых случаях их отсутствие затрудняют сохранение традиционных знаний в Африке. Восемнадцать стран являются членами Африканской региональной организации интеллектуальной собственности (АРИПО)¹². В большинстве этих стран законодательство о защите традиционных знаний существует в той или иной форме или находится на разных стадиях разработки. Однако поскольку этому вопросу не придается приоритетное значение, ведомства, которые занимаются традиционными знаниями, в минимальной степени обеспечиваются финансированием и кадрами. При этом крайне низок уровень осведомленности о возможностях защиты даже в рамках существующих законов об интеллектуальной собственности.

Совместное и широкое использование традиционных знаний среди многочисленных общин являются самой слож-

¹¹ Promoting the role of traditional medicine in health systems: a strategy for the African region. Док. ООН AFR/RC50/9, п. 9.

¹² Ботсвана, Гамбия, Гана, Замбия, Зимбабве, Кения, Лесото, Либерия, Малави, Мозамбик, Намибия, Руанда, Свазиленд, Сомали, Судан, Сьерра-Леоне, Танзания и Уганда. См. официальный сайт АРИПО. URL: www.aripo.org.

ной проблемой в плане собственности на них, их защиты и использования. Традиционные знания чаще всего совместно используются общинами и их соседями, распространяются по разным юрисдикциям и носят трансграничный характер. Традиционные знания также развиваются и изменяются одновременно и параллельно у коренных народов, живущих в разных условиях, в силу общности биологического разнообразия и экосистем, что предполагает аналогичные реакции и методы адаптации.

Незаконное присвоение традиционных знаний в Африке является прямым следствием рассмотренных выше проблем. Тогда как обладатели эндогенных знаний не осведомлены об их реальной ценности в экономике, фармацевтические предприятия и производители медицинских товаров, среди прочего, проявляют возрастающий интерес к натуральным продуктам для разработки новых лекарств и препаратов. Это подогревает заинтересованность в доступе к знаниям коренных народов о полезности традиционно используемых ими природных продуктов. Изобретения на основе генетических ресурсов, найденных на территории коренных народов, патентуются и разрабатываются исследователями и компаниями, которые зарабатывают на этих ресурсах значительные суммы нередко без всякого указания, признания или компенсации в адрес общин коренного населения. Точно так же образы и традиционные формы выражения культуры коренных народов присваиваются и используются в качестве бренда для линейки товаров в самых разных отраслях, включая индустрию моды, туризм и автомобильную промышленность.

Наглядным примером может служить рынок продукции из растительного сырья. Многие из имеющихся товаров основаны на традиционных знаниях. Рынок растительных лекарственных средств стремительно растет и на данный момент составляет, по некоторым оценкам, 60 млрд дол. США и, согласно прогнозам, к 2050 г. должен достигнуть

5 трлн дол. США¹³. Сторонние структуры продолжают патентовать смеси на основе традиционных лекарственных средств коренных народов без свободного, предварительного и обоснованного согласия общин коренных народов, увеличивших ценность этих растений и генетических ресурсов путем тщательного и непрерывного накопления, селекции, разведения и продажи наиболее адаптированных сортов, или без выплаты им компенсации.

Крупномасштабное присвоение традиционных ремесел и культурной продукции коренных народов также вызывает беспокойство. Когда продукция традиционной культуры коренных народов выходит на национальный или международный рынок, редко отдается или вообще не отдается должное коренным общинам, поддерживающим эти традиции. Такое отсутствие признания означает весьма ограниченный возвратный поток в плане признания, указания автора или материального вознаграждения. Местные художники становятся безликими и невидимыми иногда даже в своих собственных или соседних общинах. Так разрушается иерархия авторитетов и чувство гордости, присущие общинам благодаря их самобытности и отличию от других¹⁴.

Серьезную обеспокоенность вызывает также производство подделок, когда изделия кустарных промыслов коренных народов, основанные на традиционных знаниях и смежных практиках, воспроизводятся посторонними лицами на фабриках и продаются по сниженной цене. Коренные народы считают это недобросовестной конкуренцией, дискриминационной в отношении традиционных методов, материалов и техники изготовления. Подделка и продажа изделий

¹³ См.: Alikhan S. Socio-economic Benefits of Intellectual Property Protection in Developing Countries. Geneva, WIPO, 2000.

¹⁴ См.: Anderson J. Developments in intellectual property and traditional knowledge protection // Traditional Knowledge and Indigenous Peoples. Geneva, 2009.

кустарных промыслов коренных народов может привести к разорению коренных общин и, следовательно, к их дальнейшей маргинализации.

Имеет место также биологическое пиратство в отношении эндогенных знаний, которое включает присвоение знаний, генетических ресурсов и методов земледелия, используемых общинами коренных народов. Все чаще частные лица или организации пытаются монополизировать ресурсы и знания на африканском континенте.

В 2010 г. народ *эндоройс* в Кении выиграл в Африканской комиссии по правам человека и народов иск к правительству Кении¹⁵ и в настоящее время ожидает исполнения решения Комиссии. Народ эндоройс – одна из многих групп коренного населения, на себе испытывавшая биологическое пиратство. Исследователи из Лестерского университета Великобритании взяли из оз. Богория генетические ресурсы в виде микробов. Позже эти генетические ресурсы были запатентованы компанией, которая клонировала микробы, выращиваемые из энзимов в промышленных масштабах для текстильных предприятий и производителей моющих средств. Народ эндоройс ни на одном этапе этого процесса не был об этом информирован и не получил никакой материальной выгоды. По расчетам, общая стоимость ресурса (в настоящее время широко используемого для обесцвечивания джинсов) составляет 600 млн дол. США в год, но эти деньги не дошли до эндоройс, которые остаются одной из беднейших общин в стране. У африканских коренных народов, таких как эндоро-

¹⁵ См.: Кебурия К.О. Решение Африканской комиссии по правам человека и народов по делу «Народ эндоройс против Кении» // Актуальные вопросы международного права в Африке: материалы круглого стола X ежегодной Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы современного международного права», посвященной памяти профессора И.П. Блищенко. Москва, 12 октября 2012 г. / отв. ред. А.Х. Абашидзе, Е.В. Киселева, А.М. Солнцев. М.: РУДН, 2012. С. 240–246.

ис, очень мало возможностей контролировать то, как их знания документируются, хранятся и как к ним получают доступ те, кто их собирает, при этом они, как правило, не осведомлены о результатах подобных исследований¹⁶. Крайне необходимо, чтобы государства информировали общины коренных народов о любых реализуемых или планируемых исследованиях или биоразработках на их землях и обеспечивали осуществление такой деятельности в соответствии с международными нормами по правам коренных народов.

Изображение масайского воина или масайской женщины, украшенное бусинами, остается одним из мощных символов Африки. Десятки компаний использовали и продолжают использовать изображение или название масаи, продавая свою продукцию. В настоящее время изображение или название масаи используют по всему миру примерно 80 компаний, в том числе дом моды, поставляющий масайские пляжные полотенца, шляпы, шарфы и спортивные сумки¹⁷. Ряд компаний зарегистрировали торговую марку с использованием названия или изображения масаи, однако с народом *masai* никто не проконсультировался, они не получили никакой компенсации за несанкционированное использование своего названия, образов или форм выражения культуры. Масаи высказали озабоченность: особое беспокойство у них вызывает изображение тела и облика при ненадлежащем использовании их ювелирных украшений. Несанкционированное использование традиционных форм выражения культуры, таких как ювелирные украшения и клетчатые ткани, в случае масаи представляет собой меркантилизацию их куль-

¹⁶ См.: Jackson D. Implementation of International Commitments on Traditional Forest-related Knowledge: Indigenous Peoples' Experiences in Central Africa. Forest Peoples Programme, October 2004.

¹⁷ См.: Hebblethwaite C. Brand Maasai: why nomads might trademark their name // BBC News Magazine, 27 May 2013.

туры и предметов, которые общины коренных народов считают сакральными или наполненными особым смыслом.

Утрата общинами африканских коренных народов территории, равно как и ограничение их доступа к своим землям и ресурсам, все более затрудняет практическое использование и поддержание ими своих знаний. Хотя это не вопрос интеллектуальной собственности, такие ограничения имеют далеко идущие последствия для передачи традиционных знаний будущим поколениям. В Камеруне молодежь народа *бака* разучились распознавать лесных животных или растения, которые необходимы им для самостоятельной жизни в лесу. Существенно сократились их географические знания о традиционных территориях народа бака. Молодежь народа *багиели* больше не умеет делать капканы из лозы и находить традиционные охотничьи угодья для общины. Народ *батва* в Руанде и Бурунди лишен доступа к своим лесам и вынужден развивать альтернативные средства к существованию, занимаясь наемным трудом, гончарным делом и попрошайничеством. В результате народ батва утрачивает знания своих общин. Жизнь за счет натурального хозяйства, а также возможность передачи знаний будущим поколениям находятся под угрозой, поскольку африканские коренные народы, такие как бака, багиели и батва, утрачивают доступ к своим традиционным территориям, что непосредственно сказывается на их праве на жизнь, здоровье и культуру.

Отмечено, что коренные народы по всему континенту признаны только как поставщики информации и иногда для осуществления инициатив, в результате которых они в конечном итоге лишаются своих ресурсов и прав. Например, для определения потенциальных районов сохранения биологического разнообразия. В регионе Центральной Африки, по данным обследования, проведенного 200 африканскими этноботаниками, почти половина непрекращающихся этноботанических исследований проводится в районах возможного проживания коренных народов. Во многих случаях биологи-

ческое разнообразие, выявленное коренными народами, стало причиной их отчуждения от своих ресурсов. При выселении или принудительном переселении со своих территорий и от своих ресурсов серьезной опасности подвергается само существование коренного населения как народа.

Проблема, с которой сталкиваются коренные народы, защищая свои знания, отчасти состоит в отсутствии потенциала в самих общинах нередко в результате ограниченного осознания возможных выгод от использования своих знаний или последствий неправильного использования или неправомерного присвоения их знаний. Любые инициативы правового характера по обеспечению защиты или выгоды обладателей традиционных знаний должны разрабатываться с учетом конкретных потребностей и ограниченности ресурсов таких общин и включать программы наращивания потенциала, инициативы по проведению документирования и более широкие мероприятия по развитию инфраструктуры при полноценном и действенном участии коренных народов. Существует также серьезная необходимость мер по повышению осведомленности среди общин коренных народов относительно потенциальной ценности их знаний, а также по выработке стратегий предпринимательской деятельности на основе традиционных знаний в рамках коренных общин. Такое предпринимательство могло бы служить важным средством борьбы с непомерно высоким уровнем бедности коренных народов в Африке, а также для защиты, сохранения и поощрения культурных традиций коренных общин.

Африканский союз рассматривал вопрос о необходимости защиты традиционных знаний и предотвращения их ненадлежащего использования путем введения региональной законодательной базы и политики по охране традиционных знаний и генетических ресурсов. Организация африканского единства (ОАЕ) – предшественница Африканского союза – в 2000 г. приняла *Африканское типовое законодательство по защите прав местных общин, фермеров и сельскохозяй-*

ственных производителей и по регулированию доступа к биологическим ресурсам в качестве ориентира для африканских стран, разрабатывающих национальное законодательство о правах местных сообществ на свои традиционные знания и генетические ресурсы. Важно отметить, что Африканское типовое законодательство ни разу не использовалось. Однако оно содержит прогрессивные положения о правах общин коренных народов и местных сообществ. Например, оно требует от государств – членов Африканского союза признать права общин коренных народов и местных сообществ на свои биологические ресурсы, а также на традиционные знания, нововведения и практику. Доступ к традиционным знаниям должен подлежать предварительному обоснованному согласию общин. В Африканском типовом праве также признаются коллективные права общин и их законы, основанные на обычае.

В рамках Африканской региональной организации интеллектуальной собственности в 2010 г. был принят *Свакопмундский протокол по защите традиционных знаний и фольклора*¹⁸ (далее – Свакопмундский протокол). Свакопмундский протокол открыт для подписания государствами – членами Африканской региональной организации интеллектуальной собственности, которые могут использовать Протокол для разработки законодательства на национальном уровне. Протокол использовался в качестве модели для инициатив в области национальной политики и законодательства в Ботсване, Гане, Замбии, Кении, Малави, Мозамбике, Намибии и Уганде¹⁹. Протокол предоставляет общинам исключительные права на санкционирование использования их традиционных знаний и предотвращение такого использования

¹⁸ Аналогичный документ, разработанный Африканской организацией интеллектуальной собственности, был принят в 2007 г.

¹⁹ Intellectual property approaches to the protection of traditional knowledge in the African region // African Health Monitor. 13. 2010.

без их предварительного осознанного согласия. В нем подчеркивается, что защита должна обеспечиваться с учетом специфических особенностей традиционных знаний, в том числе их коллективной и общинной природы. Несмотря на прогрессивный характер Протокола в отношении признания коллективного характера традиционных знаний, он не отвечает требованиям ввиду непризнания прав коренных народов на их биологические ресурсы, которые, с точки зрения общин африканских коренных народов, тесно связаны с их традиционными знаниями.

В рамках Нового партнерства в интересах развития Африки (НЕПАД) африканские лидеры также признали значение защиты и поощрения систем и технологий традиционных знаний. Пункты 140 и 141 рамочного документа НЕПАД посвящены защите традиционных знаний и связанных с ними технических изобретений. В целях введения в действие указанных положений при Африканском совете министров по науке и технике – политическом форуме высокого уровня для министров науки и техники всех государств – членов Африканского союза – была принята *программа защиты и использования основы традиционных знаний Африки*. Совет призван обеспечить африканским странам возможности для совместного освоения и применения науки и техники в целях преобразования экономики и достижения Целей развития тысячелетия.

На сегодняшний день немногими африканскими государствами приняты основы политики и права в отношении традиционных знаний, среди них: Гана, Камерун, Кения, Малави, Нигерия, Объединенная Республика Танзания, Уганда и ЮАР. На сегодняшний день Кения остается одной из немногих стран Африки, где существует особая политика в отношении традиционных знаний, генетических ресурсов и традиционных форм выражения культуры, хотя эта политика еще не получила официального оформления. В Кении также разработан проект политики в отношении традиционной ме-

дицины и лекарственных растений. В Объединенной Республике Танзания политика в отношении традиционной альтернативной медицины принята в рамках Министерства здравоохранения. Малави и Уганда разработали законопроекты по традиционной медицине, но они пока не утверждены. В ЮАР принята политика в отношении систем традиционных знаний и Закон о биологическом разнообразии в 2004 г., а в 2006 г. образовано национальное управление по системам традиционных знаний. В Камеруне существует система защиты изобретений и новаций, связанных с традиционной медициной, в Гане – национальная политика по правам в области интеллектуальной собственности. В Нигерии в 2006–2007 гг. разработано национальное законодательство и законопроект о правах в области интеллектуальной собственности.

Выдающимся с точки зрения положительной практики стал пример народа *сан* в ЮАР и их действия в отношении несанкционированного использования знаний о кактусе худия, который используется для подавления голода. В 1995 г. Южноафриканский совет научных и промышленных исследований, используя антропологические исследования 1930-х годов, запатентовал способность растения худия подавлять аппетит. К 1998 г. доходы от лицензионных платежей и продажи экстракта в качестве средства для похудения достигли 32 млн дол. США²⁰. Народ сан выступил с обвинениями в биологическом пиратстве и угрожал судебным иском, в том числе за нарушение их права на имущество и равенство. Под давлением со стороны адвокатов, работавших с народом сан, Совет согласился делить доходы с народом сан по соглашению об участии в доходах, принятому в 2003 г. Это решение показывает, что при наличии доброй воли у всех сторон возможно достижение взаимоприемлемых

²⁰ Human Development Report 2004: Cultural Liberty in Today's Diverse World. Geneva, 2005.

договоренностей о доступе и участии в доходах. Значение интеллектуальной собственности в обеспечении будущих выгод было признано всеми сторонами, в том числе народом сан. Однако в декабре 2008 г. компания, получившая лицензию на продвижение патента на использование худии, приостановила соответствующий проект. В результате неясно, получит ли народ сан какие-либо доходы.

Расширение практики составления карт на уровне общин свидетельствует об озабоченности групп коренного населения по поводу непризнания или ненадлежащего использования их знаний. Коренные народы начали документировать свои знания посредством составления карт. В Камеруне неправительственные организации провели подготовку общин коренных народов по составлению карт использования ими лесов, в которых они живут. Получая техническую поддержку, они составили оцифрованные карты своих традиционных районов охоты и собирательства, а также возделываемых земель. Карты остаются интеллектуальной собственностью общин коренных народов и служат основным предметом обсуждения в связи с проблемой землепользования и прав доступа на территории, с которых коренные общины были изгнаны. Составление общинных карт также приобретает значительные масштабы в Кении, где составлять карты своих территорий и соответствующих традиционных знаний начали народы эндороис и огиек. На карте общины огиек, например, представлено производство меда в конкретных местах их родных территорий.

Увеличение масштабов неправомерного присвоения и несанкционированного использования традиционных знаний свидетельствует о том, что управление традиционными знаниями, осуществлявшееся на местном уровне и регулируемое обычным правом, стало для коренных народов вопросом международного масштаба. Одна из существенных глобальных проблем, стоящих перед коренными народами, состоит в неправомерном присвоении и использовании их традиционных

знаний в коммерческих и иных целях. Традиционные знания имеют значительную коммерческую ценность, и в то время, как корпорации и другие структуры извлекают выгоду из эндогенных знаний, традиционные обладатели этих знаний редко получают за это компенсацию. В последние годы достигнут некоторый прогресс в создании новых, новаторских инструментов защиты традиционных знаний и традиционных форм выражения культуры коренных народов. Для обеспечения основных прав человека коренных народов необходимо двигаться дальше. Коренные народы африканского региона обладают богатыми традиционными знаниями, но пока еще недостаточно развита законодательная база для их защиты. Несмотря на наличие некоторых положительных примеров законодательных инициатив, в большинстве случаев правовые базы на сегодняшний день еще фрагментарны и нуждаются в реформировании. Необходимо обеспечить полноценное и действенное участие коренных народов и их общин в любых инициативах, которые могут затронуть их традиционные знания.

ГРУППА-77: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ

*Ндженга Лили Нджери,
аспирант кафедры международного права
Российского университета дружбы народов,
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6,
chica.lawyer@gmail.com*

Усложнение международных отношений в условиях глобализирующегося мира сопровождается ростом числа различных межгосударственных форумов. Среди таких форумов следует назвать Группу-8, Группу-20 и Группу-77, которые по своим характеристикам отличаются от межправительственных организаций, что дает основание специалистам именовать их в качестве международных «параорганизаций» или «квазиорганизаций»¹.

Вопрос о значении этих групп в мировой политике и международных отношениях не изучен в достаточной степени в доктрине международного права, однако последние политические события подтверждают, что мир может обойтись, например, без Группы-8². РФ считает, что вопросы, подлежащие обсуждению в рамках Группы-8, можно успешно решать в рамках Группы-20.

На этом фоне возникает особый интерес в отношении Группы-77, ее значения и перспектив.

¹ Абашидзе А.Х., Солнцев А.М. БРИКС – международная квазиорганизация? // Актуализация процесса взаимодействия стран БРИКС в экономике, политике, праве: Материалы Научного семинара. Москва, 9 октября 2012 г. / отв. ред. и сост. К.М. Беликова. М.: Сенат Пресс, 2012. С. 9–15; Копылов М.Н., Солнцев А.М. Вопросы охраны окружающей среды в деятельности парамеждународных организаций (на примере Большой Восьмерки) // Вестник МГОУ. 2010. № 1 (38). С. 205–208.

² Лидеры стран – членов Группы восьми приняли решение приостановить членство России в связи с аннексией Крыма, это было сделано по инициативе президента Обамы. В Нидерландах на Саммите по ядерной безопасности, главной темой обсуждения стала российская аннексия Крыма.

Группа-77, именуемая также как G-77, «Группа семидесяти семи», «Group of 77», была создана на совещании министров развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки в 1964 г. и была официально оформлена на сессии Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) в Женеве 15 июня 1964 г. На этой сессии ЮНКТАД была принята Совместная Декларация семидесяти семи стран (Joint Declaration of The Seventy Seven Countries³). Отсюда и название «Группа-77».

В настоящее время в Группе-77 объединяются 133 государства.

Чтобы ответить на вопрос о значении и перспективах Группы-77, необходимо прежде всего ознакомиться с теми потребностями, ради которых она была создана, и проверить, насколько эти потребности актуальны для государств-участников.

Целью создания Группы-77 является сотрудничество между развивающимися государствами в торгово-экономической, финансовой и технической сферах, что предполагает выработку их совместной позиции на различных международных форумах и в организациях, где рассматриваются и решаются вопросы в указанных сферах. К этим международным форумам и организациям относятся: ГА ООН, ЮНКТАД, ЮНИДО, ЮНЕП, ГАТТ, ЮНЕСКО, ИФАД и т.д.

Основные задачи, которые решаются Группой-77: устранение асимметрии в многосторонней торговой системе; передача ресурсов развитыми странами развивающимся странам; снятие долговых обязательств; решение проблемы неустойчивости рынков сырьевых товаров; устранение протекционистских барьеров на пути доступа к рынкам развитых стран; обеспечение согласованных глобальных мер реагирования со стороны международного сообщества по во-

³ Joint Declaration of the Group of 77 (Geneva, 15 June 1964).

просам устойчивого развития, увеличения субсидирования торговли и сельского хозяйства.

Указанные цель и задачи предопределили основные сферы деятельности Группы-77, такие как: глобализация и международная экономика; финансирование на развитие; торговля и развитие, окружающая среда и развитие; социальные выплаты и половая дискриминация; научно-техническое развитие.

Решающим направлением деятельности также является сотрудничество стран – членов Группы-77 в рамках проекта «Юг-Юг», который является механизмом поддержания единства всех стран-членов этой группы по достижению благополучия народов Юга. Основы проекта «Юг-Юг» были заложены в Каракасской программе действий 1981 г.⁴, в которой были закреплены общие принципы проведения саммитов Юга.

Первый саммит Юга Группы-77 был проведен в Гаване в апреле 2000 г., на нем была принята Гаванская декларация и Программа действий. В 2003 и 2005 гг. в Марракеше⁵ и Дохе были проведены конференции высокого уровня по сотрудничеству «Юг-Юг».

Еще одним важным направлением деятельности Группы-77 является Диалог «Север-Юг». Целю такого диалога является сотрудничество между всеми государствами – развитыми и развивающимися – на основе глобального партнерства с целью достижения большей интеграции по глобальным проблемам развивающихся стран и вопросам глобального экономического управления.

⁴ Caracas Programme of Action adopted by the High-level Conference on Economic Cooperation among Developing Countries (Caracas, Venezuela, 13–19 May 1981)

⁵ Marrakech Declaration on South-South Cooperation and Marrakech Framework of Implementation of South-South Cooperation adopted on the occasion of the High-level Conference on South-South Cooperation (Marrakech, Kingdom of Morocco, 16-19 December 2003).

В организационном плане Группа-77 состоит из трех региональных подгрупп: Африканской, Азиатской и Латинско-американской.

Председатель Группы-77 и представитель Группы-77 в ООН выбираются ежегодно. Китай тесно сотрудничает с Группой-77. Когда ими делается совместное заявление по каким-либо важным аспектам, такие документы имеются как акты Группы-77+КНР. В рамках Группы-77 имеются подгруппы по различным интересам, например, Альянс малых островных государств, ОПЕК, наименее развитые страны и т.д. В 1982 г. в рамках Группы-77 был создан Межправительственный комитет по вопросам экономического сотрудничества развивающихся стран. Активное участие в работе Комитета принимают Китай и Движение неприсоединения⁶.

В целом цель и задачи, ради которых была создана Группа-77 в начале 60-х гг. XX в., остаются актуальными и сегодня. Структура и основные направления деятельности Группы-77 полностью отражают потребности развивающихся государств в условиях ухудшения их экономического, социального и финансового состояния, что дает основание говорить о незаменимости Группы-77 для развивающихся стран как эффективного форума для выработки и отстаивания общих интересов в сложной и вместе с тем не очень справедливой по отношению к развивающимся странам системе международных отношений.

⁶ Генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачев отметил, что «становление движения неприсоединения, его превращение в важный фактор современных международных отношений являются крупным достижением народов освободившихся государств Азии, Африки и Латинской Америки» (Правда, 15 июня 1985 года).

Научное издание

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ АФРИКИ

**Материалы круглого стола
XII ежегодной Международной
научно-практической конференции
«Актуальные проблемы современного
международного права»,
посвященной памяти профессора И.П. Блищенко**

Издание подготовлено в авторской редакции

Технический редактор *Н.А. Ясько*
Дизайн обложки *М.В. Рогова*

*В оформлении обложки использованы репродукции картин
А.В. Поповой, выпускницы кафедры международного права РУДН*

Подписано в печать 29.01.2015 г. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 10,93. Тираж 100 экз. Заказ 89.

Российский университет дружбы народов
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Типография РУДН
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3, тел. 952-04-41